

— Федор Раззаков —

РАССТРЕЛЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Их погасили на пике славы

без Талькова

До сих пор в мире мало
известно, как именно
был убит Игорь Тальков.
Он скончался в 2002 году
в результате несчастного
случая. Однако в последние
годы появились сведения,
по которым Тальков был
убит специально. «Последний
его номер» — фильм
о жизни и смерти Талькова
уже вышел в прокат. В нем
попытки расследовать
его смерть, но пока
ничего не удалось.
Следствие и сейчас
пытается найти
«Я считаю, что
смерть Игоря — из
категории
случайностей».

Santa Ana Register

Dean Reed

It is impossible to imagine
anyone else who could
carry good all winter. Good
the trails without good
ing is difficult without good
and, unfortunately, there
times more well equipped
backpack. While this winter
before, America's sudden
wide acceptance of modern
major sport, making good
has just click on our feet.
Thank you!

U.S. KILLS

By Carl D. Thompson

Prime Minister
Vijaya Muth was
murdered in an
intelligence service
operation, a former
Australian Navy
alleged.

DAILY NEWS

MURDER MYSTERY

John Lennon
shot to death
"Local screwball"
held in killing

EACH

Annotation

Их знают миллионы. Для многих они были и остаются кумирами. Им подражают. Их цитируют. Поют их песни. Копируют походку. Делают похожие прически. Пересматривают фильмы с их участием. Их имена на многие, многие годы останутся в сплетнях, слухах, воспоминаниях и, конечно, в памяти и сердцах людей. Они – «звезды», одаренные, отмеченные талантом и гениальностью публичные люди. Но объединяет их не только дар божий, не только всеобщая любовь, признание и слава. Все те, кому посвящена эта книга, ушли из жизни не по своей воле. Они были убиты. Со злым умыслом или без такового – но тем не менее от рук восхищавшихся ими людей, которые молились на кумиров, боготворили их, превозносили их. Такой вот жестокий парадокс...

- [Федор Раззаков](#)
 - [Отелло по-советски](#)
 - [В лапах дьявола](#)
 - [«Я умру в крещенские морозы...»](#)
 - [Отелло по-советски – 2](#)
 - [Гибель четвероногой звезды](#)
 - [Кто убил великого гая](#)
 - [Ножом в сердце](#)
 - [Тайна трех смертей](#)
 - [Пули для великого Битла](#)
 - [Слепая пуля](#)
 - [Выстрел в затылок](#)
 - [Волчья яма](#)
 - [Тайна озера Цейтнерзее](#)
 - [«Я умру при большом скоплении народа...»](#)
 - [Трагедии и страсти Голливуда](#)
 - [По прозвищу Артист](#)
 - [Пули для боксера](#)
 - [...И тогда пришел киллер](#)
 - [Убитые неизвестными](#)

- [Трагедия сценариста](#)
 - [Случайность или заказ?](#)
 - [Убитый случайно](#)
-

Федор Раззаков

**Расстрелянные звезды. Их погасили на
пике славы**

Отелло по-советски

Инга Артамонова

В начале 60-х имя этой спортсменки знали не только в СССР, но и во всем мире. Инга Артамонова была четырежды чемпионкой мира по конькобежному спорту и могла бы достичь еще больших успехов, если бы не трагическая гибель в расцвете сил и таланта. Гибель, которая всколыхнула весь мир.

И. Артамонова родилась 29 августа 1936 года в Москве. Ее детство было не особенно радостным – девочке пришлось пережить и войну, и развод родителей, и тяжелую болезнь (врачи обнаружили у нее туберкулез). Однако несмотря на это, Инга росла девочкой очень активной и боевой. Их дом стоял рядом с домом № 26 на Петровке, во дворе которого был каток. По словам близких, буквально с раннего утра до позднего вечера Инга пропадала на этом катке с братом Владимиром. Увлечение спортом у нее было настолько сильным, что вскоре ее отдали в секцию академической гребли, существовавшую на водном стадионе «Динамо». Там она прозанималась до окончания школы и добилась превосходных результатов: стала мастером спорта и двукратной чемпионкой страны среди девушек. Многие прочили ей прекрасное будущее и включение в сборную СССР. Однако в 1954 году Артамонова внезапно бросила академическую греблю и перешла в конькобежный спорт. Отметим, что далось ей это нелегко, так как ни один из тогдашних тренеров в этом виде спорта не хотел брать к себе 17-летнюю девушку-переростка.

В 1955 году Артамонова провела свой первый сезон в качестве конькобежца и многих огорчила – от нее привычно ждали побед, а она пропустила вперед даже явных аутсайдеров. Кое-кто из журналистов тут же поспешил записать ее в бесперспективные. Но Инга не была бы собой, если бы сразу смирилась с этим поражением. «Клянусь, что на следующий год я обыграю всех!» – сказала она тогда своему тренеру. И слово свое сдержала.

В сезоне 1956 года она стала чемпионом страны, оставив позади себя таких титулованных спортсменов, как Лидия Селихова (дважды чемпионка мира), Софья Кондакова и др. Ее тут же включили в

сборную СССР и не ошиблись: она и на мировом первенстве вошла в число рекордсменов. А в 1957 и 1958 годах и вовсе стала чемпионом мира. В то время она была в полном расцвете своего таланта и сил и готовилась к новым победам. Однако на чемпионат мира в 1959 году ее не взяли. Почему?

Дело в том, что во время чемпионата мира в 1958 году Артамонова внезапно влюбилась... в шведского конькобежца Бенгдта. Естественно, что об этой связи тут же стало известно тем, кто по долгу службы обязан был присматривать за советскими спортсменами, выступающими за рубежом, – сотрудникам КГБ. Инге было сделано первое предупреждение, чтобы она и думать не могла о том, чтобы связать свою судьбу с иностранцем. Однако спортсменка этому совету не вняла. Когда через какое-то время от Бенгдта ей пришло предложение руки и сердца, она всерьез подумывала его принять. Но она плохо знала людей с Лубянки. «Если вы надумаете уезжать из страны, не забудьте, что здесь у вас останутся ваши родственники. Им будет несладко», – предупредили они ее. И Инга дрогнула. Предложение шведа она отвергла и осталась в СССР. Однако после этой истории доверия ей уже не было. Из сборной страны ее вывели, и она пропустила чемпионат мира в 1959 году (он, кстати, проводился в Швеции) и дважды – Олимпийские игры: в 1960 и 1964 годах.

Видимо, чтобы хоть как-то исправить положение, в котором она оказалась, Артамонова в 1959 году принимает решение выйти замуж за своего одноклубника по «Динамо» конькобежца Геннадия Воронина. Их близкое знакомство было предопределено тем, что они оказались соседями по двухкомнатной квартире, которая принадлежала обществу «Динамо». Оба в то время были неудачниками: Ингу выбросили из сборной, Геннадий постоянно проигрывал своему сопернику по спринту Евгению Гришину (этого спортсмена не зря называли «человек-молния»). Почти каждый вечер они коротали время на общей кухне, плакались друг другу в жилетку и в конце концов решили... пожениться.

Семейная жизнь двух известных спортсменов начиналась вполне пристойно. Молодые прекрасно относились друг к другу и какое-то время жили дружно. Мир и спокойствие в семье позволили Артамоновой вновь стать победителем в спорте. В 1962 году она завоевала пять золотых медалей чемпионата СССР, установила четыре

мировых рекорда за два дня. За весь тот сезон она не проиграла ни одного (!) старта и в конце концов завоевала золото на чемпионате мира. О ее успехах тогда писали все советские газеты. Впереди ее ожидало триумфальное возвращение в сборную СССР и выступление на Олимпийских играх в Инсбруке. Однако...

В те годы лучшими в конькобежном спорте среди женщин считались две спортсменки: москвичка Инга Артамонова и Лидия Скобликова из Челябинска. Обе прекрасно выступали как во внутренних соревнованиях, так и за рубежом. Однако последняя, в отличие от Артамоновой, обладала одним, но существенным достоинством: идеологически она была безупречна. Поэтому именно на нее и сделало ставку тогдашнее спортивное руководство. В результате Артамоновой были созданы такие условия, что она не смогла ровно пройти отборочные соревнования и в сборную не попала. В Инсбрук отправилась Скобликова. И, надо отдать ей должное, выступила она там блестяще. Забег на 500 метров она преодолела за 45 секунд (мировой рекорд), на 1000 метров – за 1 минуту 32,2 секунды.

Свое невключение в сборную Артамонова переживала тяжело. Она понимала, что это была последняя Олимпиада, в которой она смогла бы участвовать и побороться за высшую награду. Эту депрессию она переживала одна, так как ее муж к тому времени стал для нее совершенно чужим человеком. От его бывшего внимания к ней и доброты не осталось и следа. Теперь он постоянно устраивал ей скандалы, а иногда и бил. Обстановка в семье еще больше накалилась, когда в их почтовый ящик чья-то услужливая рука стала регулярно подбрасывать анонимки, в которых рассказывалось о том, как Инга «изменяет» своему мужу. Кто писал эти пасквилы, так и осталось невыясненным. Все это изматывало Артамонову так сильно, что порой ей не хотелось вообще возвращаться домой. Но терпеть неблагополучие в семье приходилось. Инга понимала, что развод может навсегда перечеркнуть ее спортивную карьеру.

Между тем на чемпионате мира в Финляндии в 1965 году Артамонова в очередной (четвертый) раз завоевала золотую медаль. Рассказывают, что за несколько дней до отъезда на мировое первенство Инга взяла в руки молоток и забила в стену гвоздь рядом с тремя лавровыми венками, которые она привезла с трех предыдущих чемпионатов. Так она была уверена в своей очередной победе. И ведь

действительно победила, пробежав всю дистанцию с улыбкой на устах! К сожалению, это был ее последний триумф. Спустя несколько месяцев ее убили. Как же это произошло?

В канун Нового, 1966 года Артамонова приняла окончательное решение расстаться с Ворониным. Она собрала вещи и ушла к матери. Однако муж не собирался так просто отпускать ее от себя. Какая-то, непонятная постороннему, обида терзала его душу. 4 января 1966 года Воронин пришел в дом своей тещи. Далее послушаем рассказ брата Инги – Владимира Артамонова:

«Все произошло на моих глазах.

Воронин пришел домой по обыкновению выпившим.

– Выйдем в другую комнату, поговорим, – бросил он жене. Инга встала с дивана, и они оказались обращенными лицом друг к другу... Я сидел так, что видел лишь спину Воронина.

– Ну что тебе? Говори, – сказала она.

Вдруг я увидел, как туловище Воронина отклонилось в левую сторону и чуть назад, а правая рука сделала резкое движение в направлении груди Инги.

– Вот тебе!

Инга вскрикнула:

– Ой, мама, сердце!

Не отдавая себе отчета в происшедшем, я сорвался с места и сзади обхватил Воронина. Удерживая его, я взглянул на Ингу. Она схватилась руками за левую сторону груди, потом правой рукой выдернула клинок (у ножа от сильного удара треснула рукоять и осталась в кулаке Воронина).

Инга сделала шаг к двери, мама – за ней, Воронин рванулся за ними, но я его удержал. Мы повалились на диван, потом на пол. Нельзя было допустить, чтобы он нагнал Ингу... Раз она побежала, значит, рана не так опасна, значит, будет жить...

Через несколько минут Воронин все же вырвался и зачем-то вышел на балкон (из уголовного дела я потом узнал, что незаметно для меня он подобрал с пола треснувшую деревянную ручку от ножа и бросил ее с балкона восьмого этажа в снег). Телефона у нас не было, и я бросился на улицу к автомату – вызывать милицию.

Как выяснилось позже, Инга вместе с мамой спустилась на два этажа, в квартиру, где жил врач. Инга легла на тахту, мама побежала к

знакомым звонить в «Скорую». Тем временем у Инги заклокотало в груди, в горле послышался хрип, и она потеряла сознание... Ни врач, жившая в этой квартире, ни приехавшие на «Скорой» медики уже ничем не могли помочь...»

Уже буквально на следующий день после этого происшествия Москва наполнилась слухами о нем. Чего только люди не говорили о смерти чемпионки: что ее убил любовник, что она покончила с собой, что ее застрелил муж, уличивший ее в лесбийской любви, и т. д. Официальные власти откликнулись на это событие 6 января коротким некрологом в газете «Советский спорт»: «Преждевременно и трагично оборвалась жизнь Инги Артамоновой... Выдающаяся советская спортсменка... замечательный человек, всю свою жизнь она посвятила развитию советского спорта... В жизни Инга совершила спортивный подвиг... Ей принадлежат многие рекорды мира... Инга завоевала своими замечательными человеческими качествами, выдающимися спортивными достижениями, теплым и товарищеским отношением к людям всеобщую любовь и признательность среди широких кругов спортивной общественности как в нашей стране, так и за ее пределами...»

Между тем главный виновник происшествия – Г. Воронин – был арестован милицией на следующий день после убийства. Началось следствие. Вот что вспоминает об этом В. Артамонов:

«Воронин врал безбожно. И что он не понимал, как это произошло; и что Инга сама пошла на нож; и что мать дернула Ингу за руку и Инга наткнулась на острие. Придумал даже такую трогательную деталь: будто бы он взял лежавшую на диване куклу и произнес: «Вот, Инга, нам бы с тобой такого пупсика...»

Следователь почему-то не поставил преграду лжи Воронина, позволив тому ссылаться на прошлое жены. Больше, чем тяжелые условия семейной жизни, в результате чего она и хотела развестись, его интересовало, договорились ли супруги о разводе накануне Нового года и «законно» ли решила Инга встречать Новый год без мужа. На самом же деле, опасаясь угроз убить ее, если захочет развестись, она и назвала ему другое место встречи (угрозы убить при их ссорах не раз слышал и я сам, мама, наш отчим). С нашими возражениями следствие, однако, считаться не пожелало. Как, впрочем, и с заявлениями прославленных конькобежцев о характере Воронина.

«Могу охарактеризовать его коварным человеком, действующим продуманно, исподтишка» (Борис Шилков). «Геннадий избивал ее, мы часто видели Ингу с синяками. Хорошего о нем ничего не могу сказать» (Борис Стенин). «Было известно, Геннадий издевается над ней, бьет, он часто выпивал. Я никогда не слышала, чтобы она давала какой-либо повод для ревности» (Тамара Рылова). «Я часто видел ее с синяками на лице. Он пил и жил за ее счет» (Константин Кудрявцев, тренер сборной СССР).

Как стало известно в ходе расследования, не Инга изменяла мужу, а он – ей, в чем и сам позднее признался. Призналась и одна из его любовниц, оказавшаяся «подругой» Инги, – вот какие «чудеса» бывают! Уж не она ли и подбрасывала анонимки?

Читая между строк «дела», можно увидеть, что следователь сочувствует убийце (Инга больше зарабатывала, и это, видите ли, расстраивало мужа) и таким образом спасает его от 102-й статьи – возможного расстрела. Назначенная потом 103-я послужила, думаю, хорошей зацепкой для дальнейшего снижения наказания убийце. Через месяц-полтора решением Верховного суда РСФСР ему отменили пребывание в тюрьме, а уже в 1968 году и вовсе освободили из-под стражи!!! Следующие три года убийца находился в свободном режиме, работая на «стройках народного хозяйства».

Упор был сделан на ревность – в показаниях Воронина, его родственников и друзей, в концепции всего следствия. Одновременно – очернение Инги. Следователь умудрился принизить вклад Инги в спорт, и это принижение вошло в обвинительное заключение. При этом усилили достижения Воронина, названного призером Олимпийских игр, которым тот никогда не был. В решение Верховного суда РСФСР проникло даже, что мы с мамой, оказывается, вовсе не видели, как Воронин нанес удар ножом!

Поразила «находчивость» самого убийцы: он стал выдвигать идею измены Родине со стороны Инги: дескать, до замужества имела отношения с иностранцем, хотела выехать из Союза... А себя показывал «патриотом», создавая впечатление, что, хоть и убил, верно все же понимает политику партии и государства. Вообще нетрудно заметить определенную «режиссуру», и довольно умело проведенную, хотя и не совсем тонко. Вот почему я не исключаю того, что Воронин был всего лишь киллером, как мы сегодня называем наемных убийц.

Не потому ли его и выпустили так быстро? И не потому ли ему было позволено лгать в своих следственных показаниях, что уже заранее все было расписано в чьем-то жутком сценарии, начиная от интриг и кончая освобождением убийцы? Вопрос, кто направлял это грязное дело, от кого оно шло. От самого «верха», от спортивного руководства, завистников, соперниц? А что, если в одну точку сошлись намерения сразу всех недоброжелателей?! Возможно, каждый поначалу хотел лишь поинтриговать, попортить нервы спортсменке, подорвать репутацию, ухудшить спортивную подготовленность, внести раздор в семейную жизнь... А произошла трагедия».

С тех пор прошло более 30 лет. И. Артамонова похоронена на Ваганьковском кладбище, на том же участке, где позже будут похоронены Сергей Столяров (1969), Владимир Высоцкий (1980), Владислав Листьев (1995).

А что же стало с Г. Ворониным? Вот что пишет о нем А. Юсин: «Воронин отсидел, спился, но жив. Мне рассказывала олимпийская чемпионка Людмила Титова, как-то по конькобежным делам побывавшая в Дзержинске Нижегородской области, что Воронин подошел к ней: «Ты чего не здороваешься?» – «Я с незнакомыми людьми не здороваюсь». – «Но я же Воронин». – «А с такими нелюдями тем более». После этих слов он отошел.

Вице-чемпион Европы Юрий Юмашев встретил его позднее: «Воронин – маленький лысый старичок – подошел ко мне со стаканом: «Давай выпьем за все хорошее...» Подумал: не жилец он уже, жалкий, опустившийся... А ведь кого убил!»

P.S. Достижение И. Артамоновой, ставшей четыре раза чемпионкой мира, не побито ни одной российской конькобежкой до сих пор. Хотя со дня ее гибели прошел 31 год.

В лапах дьявола

Шэрон Тэйт

Несмотря на всю трагичность истории с Ингой Артамоновой, ее гибель не шла ни в какое сравнение с тем, что произошло в тех же 60-х в далекой Америке. Там была убита молодая голливудская дива Шэрон Тэйт, которая была к тому же еще и беременна. Это убийство наглядно продемонстрировало, что Америка может дать фору всему миру по части всевозможных зверств, в том числе и ее собственных кумиров.

Отметим, что знаменитая «фабрика грез» Голливуд всегда была ареной всевозможных скандалов, как любовных, так и криминальных. Последние случались реже, но резонанс от них был гораздо значительнее.

Так, в 1921 году знаменитый комик Роско Арбакл по прозвищу Толстяк отмечал в отеле «Сан-Фрэнсис» в Сан-Франциско свой новый контракт на миллион долларов. Размах празднования был поистине огромен, и продолжались гуляния без малого три дня. В конце концов сам виновник торжества упился настолько, что схватил 25-летнюю Вирджинию Рапп, уволок ее в свою спальню и там зверски изнасиловал... с помощью пустой бутылки из-под вина. В результате несчастная пять дней пролежала в коме и в конце концов умерла. На состоявшемся суде около сорока свидетелей описали, как пьяный Арбакл насильно тащил Вирджинию в спальню, однако суд оправдал актера-убийцу. В 1932 году Роско Арбакл умер от алкоголизма.

4 апреля 1958 года 14-летняя дочь знаменитой киноактрисы Ланы Тернер (в разное время она была любовницей Фрэнка Синатры, Шона Коннери), спасаясь от домогательств очередного любовника матери, гангстера Джонни Стромпанато, ударила его ножом в грудь и убила на месте. Девушку поместили в одну из психиатрических клиник, где она провела восемь лет. А ее мать, как это ни странно, на волне этого скандала стала еще более популярна, и ее гонорары перевалили за миллион долларов.

Правда, все эти истории не шли ни в какое сравнение с тем, что произошло в Беверли-Хиллз в августе 1969 года. Жертвами этого преступления стали сразу пять человек, среди которых оказалась и

молодая звезда американского кино, жена знаменитого голливудского режиссера польского происхождения Романа Поланского 26-летняя Шэрон Тэйт.

Роман Поланский родился в Париже, затем его родители переехали в Польшу, где и осели окончательно. В 50-х годах Поланский окончил киношколу в Лодзи и стал профессиональным кинорежиссером. В конце 1962 года он снял по сценарию Анджея Вайды фильм «Нож в воде», имевший колоссальный успех в Европе. Поланский решает покинуть Польшу и уезжает в Лондон. Как он сам позднее объяснит, «меня всегда считали космополитом, человеком без корней, я был немного французом для поляков и поляком для Запада».

В 1966 году Поланский приехал в Лос-Анджелес в поисках актеров для своего нового фильма «Бал вампиров». На квартире друзей он познакомился с 23-летней восходящей звездой Голливуда Шэрон Тэйт, о которой один из голливудских кинокритиков как-то заявил: «Шэрон прошла все дантовские круги Голливуда. Она познала наркотики, познала неписанный закон, по которому за каждую ступеньку успеха начинающая актриса в Голливуде расплачивается своим телом».

Встреча в Лос-Анджелесе предопределила судьбу обоих: после съемок в «Бале вампиров» (оба они сыграли главные роли) Поланский и Тэйт поженились. Первое время они жили в Лондоне, где в 1967 году Поланский приступил к съемкам очередного фильма ужасов – на этот раз он решил экранизировать роман Айры Левина «Ребенок Розмари». Сюжет был необычен: в некий дом приезжает семья молодоженов, и в рождественскую ночь, когда муж спит, его жену насилует сам Сатана. Так в ее утробе поселяется сын Антихриста, который в конце фильма благополучно появляется на свет.

В новом фильме роли для Шэрон не нашлось. Однако она не сильно огорчилась, удовлетворившись ролью очаровательной вампириши в предыдущем фильме мужа. К тому же в конце 1968 года Тэйт забеременела и уехала в Лос-Анджелес на шикарную виллу «Белл Эйр» в Беверли-Хиллз. Рядом с этой виллой, в местечке Спан, содержал свою «коммуну» 35-летний Чарльз Мэнсон.

Он родился 11 ноября 1934 года в городе Цинциннати у незамужней 16-летней Кэтлин Меддок. С 13 лет занимаясь проституцией, она однажды забеременела от случайного клиента по

прозвищу Полковник Скотт. Сделав свое дело, он тут же испарился в неизвестном направлении, оставив 16-летней девушке все заботы о будущем ребенке. Но Кэтти повезло: незадолго до рождения сына она встретила некоего Мэнсона, и тот согласился на ней жениться. Таким образом, родившийся вскоре мальчик получил имя Чарльз и фамилию Мэнсон.

Между тем молодые родители были явно обременены его появлением на свет, и вскоре Кэтти отдала сына на воспитание собственной бабке, в Западную Вирджинию. К сожалению, старушка оказалась не самым лучшим воспитателем, и уже в 8 лет Чарльз Мэнсон попался на мелкой краже продуктов, а в 16 лет угодил в тюрьму для подростков «Байз Таун» в штате Небраска после того, как угнал автомобиль. Затем его отправили в реформаторий для мальчиков в Плейнфилдс, штат Индиана, откуда он совершил 18 побегов. Правда, каждый раз его ловили и водворяли на место. В 1951–1954 годах он побывал в нескольких федеральных реформаториях, пока в ноябре 1954 года его не освободили досрочно. Обретя свободу, Мэнсон организовал свою собственную «коммуну», или «семью», в которую принимал молодых людей (в основном девушек), исповедовавших его «религию». Основной идеей было бесприкословное подчинение Мэнсону, провозгласившему себя Христом и Сатаной одновременно, Мессией грядущего апокалипсиса. Причем Мэнсон провозглашал себя не всепрощающим Иисусом, а Иисусом карающим.

Его «семья» состояла из 12 девушек и двух-трех парней. Мэнсон не любил представителей собственного пола, считал их эгоистами, неспособными побороть гордыню и «раствориться» в боге, то есть в Мэнсоне. А вот молодые девушки на эту роль подходили идеально. Не случайно в одном из гимнов «семьи», сочиненных Мэнсоном, были такие строки:

Милашка, прекращай существовать,
Приди и скажи, что ты меня любишь.
Бросай свой мир, я – то, что тебе нужно.
Подчинение – это дар, дай его брату своему...

Подчинение Мэнсону было полным и беспрекословным. Каждая из них должна была выполнять все его и других коммунаров-мужчин сексуальные прихоти, и эти совместные оргии продолжались порой несколько часов в день. Кроме этого, Мэнсон иногда «одалживал» своих девушек членам других «семей» или группировок, в поддержке которых он нуждался. При этом ни одна из девушек не могла не выполнить волю своего господина. Как писал известный американский криминолог В. Фокс: «Группу Мэнсона характеризовали сплоченность и безоговорочное подчинение лидеру. Эта сплоченная группа действовала как единый организм. Каждым членом этой группы двигало стремление к удовлетворению своих эмоциональных потребностей. Именно благодаря подкрепляющему воздействию группы людей ведут себя так, как никогда бы не вели себя в одиночку».

В те годы на Западе только зарождалось движение хиппи, и «семья» Мэнсона, в сущности, была одним из первых его проявлений. «Семья» жила в старом автобусе, здесь они ели, пили, занимались любовью, рожали детей, справляли все праздники и т. д. Их повседневной едой были объедки, добываемые на мусорных свалках. Сам Мэнсон говорил так: «Куда же деваются отбросы вашего общества? Их подбираем мы. Поэтому я – один из ваших отбросов. Я из тех, кого вы называете «хиппи». Я не думал о том, что такое быть хиппи. В общем, хиппи – значит хороший человек. Он подарит вам рубашку и цветы, улыбнется и пойдет дальше по дороге. Но не говорите с ним. Он не будет никого слушать. У него свои мысли. Он нашел себя».

Надо отметить, 60-е годы явились для Запада и Соединенных Штатов Америки поистине бунтарскими. Общество сотрясали расовые бунты, антивоенные и антигосударственные демонстрации, везде царил культ наркотиков, свободной любви, восточной мистики и оккультизма. Появление того, кто провозгласил себя Сатаной, стало закономерным результатом увлечения «играми в дьявола». Так, лидер группы «Роллинг стоунз» Мик Джаггер в 1968 году написал песню «Симпатия к дьяволу», которая звучала как приглашение присоединиться к дьявольским игрищам типа войн и бунтов.

Именно в это время, в 1968 году, на экраны США вышла картина, которую официально нарекли «предвестницей нового возрождения

темы сатанизма в кино». Это был фильм все того же Романа Поланского «Ребенок Розмари».

В эту компанию «сатанистов» вольно или невольно попали даже легендарные «Битлз». 25 ноября 1968 года в США вышла их долгоиграющая пластинка «Белый альбом», где звучала песня «Хелтер Скулте» («Тарарам»).

Посмотри, какой кругом тарарам...

Он с каждым днем все сильнее.

Да, сильнее!

Да, сильнее!

В этой песне Чарльз Мэнсон услышал закодированный призыв к убийствам, о чем он позднее и заявил на суде.

Мэнсон увлекся «игрой в дьявола» так сильно, что не заметил, как игра перешла в реальность. Символом его неограниченной власти в «семье» был охотничий нож, и Мэнсон часто провозглашал, что «каждый боится быть зарезанным». «Но если ты можешь принять смерть, значит, ты можешь и убить», – учил Мэнсон «коммунаров». Как заметил один из тех, кто близко знал Мэнсона: «Можно было ясно видеть, как в нем борются бог и дьявол. И дьявол, кажется, победил». На календаре стояло лето 1969 года.

В начале августа близкий друг Мэнсона, некий недоучившийся актер Бобби Бесолель по прозвищу Люцифер пообещал своим знакомым-хиппи достать для них несколько упаковок наркотика мескалина. Те вручили ему ни много ни мало тысячу долларов, и с этими деньгами Бесолель отправился к Гари Хинману. Сделка состоялась, и Бесолель вернулся назад. Однако случилось непредвиденное. Распечатав коробки, заказчики обнаружили, что в них находится не мескалин, а нечто другое. А деньги давались под определенный товар, и теперь Бесолель должен был объясниться. «Ребята, я все улажу», – заявил он недовольным клиентам и, прихватив «коммунарок» Мэри Бруннер и Сюзан Аткинс, отправился к Хинману.

Повторная встреча продавца и покупателя была уже иной. Бесолель потребовал или вернуть деньги, или вручить настоящий товар – мескалин.

Хинман попытался решить дело кулаками, но Бесолель, выхватив пистолет, выстрелил Хинману в грудь. Тот рухнул.

И хотя он стрелял почти в упор, убить хозяина дома с первого выстрела Бесолель не сумел. А может быть, он этого и не хотел, надеясь, что тот скажет, где хранятся наркотики. Позже они обыскали дом, но мескалина не нашли.

– Где товар? – тряс Бесолель раненого Хинмана, но тот только стонал.

Одна из девушек стала с остервенением бить его ножом по ноге, однако и это не помогло.

Тогда Бесолель извлек охотничий нож и вонзил его в грудь Хинмана. Затем он обмакнул в кровь убитого четыре пальца на правой руке и, сложив их «кошачьей лапкой», оставил отпечаток на стене.

– Пусть думают, что это сделали «Черные пантеры», – объяснил он спутницам.

«Черные пантеры» возникли в США осенью 1966 года как средство самообороны черных жителей Америки от белых экстремистов. Однако постепенно часть участников этой организации встала на путь насилия и террора, и в 1969 году американская полиция и ФБР устроили настоящую охоту за «пантерами». Так что ссылка Бесолея на «пантер» преследовала вполне определенные цели.

И все же убийцы допустили непростительный просчет. У Хинмана было два автомобиля, и оба стали добычей Бесолея и его спутниц. 6 августа 1969 года в одном из этих автомобилей полиция и арестовала Бесолея.

Как только Чарльз Мэнсон узнал об аресте друга, он поклялся любой ценой выручить его из беды. В его голове созрела идея совершить убийство, схожее с расправой над Хинманом. Мэнсон вспомнил, что в «Бэлл Эйр» живет парень, которому он однажды показал свои песни и попросил посодействовать в их записи. Но парень назвал Мэнсона бездарностью. Мэнсон этого не простил. И хотя он слышал, что парень вроде давно уехал из «Белл Эйр», а в его доме живут другие люди, Мэнсон принял решение. Вместе с ним «на дело» поехали Текс Уотсон, Патриция Кревинкель и та самая Сюзан Аткинс, которая присутствовала при убийстве Гари Хинмана.

В тот роковой вечер, в пятницу 8 августа 1969 года, на вилле Шэрон Тэйт (она была на 8-м месяце беременности) собрались гости:

наследница кофейного промышленника-миллионера Абигэйд Фолджер, ее любовник и старый приятель Р. Поланского Войцех Фриковски и парикмахер Шэрон Джей Себринг. Сам хозяин дома, Р. Поланский, все еще находился в Лондоне, откуда каждый день звонил жене. Накануне рокового дня Поланский сообщил, что прилетит днем 9 августа. Это был их последний разговор.

Поздно ночью к дому Шэрон Тэйт подошли Мэнсон и его подопечные. У ворот стоял автомобиль, в котором находился 18-летний Стивен Пэрент, гомосексуалист и любовник местного сторожа. Он не успел даже вскрикнуть, как один из убийц выхватил пистолет и всадил в него пять пуль. Его смерть была мгновенной. На звуки выстрелов из дома выбежали Войцех Фриковски и Абигейд Фолджер, которая была в ночной рубашке. Они успели сделать всего несколько шагов, как перед ними выросли убийцы. Сначала они несколько раз ударили Фриковски ножом, а затем разрядили в него пистолет. То же самое сделали и с Фолджер. Оставшиеся в доме Шэрон Тэйт и Джей Себринг были потрясены, даже не попытались оказать хоть какое-то сопротивление. Преступники, вкусив крови, не реагировали на мольбы беременной женщины. По приказу Мэнсона Шэрон Тэйт заломили руки за спину и, связав их поясом от халата, подвесили несчастную к люстре. Себринг попытался было вступить, но один из преступников выстрелил ему в голову из пистолета, а его напарницы тут же вонзили в тело ножи.

Больше всего мучений выпало на долю голливудской звезды: убийцы отрезали ей груди, методично наносили ей удары в живот, позже эксперты насчитают шестнадцать таких ударов. Когда жертва затихла, преступники ее кровью написали на стене «свиньи» и «тарарам».

Утром 9 августа к дому Шэрон подошла горничная Унифред Чэпмэн. То, что она увидела, заставило ее с дикими воплями броситься прочь. Сержант криминальной полиции, побывавший на месте трагедии, позднее заявил: «За всю свою жизнь я не видел более ужасного зрелища. Меня чуть не вывернуло наизнанку».

Чудовищная расправа в Беверли-Хиллз заставила содрогнуться всю Америку. Общество требовала скорейшей поимки убийц, однако полиция не смогла задержать их по горячим следам. И это стоило жизни еще двум людям.

Увидев реакцию общества, Мэнсон решил закрепить успех. 11 августа он, Уотсон, Аткинс и Лесли Ван Хаутен сели в машину и отправились на окраину Лос-Анджелеса, где обитал давний недоброжелатель Мэнсона. В тот вечер его не оказалось дома, и тогда Мэнсон приказал своим людям ворваться в соседний дом бакалейщика Лино Ла Бьянка и его жены Розмари. Оба они приняли мученическую смерть. Хозяину дома убийцы выцарапали на теле слово «война», а кровью на стене начертали: «тарарам», «восстание» и «смерть свиньям».

Когда убийцы вышли на улицу, они, к своему изумлению, не увидели автомобиля с Мэнсоном. Как оказалось, ему стало скучно и он уехал в свою вотчину, заставив таким образом своих подопечных добираться обратно пешком, что они безропотно и сделали.

Охота за безжалостными убийцами длилась несколько месяцев. В январе 1971 года состоялся суд над Чарльзом Мэнсоном и его учениками. Даже за полтора года, что прошло со дня кровавого злодеяния, Америка не смогла забыть тот кошмар.

На состоявшемся процессе никто так и не услышал слов раскаяния ни от одного из убийц. Текс Уотсон цинично заявил: «Для меня та ночь была самым забавным приключением», а Сюзан Аткинс добавила: «Когда я первый раз ткнула Тэйт ножом, это было очень приятное ощущение». Прокурор Бульози потребовал самой суровой кары, что суд и сделал: 25 января Мэнсон, хотя сам он никого не убивал, был приговорен к смертной казни, остальные – к пожизненному заключению. Однако вскоре в штате Калифорния смертная казнь была отменена, и Мэнсон стал пожизненным заключенным.

Со дня этого преступления прошло уже 27 лет, но американцы о нем не забывают. Во многом этому способствует и сам Чарльз Мэнсон, который даже из-за тюремной решетки продолжает «учить» молодых. За время пребывания в тюрьме он дал тысячи интервью различным изданиям, написал несколько книг, выпустил серию пластинок со своими песнями. О нем снято несколько фильмов (первым был фильм Л. Мэррика и Р. Хендрикса «Мэнсон», вышедший в 1972 году), его песни исполняют такие известные на Западе ансамбли, как «Нирвана» и «Ганз Энд Роузес». Более чем странно выглядит притягательная сила этого человека, который однажды заявил: «Если вдруг я выйду на

свободу, я устрою такое, что убийство Шэрон Тэйт покажется вам детской игрушкой».

«Я умру в крещенские морозы...»

Николай Рубцов

Н. Рубцов родился 3 января 1936 года в городе Емецке Архангельской области в простой семье. Его отец, Михаил Андрианович, работал начальником ОРСа местного леспромхоза. Мать, Александра Михайловна, была домохозяйкой. В семье Рубцовых было пятеро детей: три дочери и два сына. На момент рождения Николай был пятым, самым младшим ребенком в семье (чуть позже родится еще один мальчик – Борис).

Перед самым началом войны семья Рубцовых перебралась в Вологду, где отец будущего поэта получил высокую должность в местном горкоме партии. Проработал он там чуть больше года, после чего в июне 1942 года его призвали на фронт. Дело, в общем, для военного времени обычное, однако незадолго до отправки Рубцова-старшего в его семье случилась беда: умерла жена. Так как оставить четверых детей без взрослой опеки (к тому времени дочери Рая и Надежда умерли после болезни) отец никак не мог, он вызвал к себе свою сестру Софью Андриановну. Та приехала в Вологду, однако взять всех детей отказалась. Поэтому с ней уехала лишь старшая из дочерей – Галина, а младшие были разбросаны кто куда. Альберт был отдан в ФЗУ, а Николай и Борис отправились в Красковский дошкольный детдом.

Что такое детский дом, да еще в голодное военное время, читателю, думаю, объяснять не надо. Пятьдесят граммов хлеба да тарелка бульона – вот и весь тогдашний рацион детдомовцев. Иногда детишки ухитрялись воровать на воле турнепс и пекли его на кострах. И хотя всем обитателям детдома жилось несладко, однако Коле Рубцову особенно. Совсем недавно у него были любящая мать, отец, несколько братьев и сестер, и вдруг – полное одиночество. Особенно оно обострилось после того, как часть детдомовцев, в том числе и его брата Бориса, оставили в Краскове, а Николая вместе с другими отправили в Тотьму. Так оборвалась последняя ниточка, связывавшая мальчика с родными. Единственным лучиком света тогда для 7-летнего Коли была надежда на то, что с фронта вернется отец и заберет его

обратно домой. Но и этой мечте мальчика не суждено было сбыться. Его отец оказался подлецом: он женился во второй раз, и вскоре у него появились новые дети. Про «старых» он забыл.

Между тем среди детдомовцев Рубцов считался одним из лучших учеников. И хотя учили их намного хуже, чем в средних школах (на четыре предмета был один учитель), однако дети и этому были рады. И третий класс Коля окончил с похвальной грамотой. Тогда же он написал и свое первое стихотворение.

Что касается характера мальчика, то, по воспоминаниям его товарищей по детдому, он был среди них самым ласковым и ранимым. При малейшей обиде он отходил в сторону и горько плакал. И кличку он тогда носил довольно мягкую для пацана – Любимчик.

В июне 1950 года Рубцов окончил семилетку и, едва получив диплом, покинул стены ставшего ему родным детдома. Его путь лежал в Ригу, в мореходное училище, о поступлении в которое он мечтал все последние годы своего пребывания в детском доме. Он был преисполнен самых радужных надежд и ожиданий.

К сожалению, его мечте так и не суждено было сбыться. В мореходку брали с 15 лет, а Николаю было четырнадцать с половиной. Поэтому он вернулся обратно в Тотьму и там поступил в лесной техникум.

И все же его мечта о море сбылась в 1952 году. Окончив техникум и получив на руки паспорт, Рубцов отправился в Архангельск, где вскоре устроился помощником кочегара на тральщик «Архангельск» – «старую калошу», которая уже проплавала 34 года. Вся ее команда состояла из прожженных бичей, призвать к порядку которых было не очень просто. В море они работали как черти, однако на берегу только и делали, что шлялись по бабам да кабакам. Николай проработал на судне почти год, после чего подал заявление на уход. Он решил продолжить учебу. Приехал в город Киров и поступил в горный техникум. Но и в нем продержался всего лишь год. В 1954 году бросил его и отправился скитаться. Будучи в Ташкенте, впервые вывел невеселую для себя мысль о том, что находится на «земле, не для всех родной».

В марте 1955 года Рубцов возвращается в родные для него края, в Вологду, и впервые пытается найти своего отца. До этого во всех своих анкетах он неизменно писал: «Отец погиб на фронте». Это

объяснялось не его неведением относительно судьбы родителя, просто не мог ему простить его предательства, что не забрал его из детдома. Но на этот раз Николай пересилил себя и первым попытался установить с ним контакт.

Встреча так и не растопила холода, который возник между отцом и сыном за эти годы. У Михаила Андриановича была молодая жена и маленькие дети. Он занимал солидный пост в местном ОРСе и жил в отдельной квартире. Появление сына, которого он уже успел забыть (ведь бросил его в 6-летнем возрасте), его явно не устраивало. Николай это понял сразу, как только они встретились. Поэтому в доме отца он не задержался и принял предложение своего брата Альберта устроиться работать к нему на полигон в поселок Приютино под Ленинградом.

К тому времени Альберт был уже женат и жил с женой в отдельной комнате в бывшем господском доме. А Николаю он устроил в местное общежитие. Именно в Приютине к Николаю впервые пришла любовь. Девушку звали Таисия. Рубцову она очень нравилась, а вот он ей не очень. Однако его ухаживаний она не отвергала, и вечерами они подолгу гуляли по поселку. Но длилось это недолго: в конце 55-го Рубцова призвали в армию. Таисия его, как положено, проводила, а затем вышла замуж за другого. Обычная, в общем-то, история.

В армии Рубцов служил на Северном флоте: был визирщиком на эскадренном миноносце. Служба давалась ему легко, чему, видимо, немало способствовало детдомовское прошлое. Трудностей он не боялся. Уже через год стал отличником боевой и политической подготовки и даже был удостоен права посещать занятия литературного объединения при газете «На страже Заполярья». Его стихи стали все чаще появляться в этом армейском органе печати. Правда, это были откровенно слабые стихи.

В октябре 1959 года Рубцов демобилизовался и приехал в Ленинград, где устроился рабочим на Кировский завод. Там впервые стал получать хорошую зарплату – 700 рублей. Для неженатого человека это были приличные деньги. Как писал сам поэт в одном из писем той поры: «С полочки особенно хорошо: хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода».

Однако чуть ниже: «Живется как-то одиноко, без волнения, без особых радостей, без особого горя. Старею понемножку, так и не решив, для чего же живу».

В 1960 году Рубцов решает продолжить учебу без отрыва от производства и поступает в девятый класс школы рабочей молодежи. Одновременно с этим он активно посещает занятия литературного объединения «Нарвская застава» и литературный кружок при многотиражке «Кировец». Пишет он тогда много. Причем отмечу парадоксальную вещь: многие его серьезные произведения (которые позднее станут знаменитыми) его коллеги по литобъединению решительно бракуют. Зато те, что написаны с юмором, иронией, получают самую высокую оценку. Вот, например, одно из таких стихотворений под названием «Жалобы алкоголика», датированное 1962 годом. Приведу отрывок из него:

Ах, что я делаю, зачем я мучаю
Больной и маленький свой организм?
Ах, по какому же такому случаю?
Ведь люди борются за коммунизм...
Скот размножается, пшеница мелется,
И все на правильном таком пути...
Так замети меня, метель-метелица,
Ох, замети меня, ох, замети!..

Стоит отметить, что тот год был отмечен в судьбе Николая сразу несколькими приятными событиями. Во-первых, тогда вышла его первая книжка под названием «Волны и скалы» (5 тысяч экземпляров). Во-вторых, на одной из вечеринок он познакомился с Генриеттой Меньшиковой, которая в апреле 1963 года родит ему дочь Лену. И наконец, в-третьих, он успешно сдал экзамены в Литературный институт в Москве. Но не только радости случались в тот год. 29 сентября от рака умер его отец.

В Москве Рубцов поселился в общежитии Литинститута и довольно скоро стал известен в среде молодых столичных поэтов. Написанные им стихи – «Осенняя песня», «Видения на холме», «Добрый Филя» – вскоре были опубликованы в журнале «Октябрь» и

стали очень популярны у читателей. Хотя в стенах самого института отношение к молодому поэту было далеко не однозначным. Одни считали его бездарностью, другие говорили, что он «поэт средних возможностей», и только немногие видели в нем надежду русской поэзии.

Вот что вспоминает о нем его сокурсник Б. Шишаев:

«Когда на душе у него было смутно, он молчал. Иногда ложился на кровать и долго смотрел в потолок... Я не спрашивал его ни о чем. Можно было и без расспросов понять, что жизнь складывается у него нелегко. Меня всегда преследовало впечатление, что приехал Рубцов откуда-то из неудобных мест своего одиночества. И в общежитии Литинститута, где его неотступно окружала толпа, он все равно казался одиноким и бесконечно далеким от стремлений людей, находящихся рядом. Даже его скромная одежда, шарф, перекинутый через плечо, как бы подчеркивали это.

Женщины, как мне кажется, не понимали Николая. Они пели ему дифирамбы, с ласковой жалостью крутились вокруг, но когда он тянулся к ним всей душой, они пугались и отталкивали его. Во всяком случае, те, которых я видел рядом с ним. Николай злился на это непонимание и терял равновесие».

По мнению людей, близко знавших поэта, он был очень мнительным человеком. Рубцов знал очень много всяких рассказов про нечистую силу и порой темными ночами рассказывал их друзьям на сон грядущий. А однажды он решил погадать на свою судьбу необычным способом. Николай принес в общежитие пачку черной копирки и стал вырезать из листов самолетики. Затем он открыл окно и сказал товарищу: «Каждый самолет – судьба. Как полетит, так и сложится. Вот судьба... (и он назвал имя одного из своих приятелей-студентов)». Самолетик вылетел из окна и, плавно пролетев несколько десятков метров, приземлился на снежной аллее под окном. То же самое произошло и с другим самолетиком. «А это – моя судьба», – сказал Николай и пустил в небо третий самолет. И едва он взмыл в воздух, как тут же поднялся порыв ветра, легкую конструкцию подняло вверх, затем резко швырнуло вниз. Увидев это, Рубцов захлопнул окно и больше самолетиков не пускал. Почти целую неделю после этого он ходил подавленный.

Учеба Рубцова в Литинституте продолжалась до декабря 1963 года. После чего его выгнали. 3 декабря он появился в пьяном виде в Центральный дом литераторов и устроил в нем драку. И уже на следующий день после этого ректор подписал приказ о его отчислении. Почему же с ним поступили так строго, а не стали ставить на вид или лишать стипендии? Все дело в том, что за время своего обучения поэт уже столько раз попадал в различные пьяные истории, что случай в Доме литераторов переполнил чашу терпения руководства института. Вот и не стали с ним церемониться.

Между тем свидетели происшествия в ЦДЛ затем рассказывали, как на самом деле возникла та «драка». В тот вечер на сцене Дома выступал некий оратор, который рассказывал слушателям о советской поэзии. В конце своего выступления он стал перечислять фамилии известных поэтов, но не упомянул Сергея Есенина. Это и возмутило Рубцова. Он стал кричать: «А Есенин где?», за что тут же был схвачен за шиворот рьяным метрдотелем. Николай стал вырываться, что впоследствии и было расценено как драка.

К счастью, правда об этом происшествии вскоре дошла до ректора Литинститута И. Н. Серегина – и он в конце декабря издал новый приказ, в котором говорилось: «В связи с выявленными на товарищеском суде смягчающими вину обстоятельствами и учитывая раскаяние тов. Рубцова Н. М., восстановить его в числе студентов 2-го курса...»

Справедливость была восстановлена. Правда, ненадолго. Уже через полгода после этого – в конце июня 1964 года – Рубцов попал в новую скандальную историю. И опять в ЦДЛ. Ситуация выглядела следующим образом. Наш герой и двое его однокурсников отдыхали в ресторане Дома литераторов. Время уже подходило к закрытию, но друзья не собирались закругляться. Они подозвали к своему столику официантку и заказали еще одну бутылку водки. Однако официантка им отказала, объяснив, что водка кончилась. «Тогда принесите вино», – попросили ее студенты. «И вино тоже кончилось!» – отрезала официантка. И в тот же момент ее окликнули с другого столика и тоже попросили спиртного. И тут друзья-студенты увидели, как изменилась их собеседница. Она вдруг расплылась в подобострастной улыбке и буквально бегом отправилась выполнять заказ клиентов. Вскоре на их столе появился заветный графин с водкой. Судя по всему, именно этот

эпизод и вывел из себя подвыпившего Рубцова. Когда официантка вновь подошла к их столику, чтобы сообщить, что ресторан закрывается, он заявил: «Столик мы вам не оплатим, пока вы не принесете нам водки!» Официантка тут же побежала жаловаться метрдотелю. А тот не нашел ничего лучшего, как вызвать милицию. Всю троицу под руки выпроводили из ресторана. Самое удивительное, до отделения милиции довели только одного Рубцова (по дороге двое его приятелей куда-то «испарились»). В результате он стал «козлом отпущения» и 26 июня появился приказ о его отчислении из института.

Можно только поражаться тому дьявольскому невезению, которое сопровождало поэта почти в большинстве подобного рода случаев. Будто магнитом он притягивал к себе неприятности и всегда оказывался в них крайним. Вот как Н. Коняев пишет об этом:

«Рубцов все время с какой-то удручающей последовательностью раздражал почти всех, с кем ему доводилось встречаться. Он раздражал одноглазого коменданта, прозванного Циклопом, раздражал официанток и продавцов, преподавателей института и многих своих товарищей. Раздражало в Рубцове несоответствие его простоватой внешности тому сложному духовному миру, который он нес в себе. Раздражение в общем-то понятное. Эти люди ничего бы не имели против, если бы Рубцов по-прежнему служил на кораблях Северного флота, вкалывал бы на заводе у станка или работал в колхозе. Это, по их мнению, и было его место. А Рубцов околачивался в стольном граде, учился в довольно-таки престижном институте, захаживал даже, ну посудите сами, разве это не безобразие?! в святая святых – ЦДЛ...»

Как это ни странно, но после отчисления из института Рубцов не впал в уныние и даже, по мнению видевших его тогда людей, выглядел вполне благополучно. Этому было несколько объяснений. Во-первых, его личная жизнь складывалась тогда вполне удачно. Например, летом он прекрасно провел время с женой и дочкой в деревне Никольское Вологодской области (там, где он окончил когда-то начальную школу). Во-вторых, в журналах «Юность» и «Молодая гвардия» появились первые крупные подборки его стихов. А это было не только моральной поддержкой молодому поэту, но и материальной.

К сожалению, относительное благополучие поэта длилось всего месяца три. Осенью деньги, заработанные от публикаций, иссякли, и

Рубцову пришлось довольствоваться копеечными гонорарами из газеты «Ленинское знамя», в которой иногда печатались его стихи. А затем случилась новая неприятность. Так как Рубцов нигде не работал, местное сельское руководство объявило его тунеядцем и вывесило его портрет в сельпо. Отмечу, что именно в этот период были написаны стихи (около пятидесяти), большая часть из которых затем войдет в сокровищницу отечественной поэзии.

В январе 1965 года Рубцов вновь вернулся в Москву и благодаря стараниям своих друзей сумел восстановиться на заочном отделении Литературного института. Однако прописки в столице у него не было, поэтому ему приходилось скитаться по разным углам, вплоть до скамеек на вокзалах. А в апреле 1965 года последовал новый скандал.

17 апреля Николай пришел в общежитие института, надеясь, что его пустят переночевать. Но его не пустили. Тогда Рубцов поймал такси в 17-м проезде Марьиной Рощи и попросил отвезти его на одну из улиц города, где жил его друг. Доехав до пункта назначения, Николай отдал водителю (кстати, это была женщина) три рубля, надеясь получить с них сдачу, так как счетчик набил всего лишь 64 копейки. Однако водитель давать ему сдачу отказалась. И тогда поэт потребовал везти его к первому постовому милиционеру. Видимо, у него он думал найти справедливость. Но все получилось наоборот. Милиционер поверил не ему, а женщине-водителю, забрал его в отделение, и там был составлен соответствующий протокол. Через день он уже лежал на столе у ректора Литературного института. Так поэт в очередной раз лишился студенческого билета.

Тем временем дала трещину и его семейная жизнь. Во многом этому способствовала его теща, которая теперь жила вместе с дочерью и внучкой в селе Никольское. Каждый раз, когда Николай возвращался из Москвы в деревню, теща не давала ему прохода, ругала его за тунеядство, пьянство. Вскоре она перетянула на свою сторону и дочь. Когда жить с ними стало для Рубцова совсем невозможно, он уехал куда глаза глядят.

В течение последующих двух лет Рубцов побывал во многих местах страны, даже какое-то время жил в Сибири. Осенью 1967 года свет увидела еще одна книга его стихов, «Звезда полей», которая принесла ему большую известность. В следующем году его наконец-то приняли в Союз писателей и даже выделили комнату в рабочем

общежитии на улице 9-й Армии в Вологде. В 1969 году он окончил Литературный институт и получил на руки диплом. В сентябре того же года его зачислили в штат работников газеты «Вологодский комсомолец». И в довершение всего дали ему однокомнатную квартиру в хрущобе на улице Александра Яшина. (Отмечу, что переезжал туда Николай, имея на руках всего лишь потрепанный чемодан и томик Тютчева.) Казалось, что жизнь у поэта постепенно налаживается и впереди его ждут только радости. Ведь сколько он уже натерпелся. Однако...

В 1969 году рядом с Рубцовым возникла женщина, которой суждено будет сыграть в его судьбе роковую роль. Звали ее Людмила Дербина (она родилась в 1938 году). 2 мая 1962 года они встретились в компании в стенах общежития Литературного института (их познакомила поэтесса Вера Бояринова). Однако тогда это было всего лишь мимолетное знакомство. Рубцов, носивший тогда пыльный берет и старенькое вытертое пальто, произвел на девушку отталкивающее впечатление. Но уже через четыре года после этого, прочитав книгу его стихов «Звезда полей», Дербина внезапно почувствовала к поэту сильное влечение. К тому времени за ее плечами уже был опыт неудачного замужества, рождение дочери. Зная о том, что и Рубцов в личной жизни тоже не устроен, она вдруг решила познакомиться с ним поближе. 23 июня 1969 года она приехала в Вологду, и здесь вскоре начался их роман. Завершился он тем, что в августе того же года Дербина переехала с дочерью в деревню Троица, в двух километрах от Вологды, и устроилась на работу библиотекарем. Позднее она вспоминала:

«Я хотела сделать его жизнь более-менее человеческой... Хотела упорядочить его быт, внести хоть какой-то уют. Он был поэт, а спал, как последний босьяк. У него не было ни одной подушки, была одна прожженная простыня, прожженное рваное одеяло. У него не было белья, ел он прямо из кастрюли. Почти всю посуду, которую я привезла, он разбил. Купила я ему как-то куртку, замшевую, на молнии. Через месяц спрашиваю – где? Он так спокойно: «А-а, подарил, понравилась тут одному».

Все восхищались его стихами, а как человек он был никому не нужен. Его собратья по перу относились к нему снисходительно, даже с насмешкой, уж не говоря о том, что равнодушно. От этого мне еще

более было его жаль. Он мне говорил иногда: «Люда, ты знай, что если между нами будет плохо, они все будут рады...»

Отношения Рубцова и Дербиной развивались неровно: они то расходились, то сходились вновь. Их как будто притягивала друг к другу какая-то невидимая сила. В январе 1971 года всем стало понятно, что это была за сила – темная, злая... «Я умру в крещенские морозы...» – напишет Рубцов в своей «Элегии». Как в воду смотрел...

5 января Дербина после очередной ссоры вновь приехала на квартиру к поэту. Они помирились и даже более того – решили пойти в загс и узаконить свои отношения официально. Там их какое-то время помуржили (у невесты не было справки о расторжении предыдущего брака), но в конце концов своего они добились: регистрацию брака назначили на 19 февраля. 18 января молодые отправились в паспортный стол, чтобы там добиться прописки Дербиной к Рубцову. Однако их ждало разочарование: женщину не прописывали, потому что не хватало площади на ее ребенка. Выйдя из жилконторы, молодые отправились в редакцию газеты «Вологодский комсомолец», однако по пути, возле ресторана «Север», внезапно встретили группу знакомых журналистов, и Николай решил идти вместе с ними в шахматный клуб отмечать какое-то событие, а Дербина отправилась в редакцию одна. Через какое-то время она тоже пришла в шахматный клуб, где веселье было уже в самом разгаре. Вновь прибывшей налили вина, но она практически не пила, предпочитая тихо сидеть на своем месте. И здесь в какой-то момент Рубцов вдруг стал ее ревновать к сидевшему тут же журналисту Задумкину. Однако досадный эпизод удалось обернуть в шутку, и вскоре вся компания отправилась догуливать на квартиру Рубцова на улице Александра Яшина. Но там поэта вновь стала одолевать ревность, он стал буянить, и когда успокоить его не удалось, собутыльники решили уйти подальше от греха. В комнате остались Николай и его невеста.

Л. Дербина вспоминает: «Я замкнулась в себе, гордыня обуяла меня. Я отчужденно, с нарастающим раздражением смотрела на мечущегося Рубцова, слушала его крик, грохот, исходящий от него, и впервые ощущала в себе пустоту. Это была пустота рухнувших надежд.

Какой брак?! С этим пьянчужкой?! Его не может быть!

– Гадина! Что тебе Задумкин?! – кричал Рубцов. – Он всего лишь журналистик, а я поэт! Я поэт! Он уже давно пришел домой, спит со своей женой и о тебе не вспоминает!..

Рубцов допил из стакана остатки вина и швырнул стакан в стену над моей головой. Посыпались осколки на постель и вокруг. Я молча собрала их на совок, встряхнула постель, перевернула подушки...

Рубцова раздражало, что я никак не реагирую на его буйство. Он влепил мне несколько оплеух. Нет, я их ему не простила! Но по-прежнему презрительно молчала. Он все более накалялся. Не зная, как и чем вывести меня из себя, он взял спички и, зажигая их, стал бросать в меня. Я стояла и с ненавистью смотрела на него. Все во мне закипало, в теле поднимался гул, еще немного, и я кинулась бы на него! Но я с трудом выдержала это глумление и опять молча ушла на кухню...

Где-то в четвертом часу я попыталась его уложить спать. Ничего не получилось. Он вырывался, брыкался, пнул меня в грудь... Затем он подбежал ко мне, схватил за руки и потянул к себе в постель. Я вырвалась. Он снова, заламывая мне руки, толкал меня в постель. Я снова вырвалась и стала поспешно надевать чулки, собираясь убежать.

– Я уйду.

– Нет, ты не уйдешь! Ты хочешь меня оставить в унижении, чтобы надо мной все смеялись?! Прежде я раскрою тебе череп!

Он был страшен. Стремительно пробежал к окну, оттуда рванулся в ванную. Я слышала, как он шарит под ванной, ища молоток... Надо бежать! Но я не одета! Однако животный страх кинул меня к двери. Он увидел, мгновенно выпрямился. В одной руке он держал ком белья (взял его из-под ванны). Простыня вдруг развилась и покрыла Рубцова от подбородка до ступней. «Господи, мертвец!» – мелькнуло у меня в сознании. Одно мгновение, и Рубцов кинулся на меня, с силой толкнул обратно в комнату, роняя на пол белье. Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали. Та страшная сила, которая долго копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал... Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала терзать его за горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя!» Вероятно, он испугался меня, вернее, той страшной силы, которую сам у меня вызвал, и этот крик был попыткой

остановить меня. Вдруг неизвестно отчего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. На них мы ни разу не перекрестились, о чем я сейчас горько сожалею. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас. Сильным толчком Рубцов откинул меня от себя и перевернулся на живот. Отброшенная, я увидела его посиневшее лицо. Испугавшись, вскочила на ноги и остолбенела на месте. Он упал ничком, уткнувшись лицом в то самое белье, которое рассыпалось по полу при нашем падении. Я стояла над ним, прирощая к полу, пораженная шоком. Все это произошло в считанные секунды. Но я не могла еще подумать, что это конец. Теперь я знаю: мои пальцы парализовали сонные артерии, его толчок был агонией. Уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, он задохнулся...

Тихо прикрыв дверь, я спустилась по лестнице и поплелась в милицию. Отделение было совсем рядом, на Советской улице...».

А вот как описал эти же события в своем «Дневнике» Ю. Нагибин:

«Когда он хрипя лежал на полу, она опомнилась и выбежала на улицу. «Я убила своего мужа!» – сказала она первому встречному милиционеру. «Идите-ка спать, гражданка, – отозвался блюститель порядка. – Вы сильно выпимши». «Я убила своего мужа, поэта Рубцова», – настаивала женщина. «Добром говорю, спать идите. Не то – в вытрезвитель». Неизвестно, чем бы все кончилось, но тут случился лейтенант милиции, слышавший имя Рубцова. Когда они пришли, Рубцов не успел остыть. Минут бы на пять раньше его еще можно было бы спасти...»

В протоколе о гибели Н. Рубцова зафиксированы икона, пластинка песен Вертинского и 18 бутылок из-под вина.

Вологодский городской суд приговорил Л. Дербину к 7 годам лишения свободы за умышленное убийство в ссоре на почве неприязненных отношений. Стоит отметить, что за несколько месяцев до этого убийства Дербина отдала в набор свой второй (первый – «Сиверко» – вышел в свет в 1969-м) поэтический сборник «Крушина», предисловие к которому написал Н. Рубцов. В этом сборнике было стихотворение, которое просто мистически предрекало будущую беду. Приведу отрывок из него:

О, так тебя я ненавижу!
И так безудержно люблю,
Что очень скоро (я предвижу!)
Забавный номер отколю.
Когда-нибудь в пылу азарта
Взовьюсь я ведьмой из трубы
И перепутаю все карты
Твоей блистательной судьбы...

Л. Дербина отсидела в неволе пять лет и семь месяцев, после чего ее амнистировали в связи с Международным женским днем. После этого она приехала в Ленинград и устроилась на работу в библиотеку Академии наук. В те же годы она стала работать над книгой «Воспоминания». Работая над ней, она отправила несколько писем с отрывками из этой книги известным писателям и поэтам. Приведу лишь два ответа, пришедшие к ней.

В. Боков: «Пишу Вам без промедления. Вчера вечером я, вскрыв бандероль, бросился читать. Уехал на ночь в Переделкино, читал до двух ночи, в семь часов продолжил и вот прочел. Написано потрясающе правдиво, сильно... Никогда и никто так о нем проникновенно не напишет, и дело не в таланте писательском, а в том, что Судьба и еще Судьба встретились и узнали друг о друге все по праву такой горькой, исступленной, трагической, роковой любви...»

Е. Евтушенко: «...Я и не мог подумать, что Вы умышленно убили Колю. Это действительно был нервный взрыв. А разве не убивает каждый из нас своих близких словом, поступками, и порой тоже неумышленными? Я понимаю, как Вы ужаснулись, когда это произошло, и что в Вашей душе сейчас. Злодейка жизнь, а не Вы. Но все-таки Вы совершили грех и должны его отмолить всей своей жизнью».

«Воспоминания» Дербиной увидели свет в 1994 году. И тут же вызвали яростные споры. Одни называли их кощунственными, писали, что имя Дербиной проклято навеки, другие давали право этой женщине на покаяние. Сама Л. Дербина рассказывает: «Меня немного отпустило только восемнадцать лет спустя – в 89-м, 3 января, на Колин день рождения. Три года до этого епитимью исполняла, наказание за

грехи. Раньше все это угнетало, очень тяжело было жить. А снял отец Иринарх епитимью – сразу стало легче, что-то я познала такое, такую истину... Мне и Коля приснился, в его день рождения. Будто ведут меня на расстрел за то, что его погубила. Идем, сбоку ров глубокий, а на той стороне группа морячков. Один оборачивается, улыбается, я смотрю – Коля. Вдруг он отделился от этой группы и идет ко мне. У меня сердце замерло. А он перепрыгнул через ров, подошел, приобнял меня. «Вот видишь, говорю, меня из-за тебя расстрелять хотят». А он в ответ с улыбкой: «Знаю...» А в этом «знаю» тут все: и надежда, и утешение, и желание ободрить. Он вернулся к товарищам, а меня ведут дальше, и уже ничего черного, только покой...»

P.S. В 1973 году на могиле Н. Рубцова поставили надгробие – мраморную плиту с барельефом поэта. Внизу выбили надпись: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

В 1996 году, к 60-летию поэта, в Вологде открыли мемориальную доску на хрущевке, где он жил и погиб.

Отелло по-советски – 2

Тоомас Лейус

Эта трагическая история чем-то напоминает другую – гибель конькобежки Инги Артамоновой. Как и там, здесь в роли преступника выступил популярный спортсмен, и мотивом, толкнувшим его на преступление, тоже была ревность. Однако во всем остальном эта история аналогов не имеет.

Во времена бывшего Советского Союза главной теннисной республикой в нем была маленькая Эстония. Это сейчас теннис стал элитным видом спорта и простому мальчишке попасть на корт практически невозможно. А в советские времена теннисные корты посещали бесплатно все кому не лень, и юные звезды зажигались на теннисном небосклоне чуть ли не ежегодно. Одной из них оказался Тоомас Лейус из Таллина.

Он родился в 1941 году в интеллигентной семье. Его родители мечтали, чтобы их сын стал знаменитым музыкантом, поэтому с ранних лет стали обучать его музыке. У него был отменный слух, и среди своих сверстников по музыкальной школе он считался одним из самых талантливых. Однако параллельно с музыкой Тоомас вдруг увлекся теннисом. Новое увлечение стало настолько серьезным, что вскоре музыка отошла на второй план. Наверное, родители поняли это слишком поздно, иначе они нашли бы способы отвести своего сына от ракетки и вновь засадить его за музыкальный инструмент.

Между тем восхождение Лейуса к славе было неожиданным и стремительным. Получив звание мастера спорта в 16 лет, он установил свой первый рекорд – стал самым молодым обладателем этого звания в Советском Союзе. После этого прошел всего лишь год, и вот уже новый, на этот раз мировой, рекорд появился в копилке этого спортсмена. Выиграв Уимблдонский турнир, Лейус стал самым молодым победителем этого престижного мирового турнира. В 18 лет он был удостоен звания мастера спорта международного класса, в 22 стал чемпионом СССР и седьмым по счету теннисистом в мировой классификации.

На рубеже 60-х Лейус был одним из самых знаменитых спортсменов в Советском Союзе. У него было все, что необходимо для нормальной жизни: слава, деньги, семья.

Женился он по большой любви на преподавательнице физкультуры красавице Анне Лийс. Его ухаживания за ней продолжались почти три года и напоминали собой осаду мощной крепости. Анне Лийс была серьезной девушкой, и ей почему-то казалось, что молодой и знаменитый спортсмен больше увлечен ее красотой, чем внутренним миром. Поэтому она колебалась. Но когда он внезапно сбежал со сборов в Москве, прилетел в Таллин и нашел ее в одном из маленьких кафе, чтобы сделать предложение, сердце девушки не выдержало. Они сыграли свадьбу, которая стала настоящим событием для Таллина. Вскоре на свет появилась девочка, которую счастливые родители нарекли красивым именем Дорис. Казалось, что из этого дома счастье не уйдет никогда, таким крепким казался этот брак. И вот однажды...

Это случилось в середине 60-х годов. В один из тихих вечеров, когда семья Лейуса коротала вечер дома, Анне Лийс вдруг объявила, что собирается пойти на школьный вечер встречи. Тоомас не стал возражать, только в душе позавидовал жене, которая весело проведет время. Едва за супругой закрылась дверь, Тоомас включил телевизор, надеясь с его помощью отвлечься. Однако его глаза бесцельно бродили по экрану, а мозг отказывался воспринимать происходящее. Казалось, что какая-то неведомая сила тянула его из дома, и сопротивляться этой силе Тоомас не мог, а может, и не хотел. Он подошел к телефону и позвонил своей хорошей знакомой, актрисе Аде Лундвер (в 1970 году на экраны страны выйдет лучший фильм с ее участием «Посол Советского Союза»). В те годы Лундвер выступала как певица в варьете, и Тоомас иногда приходил на ее концерты. Вот и в тот вечер он напросился на ее выступление. Знал бы он заранее, чем закончится этот поход, наверное, сто раз подумал бы, прежде чем покинуть пределы дома.

Во время всего представления Лейус сидел недалеко от сцены и буквально не сводил глаз с высокой длинноногой танцовщицы, выступавшей в варьете. Не зная, кто она, он решил обязательно познакомиться с ней после концерта. Когда же он наконец пришел за

кулисы и подошел к ней, она первая улыбнулась ему и представилась: «Эне». Так начался их роман.

Эне работала прима-балериной в знаменитом на весь Союз таллинском варьете гостиницы «Виру». Чтобы попасть на представления этого варьете, тогдашняя советская элита специально приезжала в Таллин, отдавая за это немалые деньги. Так что Эне прекрасно знала вкус успеха, легких денег и была достаточно избалована вниманием богатых мужчин. До Лейуса у нее уже было несколько головокружительных романов, которые закончились так же стремительно, как и начались. Поэтому, когда знаменитый теннисист внезапно увлекся ею, друзья предупредили его: «Тоомас, с этой женщиной у тебя жизни не будет!» Но он пропустил это предупреждение мимо ушей. Его страсть к ней была настолько сильной, что ее не смогли унять ни жена, ни маленькая дочь. Вскоре он бросил их, чтобы жениться на танцовщице. Так она стала Эне Лейус.

В отличие от первой жены Тоомаса, которая удивляла многих своей скромностью, новая суженая знаменитого теннисиста была на редкость эффектной дамой. Это касалось как ее внешности, так и поведения. Она обожала дорогие подарки, и, чтобы угодить ей, Лейусу приходилось дарить ей то дорогую иномарку, то норковую шубу, то бриллиантовое кольцо. Вскоре их отношения приобрели подобие фарса: муж, как собачка, бегал за женой, а та помыкала им как хотела и сколько хотела. В конце концов дело дошло до того, что Эне перестала стесняться свидетелей, при которых заявляла супругу: «Если бы ты не был Лейусом, я бы тебя давно бросила!» Но он прощал ей даже эти слова.

Друзья Тоомаса иногда пытались раскрыть ему глаза на истинное лицо его супруги, но тот наотрез отказывался им верить. Даже рассказы о том, что она изменяет ему с другими, пока он мотается по турнирам, не производили на него впечатления. Ему казалось, что людей толкает на эти разговоры обыкновенная зависть. Но все же какая-то червоточина в нем тогда засела. Иначе он, до этого абсолютный трезвенник, не стал бы все чаще прикладываться к рюмке. И это не преминуло сказаться на его спортивной форме. Если в 1971 году он был второй ракеткой Союза, то уже через год шестой, затем девятой. А в 1974 году он вообще вылетел не только из спортивного мира, но и из нормальной жизни.

Все началось с приезда в Таллин известного московского театрального режиссера Юрия Шерлинга (фамилия изменена). Причем не будет преувеличением сказать, что впереди театральной славы этого режиссера шла слава о нем как о первом любовнике. Судите сами. Будучи 18-летним артистом балета Музыкального театра имени Станиславского, Шерлинг влюбил в себя 32-летнюю солистку этого же театра, народную артистку СССР, супругу режиссера. После того как этот роман стал достоянием гласности, режиссер выгнал Шерлинга из театра и отправил в армию. Вернувшись из армии, молодой артист женился, однако остепениться так и не сумел. Вскоре он закрутил очередной роман: на этот раз с дочерью великого скрипача Ниной. И этому роману суждена была скандальная слава. Узнав про него, замминистра культуры СССР Кухарский потребовал у молодого артиста дать ему слово, что он женится на дочке скрипача. Но Шерлинг такого слова ему не дал. Правда, и с Ниной у него ничего путного не получилось. Отец быстренько выдал ее замуж, предпочтя безродному юнцу более выгодного жениха. А затем судьба занесла Шерлинга в Таллин...

Причиной приезда Шерлинга в столицу Эстонии была постановка на сцене русского драмтеатра нового мюзикла. Мюзикл он поставил, однако попутно закрутил очередной роман: на этот раз с танцовщицей Эне Лейус. Как это произошло, рассказывает сам режиссер:

«Я объявил конкурс – мне нужна была очень красивая женщина. Ну и произошла беда! Одной из претенденток я начал показывать какие-то движения, после чего она потеряла сознание. Почему – выяснилось гораздо позже. Она была единственная и лучшая, и я выбрал ее. Это была шикарная во всех отношениях женщина – красивая, умная, элегантная. По тому времени просто Мэрилин Монро. В один прекрасный вечер она сказала, что хотела бы обсудить какие-то рабочие вопросы. И я в силу своей авантюристичности поехал на это домашнее свидание. Никаких романтических взаимоотношений даже не намечалось, она была шведских кровей и потому достаточно холодна и сдержанна. Но тем не менее роман начался, как взорвавшаяся пороховая бочка. Не было ни прелюдий, ни фуги, ни интродукций – просто из двух углов комнаты друг другу навстречу бросились двое сумасшедших...»

Так как знаменитого теннисиста в те дни в городе не было, Эне без всякого страха бросилась в водоворот нового увлечения. Московский гость пленил ее своей галантностью, тем, что был знаменит, удачлив и богат. (Говорили, что по Таллину он разъезжал на красной «Волге» с личным шофером, абсолютно игнорируя дорожные знаки.) Но в то же время Эне понимала, что скрыть этот роман от мужа ей все равно не удастся. Поэтому, когда он вернулся, она во всем ему призналась. Вот как рассказывает об этом Ю. Шерлинг:

«Через энное количество часов нашего романа выяснилось, что она замужем. Я, в свою очередь, вынужден был сказать, что я тоже не один. Прошли дни, муж вернулся из поездки, и первое, что она сделала, посадила рядом меня и мужа и объявила, что во время его отъезда она полюбила другого человека. И никоим образом продолжать свою совместную жизнь с ним не может. Я тогда был очень смущен, так как в подобной ситуации спокойного разбирательства между мужем, женой и любовником оказался в первый раз...

Надо отдать должное ее мужу – он тогда практически не проронил ни слова. Сказал: если моя жена считает, что это так, тогда это так. Но ведь и рядом со мной был человек, который меня любил. В итоге мы сели за стол вчетвером, чтобы все обсудить. Думаю, никакой драматургии не дано описать этот момент, как каждый по-настоящему защищал свою любовь. Но мы ушли вдвоем, взявшись за руки. Я чувствовал себя невероятно счастливым. Я, может быть, единственный раз в жизни встретил такую женщину. При ней расцветали цветы, при ней убогие помещения становились красивыми. Она как раз и придумала мне имя «экзотическая обезьяна». Вскоре мы с ней уехали в Москву...»

Между тем уход жены Лейус воспринял очень тяжело. У него и до этого уже были проблемы со здоровьем, теперь же они стали возникать еще чаще. Его здоровье стремительно ухудшалось, нервные срывы следовали один за другим. Тут еще цыганка напороочила ему страшную судьбу: мол, до 33 лет он будет богат, а затем случится несчастье. На вопрос «какое?» цыганка ему тогда так и не ответила.

Весной 1974 года Лейус попал в какую-то темную историю, и его задержала милиция. Кто-то из друзей дал знать об этом Эне в Москву. Она срочно прилетела в Таллин и все время, пока велось следствие,

находилась рядом с мужем, с которого взяли подписку о невыезде и отпустили домой. До трагедии оставались считанные дни.

По одной из версий, события в ту роковую ночь развивались следующим образом. Вечером 12 мая они были с Эне в доме одни. Ночью легли спать, но тут зазвонил телефон. Как оказалось, это из Москвы своей любовнице звонил Шерлинг. Эне переговорила с ним, после чего вернулась к мужу. На того же этот звонок произвел неожиданное действие. Он стал требовать, чтобы Эне бросила режиссера и вернулась к нему. Но женщина ответила отказом. И дальше произошло неожиданное. Тоомас повалил жену на кровать, схватил подушку и закрыл ей лицо. Эне пыталась вырваться, сбросить с себя мужа, но сил у нее было слишком мало, чтобы справиться со спортсменом, руки которого были словно вытесаны из камня. Через минуту все было кончено.

А вот какую версию этих же событий излагает Ю. Шерлинг:

«Как выяснилось на следствии, утром его должны были забрать, и он потребовал от нее исполнения супружеских обязанностей. В последний раз. Она сказала: «Я люблю эту «обезьяну», и поделаться с этим ничего нельзя». И он ее задушил...»

Я приехал на ее похороны (они состоялись 17 мая 1974 года) и бросил ей в могилу подвенечное платье. Ведь мы должны были стать мужем и женой, но господь не дал...»

Состоявшийся вскоре суд приговорил Т. Лейуса к восьми годам тюремного заключения. В день объявления приговора ему как раз исполнилось 33 года. Пророчество цыганки сбылось.

В заключении Лейус вел себя на удивление мужественно и ни дня не сидел сложа руки. Он продолжал заниматься спортом, устраивал различные соревнования среди заключенных. Более того, он даже сумел воспитать одного спортсмена, который, выйдя на свободу, стал чемпионом Союза по велоспорту. Потом его взяли в сборную СССР.

В конце концов, учитывая примерное поведение заключенного Лейуса, администрация колонии ходатайствовала о том, чтобы досрочно выпустить его на свободу. Верховный суд пошел навстречу этой просьбе, и в 1977 году Т. Лейус вышел на свободу, отсидев три года вместо восьми.

Между тем возвращение в родной Таллин оказалось для бывшей знаменитости серьезным испытанием. Почти все его бывшие коллеги

по спорту отвернулись от него, друзья не подавали руки. Тоомас понимал их и совсем не осуждал. В те дни он даже нашел время, чтобы съездить в Москву и встретиться там с Шерлингом. По словам режиссера, Лейус пришел в театр на репетицию и долго стоял в проходе, наблюдая за ним. Затем Шерлинг подошел к нему сам, и Лейус задал ему только один вопрос: «Вы действительно ее любили?»

Свою новую любовь Лейус нашел через несколько лет после выхода на свободу. Ею оказалась девушка по имени Сигне, которая была на 16 лет его моложе. Несмотря на то, что их отношения были искренними и они действительно любили друг друга, родители девушки были категорически против связи дочери с бывшим уголовником, тем более убийцей. Но Сигне не послушала своих родителей. Они поженились вопреки воле ее родителей и уехали из Эстонии сначала в Узбекистан, затем в Грузию. Вскоре один за другим у них родились двое детей: мальчик и девочка. На сегодняшний день семья Т. Лейуса проживает в Германии, имея там свой бизнес.

P.S. Актриса Ада Лундвер, которая познакомила Тоомаса с Эне, сегодня живет в Таллине и работает администратором в одном модном ресторане.

Режиссер Шерлинг после истории с Эне имел еще несколько громких романов. Сначала он был женат на киноактрисе Тамаре Акуловой («Баллада о доблестном рыцаре Айвенго»), и в этом браке у них родилась дочка Аня. Однако, по словам режиссера, их «отношения с Акуловой складывались тяжело, и их тяжесть началась с момента ее самостоятельного становления как актрисы». Затем эти отношения окончательно испортились после одного происшествия, когда он якобы укусил за нос сотрудника ГАИ. Год велось следствие по этому делу, затем состоялся суд, на котором Акулова, по словам Шерлинга, дала показания против него. Мол, она не видела точно, кусал ли он милиционера за нос, но предполагает, что такое могло произойти. Режиссера тогда признали виновным.

В дальнейшем Шерлинг был женат на внучке норвежского короля, затем женился на молоденькой пианистке Олесе, которая родила ему дочку Александру.

Что касается прошлой семьи Лейуса, то на сегодняшний день жива только его жена Анне Лийс. Дочка Дорис погибла в автомобильной катастрофе в 1988 году. По дьявольскому стечению

обстоятельств смерть настигла ее 13 мая – в тот самый день, когда из жизни ушла Эне Лейус.

Гибель четвероногой звезды

Лев Кинг

30 лет назад об этом происшествии говорил весь Советский Союз. Среди бела дня в Москве, в двух шагах от крупнейшей киностудии страны, была убита настоящая звезда отечественного кинематографа – единственный в стране лев-актер с величественным именем Кинг. Между тем буквально за несколько месяцев до трагедии произошли события, которые иначе как мистическими назвать трудно. Кинг снялся в главной роли в картине «Пусть он останется с нами», где по сюжету происходил следующий эпизод. Подросток, нашедший льва на улице, приводит его к себе домой. Узнав об этом, отец мальчика, служивший в милиции, со взводом автоматчиков и с револьвером в руке врывается в квартиру, чтобы защитить сына от зверя. Однако в фильме все завершается хеппи-эндом: лев остается в живых. В жизни все обернулось куда трагичнее: Кинга действительно застрелили, причем сделал это... милиционер.

Практически с первых же дней его короткой жизни Кинга преследовал рок судьбы. Он родился в самом конце 60-х в Бакинском зоопарке чрезвычайно болезненным львенком. У него был рахит, и мать-львица в порядке искусственного отбора хотела его ликвидировать. Она успела разорвать львенку бок, когда служащие зоопарка сумели отбить бедное животное у матери и унести в безопасное место. Его выносили и попытались пристроить в цирк, но там от него отказались. И тогда на горизонте возникла семья архитекторов Берберовых, которые уговорили служащих зоопарка отдать львенка им. Их предупредили, что это чрезвычайно опасное дело – держать в городской квартире такого хищника, как лев. Но на Берберовых никакие уговоры не действовали. В итоге Кинг оказался в их двухкомнатной квартире, которая представляла из себя настоящий живой уголок. Помимо самих супругов, их двоих детей и бабушки там еще жили две кошки, собака, попугай.

Надо отдать должное Берберовым: они оказались на редкость самоотверженными хозяевами. Несмотря на то что Кинг еще в детстве переболел всеми видами инфекционных заболеваний, они сумели не

только его выходить, но и поставить на ноги. А потом началось то, что сегодня называется промоушном. Кинг оказался единственным в стране львом, воспитывавшимся в домашних условиях, и про этот эксперимент стала всюду трубить сначала местная, бакинская, а затем и общесоюзная пресса. Потом Кинг стал сниматься в кино, причем не только в документальных фильмах, но и в художественных. Так ко льву пришла кинематографическая слава.

В 1973 году на Кинга обратил внимание признанный мастер комедийного жанра Эльдар Рязанов. Он впервые в своей карьере взялся снимать эксцентрическую кинокомедию «Невероятные приключения итальянцев в России» и, узнав об уникальном льве, специально ввел в сюжет линию с его участием. 13 апреля начались подготовительные работы по фильму, а спустя четыре дня был подписан договор с главой бакинской семьи Берберовых о том, что они согласны предоставить своего питомца для съемок в рязановской комедии. Поскольку для Кинга это была не первая роль в кино, обеим сторонам тогда казалось, что никаких проблем с животным ни у кого не возникнет. Но дальнейшие события показали совсем обратное.

Эпизоды с участием Кинга начали снимать в начале июня в Ленинграде. По словам очевидцев, эти съемки оказались чуть ли не самыми сложными в картине, поскольку лев наотрез отказывался исполнять любые команды не только киношников, но и своего дрессировщика Берберова. Для всех это было полной неожиданностью, поскольку никогда ранее Кинг себя так не вел. Ему специально выделили месяц на акклиматизацию (его привезли из Баку в Москву в конце апреля, а в последних числах мая вместе со съемочной группой он отправился в Ленинград, чтобы в течение месяца успеть отсняться в эпизодах с белыми ночами). Однако из-за постоянных капризов Кинга съемки грозили затянуться до бесконечности. Рязанов был в бешенстве и еще тогда дал себе зарок никогда больше не снимать животных в своих фильмах (эту клятву он держит до сих пор). По его же словам: «Лев чихать хотел на всех нас! Это был ленивый домашний лев, воспитанный в интеллигентной семье архитектора, и он не желал работать. Кинг даже не подозревал, что такое дрессировка. Этот лев в своей жизни не делал ничего, чего бы он не желал. Ему было наплевать, что у группы сжатые сроки, что надо соблюдать контракт с итальянцами, что это совместное производство,

что между странами заключено соглашение о культурном обмене. Кинг оказался очень несознательным...

Я был в отчаянии! История со львом являлась одним из краеугольных камней сценария. На этот аттракцион мы очень рассчитывали. К сожалению, способности льва были сильно преувеличены. Лев был недрессированный, невежественный и, по моему, тупой. Мы намытарились с этим сонным, добродушным и симпатичным животным так, что невозможно описать...»

И все же с горем пополам, но эпизоды с участием Кинга удалось отснять в точно отведенные сроки. В начале июля он вернулся в Москву и был поселен неподалеку от «Мосфильма», в школе № 74 на улице Пудовкина, в спортивном зале. Это было явным нарушением условий договора, поскольку место, где обитало животное, было абсолютно не приспособлено для его содержания: на окнах не было решеток, а двор не был огорожен проволочной сеткой высотой 2,5 метра (меньшее расстояние лев запросто перепрыгивает).

В воскресенье, 15 июля 1973 года, Кинга повезли в Переделкино, чтобы порадовать больных детей, лечившихся в сердечном санатории. Дети действительно были в жутком восторге, когда к ним привезли льва-звезду: самые смелые трепали его по загривку, заглядывали в глаза, теребили хвост. Кинг сохранял спокойствие. Затем его погрузили в автобус и повезли на дачу к известному детскому писателю Юрию Яковлеву, который все эти годы опекал семью Берберовых и неоднократно выступал в СМИ с восторженными статьями в поддержку уникального эксперимента со львом. Встречали царя зверей как национального героя. На заборе писательской дачи красовалась аршинная надпись: «Привет Кингу!», поглазеть на него сбежался чуть ли не весь поселок. Пока его хозяева вместе с хозяевами дачи и гостями пировали за столом и поднимали тосты в его честь, Кинг лежал под деревом в саду и играл с хозяйским файтерьером Чипом. В тот день эта собака была единственным живым существом, которое понимало льва и скрашивало его гордое одиночество. Никому из присутствовавших в тот день на даче даже в кошмарном сне не могло придеться, что жить льву-звезде остается меньше десяти дней.

Трагедия произошла в будничным вторник, 24 июля. В тот роковой день 18-летний студент МВТУ Владимир Марков, проживавший неподалеку от места обитания льва на Мосфильмовской

улице, вместе со своей девушкой и собакой вышел погулять во двор. Пока парочка мирно беседовала, собака пролезла сквозь дыру в заборе и оказалась на территории школы № 74. Студент, заметив пропажу животного, стал звать его, а когда это не помогло, отправился за ним сам, перемахнув через забор. Поймав собаку, парень передал ее девушке и уже собрался было перелезть через забор, как вдруг сзади на него набросился Кинг, который выбрался из спортзала через незакрытое окно (в это время Нина Берберова готовила обед, а ее муж ушел в магазин за мясом для Кинга).

Девушка, увидев любимого в объятиях хищника, огласила ближайшую округу таким истошным криком, что переполошила всех окрестных жителей. Кто-то из них тут же позвонил в местный Гагаринский райотдел милиции, где в тот день дежурил младший лейтенант Александр Гуров. Сегодня он дослужился до генерала, депутата Государственной думы, а тогда был всего лишь инспектором боевой и служебной подготовки Гагаринского райотдела милиции. В те часы он сидел в райотделе, готовил стенгазету. Вдруг услышал, как в дежурной части начался настоящий галдеж. Затем на его столе зазвонил телефон. Схватив трубку, Гуров получил приказ немедленно прибыть в дежурку. Он бросился на зов в чем был – в рубашке, без кителя и фуражки. Дежурный сунул ему в руку пистолет и сказал только одну фразу: «На, ты сможешь!» – «Что смогу?» – удивленно переспросил Гуров. Однако дежурный толком ничего объяснить был не в состоянии, поскольку возбужден был чрезвычайно. Тогда суть дела Гурову объяснил кто-то из стоявших поблизости коллег. Он сообщил, что тут неподалеку лев загрыз человека. Поэтому надо пойти и пристрелить взбесившееся животное. «А где лев-то?» – только и нашел что ответить Гуров. «Да в кустах, возле школы».

На ватных ногах Гуров кое-как добежал до места происшествия. Там ему открылась жуткая картина: ярко-зеленая после дождя трава в радиусе 3–4 метров обагрена кровью, а огромный лев, как потом выяснилось, весом 240 кило, сидел на задних лапах полубоком к милиционеру, передними лапищами прижимая к земле человека, в пасти держа... его голову. Гурова сильно затрясло. Ноги из ватных сделались свинцовыми. Надо было срочно что-то предпринимать, но руки, где был зажат пистолет, как назло, не слушались. Наверное, в течение минуты милиционер никак не мог не только мушку, но и ствол

на льве зафиксировать. Тут еще рука потерпевшего лежала на гриве. Гуров закричал парню: «Убери руку с гривы!» Тот команду выполнил... и потерял сознание.

Увидев это, Гуров наконец собрал всю волю в кулак, схватил пистолет двумя руками и уперся локтями в живот. До льва – метров 13. Стрелял он точно в шею. После первого же выстрела зверь издал страшный рев, точно в кино о жизни в саванне. Тут уж остатки оцепенения окончательно спали с Гурова и он стал делать выстрел за выстрелом, не позволяя льву прыгнуть. Только после того, как лев затих, стрелок остановился. Затем стал осторожно приближаться к зверю. Когда до него оставалось чуть меньше трех шагов, лев внезапно начал подниматься. При этом хвост у него задрался кисточкой, что однозначно указывало на то, что зверь готовится к прыжку. Гуров вновь вскинул пистолет и нажал на курок. Лев подпрыгнул и упал. Все!..

Как вспоминает сам А. Гуров: «Первой к месту происшествия прибежала хозяйка зверя-убийцы Нина Берберова, потом муж ее, и они начали орать на меня: «Фашистская морда! Вот она, советская действительность!» А рядом лежит парень в луже крови. На этого несчастного они и внимания не обратили. Истерику поддержал какой-то дистрофик – тоненьким голоском пронзительно завизжал: «Убийца!» Я в недоумении, ничего не понимаю: вроде бы спас человека?! Тем временем подходит еще один тип, позднее выяснилось – детский писатель, и начинает голосить, что «мы похороним этого льва на даче писателей».

Несмотря на оскорбления, я сопровождал потерпевшего в больницу. Через 15 минут в приемный покой вышел хирург и произнес: «Пулевых ранений нет, шок первой степени, большая потеря крови». К слову, водитель «Скорой помощи», который отвозил изуродованного львом человека, слег на две недели с тяжелым психическим расстройством...»

Кстати, сам Гуров тоже едва не последует по стопам шофера «Скорой», поскольку травля против него будет объявлена грандиозная. Его обвинят ни много ни мало в преднамеренном убийстве знаменитого животного. Поборники этой версии будут напирать на то, что Кинг, истосковавшись в четырех стенах по человеческому общению, хотел всего лишь поиграть со студентом, а не убивать его.

Скорее всего, так оно и было. Однако откуда это было знать Гурову? Он-то стрелял прежде всего в хищника, которому место в африканской саване или в зоопарке, но ни в коем случае не на улице в густонаселенном городе. Милиционер видел лежащего под хищником изодранного в кровь человека, которому требовалась срочная медицинская помощь, и времени на выяснение отношений с животным у него просто не было. Все решали доли секунды.

Между тем в защиту льва выступили многие представители творческой интеллигенции, в том числе руководитель Театра кукол Сергей Образцов. (В одной из газет он напишет: «Смертью своей Кинг доказал, что он друг, а не враг человека. Ведь за 10 или 15 минут даже овчарка успела бы загрызть человека, а Кинг оставил на теле пострадавшего только царапины».) Уже на следующее утро после трагедии он (вместе с Берберовыми) добился личной аудиенции у министра внутренних дел Николая Щелокова и поставил вопрос ребром: милиционерам, убивающим таких знаменитых зверей, не только не место в органах, их еще и судить надо. Щелоков тоже был вне себя от гнева. Как вспоминает сам А. Гуров: «Я, как участник акции по ликвидации взбесившегося хищника, выслушал от Щелокова длинный монолог, из которого узнал, кто я на самом деле, кто моя мать и другие близкие родственники и многое другое, связанное и с богом и с чертом. За то количество крепких выражений, которые министр обрушил на меня, он мог бы получить по статье 206, часть 1 УК РСФСР (мелкое хулиганство) в совокупности пожизненное заключение...»

Однако решать судьбу младшего лейтенанта в одиночку Щелоков не решился и вызвал к себе в кабинет непосредственного начальника Гурова – руководителя Управления уголовного розыска страны Игоря Карпеца. Когда тот вошел в кабинет министра, ситуация там была накалена до предела. Гуров сидел в углу, совершенно раздавленный происходящим, а супруги Берберовы поносили милиционера последними словами и требовали от министра его крови. Образцов, как ни странно, хранил молчание. Поскольку Карпец уже успел ознакомиться со сводкой происшествий за вчерашний день и знал об убийстве Кинга, он сразу догадался, свидетелем чего является. А тут и сам Щелоков объяснил ему, зачем его вызвали на эту разборку.

– Ну, что будем делать, Игорь Иванович, с лейтенантом? – спросил министр. – Ведь это ваш подчиненный, он убивает львов. Да еще каких львов! Таким не место в милиции.

Карпец взглянул на Гурова. На том не было лица, и он обреченно ждал «приговора». И тут в генерале закипело чувство возмущения. Берберовы, да и Образцов, сконцентрировали внимание Щелокова на льве, зная к тому же его слабость к творческой интеллигенции, которой он всегда хотел потрафить к месту и не к месту, наживая «капитал признания». О возможной же гибели человека – молчали. Поэтому свой первый вопрос Карпец обратил к Образцову:

– Сергей Владимирович, а почему вы молчите о человеке, который остался жив только благодаря этому лейтенанту? Чья жизнь, по-вашему, дороже: человеческая или жизнь льва? А если этот человек единственный кормилец в семье? Кто им возместит его? Вы или Берберовы будете содержать эту семью? Или, может быть, государство? Берберовы обязаны были следить за своим питомцем. Они виновны в происшедшем. Если он не трогал их, то это не значит, что он перестал быть хищником, и опасным. И последнее. А если бы на месте этого человека был кто-то из ваших близких, что тогда сказали бы вы? Требовали наказания лейтенанта или, наоборот, его поощрения?

Этот страстный монолог буквально обезоружил защитников льва. В кабинете наступило тягостное молчание. Почувствовав, что он свою миссию уже выполнил, Карпец обратился к министру с просьбой его отпустить. Щелоков согласился. А спустя десять минут, когда гости ушли, вновь вызвал генерала к себе в кабинет. И первыми его словами были:

– Вы знаете, Игорь Иванович, Образцов растерялся после ваших слов. Да и Берберовы поспешили закончить разговор, требуя все-таки наказания лейтенанта.

– Ни в коем случае этого делать нельзя, – принялся убеждать министра Карпец. – Более того, лейтенант – молодец. Решителен. Быстро и точно сориентировался.

– Ну хорошо, не будем его травмировать, – подвел итог министр.

Стоит отметить, что через некоторое время Карпец пригласил Гурова на работу к себе в главк – инспектором по предупреждению краж. Узнав об этом, Щелоков поначалу возмутился, но затем сменил

гнев на милость и отцепился от Гурова. И в дальнейшем тот сделал хорошую карьеру в МВД.

Что касается льва Кинга, то его похоронили на даче того самого писателя Юрия Яковлева, где лев побывал незадолго до своей гибели. Кстати, пес писателя – файтерьер Чип – на следующий день после трагической смерти Кинга тоже умер. Говорят, от тоски по новому другу. А Берберовы вскоре завели нового льва, причем деньги на него им собрала столичная творческая интеллигенция, которая очень им сочувствовала. Но эксперимент завершился трагически: в 1980 году лев задрал сына Берберовых Рому, скальпировал хозяйку Нину Петровну, которая потом потеряла рассудок. С тех пор больше ни у кого из советских граждан не возникала мысль воспитывать львов или других хищников в домашних условиях.

Кто убил великого гая Пьер Паоло Пазолини

В середине 70-х в СССР в год происходило порядка 16–17 тысяч убийств, что для почти 300-миллионной страны было каплей в море. Например, в сегодняшней России, которая по сравнению с СССР «похудела» ровно наполовину (в ней проживает 146 миллионов человек), от рук преступников погибает более 15 тысяч граждан. И это закономерно, учитывая, какой капитализм у нас победил – дикий.

В цивилизованной Италии, которая в середине 70-х насчитывала 55 миллионов жителей, в год убивали около 700–800 человек. Например, в 1975 году там было совершено 739 убийств, но самым сенсационным оказалось то, что произошло в начале ноября в пригороде Рима. Жертвой стал кинорежиссер с мировым именем Пьер Паоло Пазолини.

Пазолини родился в 1922 году в Болонье в семье офицера итальянской армии. Матерью его была дочь одного деревенского богача из области Фриули. Как позднее признается сам Пьер Пазолини: «Именно пребывание во Фриули было для меня очень важным, так как именно там я стал марксистом... Сразу после войны местные поденщики начали борьбу против крупных землевладельцев области. Впервые в жизни я столкнулся с классовой борьбой и без всяких колебаний встал на сторону поденщиков».

Стоит отметить, что марксистские воззрения у Пазолини не шли дальше обычных деклараций, он был, что называется, эстетствующим марксистом. В то время он часто проводил время в кругу простых крестьян, но настоящего сближения между ними не было.

В 1950 году 28-летний Пазолини переехал в Рим и занялся литературной деятельностью. В 1955 году свет увидела одна из самых известных его книг – «Продажные парни», а через четыре года появился роман «Жестокая жизнь». Одновременно с этим он пишет киносценарии, в их числе, в соавторстве с Федерико Феллини, – «Ночи Кабирии». В начале 60-х Пазолини решает связать свою жизнь с кинорежиссурой. Однако Феллини упрекнул его в дилетантизме, а

знаменитый кинорежиссер Лукино Висконти заявил, что Пазолини лучше писать стихи и не лезть туда, где он ничего не смыслит.

Несмотря на столь уничижительные отзывы мэтров, Пазолини не изменил своего решения. Один за другим в 60-е годы вышли: «Аккатоне», «Мама Рома», «Евангелие от Матфея» (кстати, на роль Христа в этом фильме Пазолини пригласил Евгения Евтушенко, однако того не выпустили из СССР), «Птицы большие и малые», «Царь Эдип». Как писали критики, «первые его картины сочетали в себе неореалистическое внимание к деталям быта и метафорическое возвышение конфликтов на уровень общечеловеческой трагедии. Излюбленной темой Пазолини было обличение тлетворного влияния религиозного морализма».

Церковь записала Пазолини в число своих врагов. В 1963 году за киноновеллу «Овечий сыр» он был даже приговорен к 4 месяцам тюремного заключения за оскорбление религии. Правда, прокурор республики этот приговор отменил. Не меньший гнев церкви вызвали «Евангелие от Матфея» и «Теорема». Последний фильм аббат Бертье назвал сакрализацией секса, добавив, что «в нем нет ничего христианского и человеческого».

Пазолини почти не обращал внимания на все эти обвинения, считая их необоснованными. Он заявлял: «Говорят, что у меня три идола – Христос, Маркс и Фрейд. Но это все пустые слова. На самом деле мой единственный идол – действительность...»

Справедливости ради скажем, что в этой «действительности» Пазолини больше всего интересовали теньевые стороны, отчего главными героями его фильмов становились нищие, проститутки, уголовники и т. д. Его последний фильм «Сало, или 120 дней Содома» (1974) по роману маркиза де Сада пошел дальше его прежних картин: были показаны садомазохистские оргии, поедание человеческого дерьма, кровь, слезы, унижение, смерть. Как писали критики: «Показав порок с максимальным натурализмом, Пазолини желал вызвать у зрителей страх, омерзение и отвращение ко злу, которое всем сердцем ненавидел сам».

Как это ни странно, но жестокость через несколько месяцев после завершения фильма настигла и самого великого режиссера. Он принял жуткую смерть, как бы вышедшую из той мрачной

кинодействительности, которую он создавал последние 15 лет своей жизни.

Трагедия произошла в ночь на 2 ноября 1975 года в небольшом городишке Остия, неподалеку от римского аэропорта. Пазолини в ту ночь отправился в этот городок в поисках развлечений – он искал очередного любовника (режиссер был гомосексуалистом). Возле одного бистро он заметил группу парней, среди которых выделил 17-летнего симпатичного юношу. Это был некий Пино Пелоци. Остановив свою роскошную спортивную «Альфа-Ромео», Пазолини, не вылезая из машины, попросил показать дорогу на одну из здешних улиц. Это был предлог. Пелоци сначала отказался, но Пазолини пообещал за эту пустяковую услугу приличную сумму, и парень оказался в машине.

Ситуация изменилась сразу, как только машина отъехала от бистро. Пазолини положил свою ладонь парню на бедро и предложил «развлечься» где-нибудь в безлюдном месте, пообещав 20 тысяч лир. Для безработного паренька это были огромные деньги. Он согласился.

Они заехали в самый дорогой ресторан в городе, и голодный Пино вкушал там деликатесы, которых раньше и в глаза никогда не видел. Он заметил, что его спутника все узнавали, радостно кивали ему, а Пино никак не мог понять почему. В свои 17 лет он просто не знал, кто такой Пьер Паоло Пазолини.

После ресторана они приехали на морской пляж, где режиссер, судя по всему, бывал неоднократно. Здесь захмелевший Пазолини и соблазнил паренька первый раз. Заплатил обещанные 20 тысяч. А после этого предложил любовь «другим способом». Пино категорически отказался. Но Пазолини был агрессивно настроен и, не желая отпускать жертву, предложил миллион лир. Для Пелоци это было целое состояние, но и это не изменило решения парня. Он попытался убежать, но Пазолини крепко обхватил его руками и повалил на землю. Пино отчаянно сопротивлялся, но его противник, спортсмен-каратист, был сильнее его. И в это мгновение под руку паренька попала доска, лежавшая на земле. Схватив ее, Пино ударил ею насильника сначала по голове, а затем, когда тот упал, стал наносить удары в пах, в грудь. Отключив на несколько секунд противника, парень вскочил и бросился к стоявшей поблизости

«Альфа-Ромео». В это мгновение очнувшийся Пазолини попытался подняться, но рванувшая с места машина задавила его насмерть.

Обезумевший Пелоци гнал машину с такой скоростью, что на первом же перекрестке попал в поле зрения полицейских. Кроме того, им было странно видеть за рулем такой машины столь юного водителя. За «Альфа-Ромео» была послана погоня, которая завершилась задержанием убийцы.

Доставленный в полицейский участок, тот рассказал всю правду о том, что произошло несколько минут назад на пустынном пляже. Когда полицейские приехали на указанное место, они нашли изуродованный труп мужчины. Как установят эксперты, у Пазолини было сломано десять ребер, раздавлено сердце, половые органы, сломаны челюсть, правая рука и даже наполовину... вырваны уши.

Это убийство потрясло Италию. И хотя творчество Пьера Паоло Пазолини принимали далеко не все, смерть, которую он принял в ночь на 2 ноября, ужаснула многих. Сопратники погибшего всерьез подозревали неофашистов, которые после выхода в свет фильма «Сало, или 120 дней Содома» неоднократно угрожали режиссеру. Однако состоявшийся вскоре суд назвал единственным виновником смерти режиссера Пино Пелоци и приговорил его к 10 годам тюрьмы. В своем последнем слове тот заявил: «Я защищал свою жизнь и не хотел его смерти. Это было не убийство, а несчастный случай».

Пино Пелоци провел в тюрьме 9 лет и 7 месяцев и 10 дней. За последующие 10 лет он умудрился еще шесть раз угодить в тюрьму. А клеймо убийцы Пазолини осталось на Пино Пелоци на всю жизнь.

Ножом в сердце

Станислав Жданько

В 1978 году в советском кинематографе случилась не менее страшная любовная трагедия, правда, на почве традиционных, гетеросексуальных отношений. Жертвой ее стала восходящая звезда советского кинематографа актер Станислав Жданько.

Он родился в 1954 году в Сибири, в простой семье. После окончания средней школы поступил в Новосибирское театральное училище, но затем перевелся в Москву в Театральное училище имени Щукина. В кино начал сниматься, еще будучи студентом.

Первый серьезный успех пришел к нему в 1977 году, когда на экраны страны вышел фильм режиссера Владимира Рогового «Несовершеннолетние» (это он снял знаменитых «Офицеров»). Жданько играл в нем одну из главных ролей – вернувшегося из заключения боксера, который вместе с другом, бывшим десантником, расправляется с группой хулиганов, терроризирующих район. Картина имела бешеный успех у публики и заняла в прокате 1-е место (44,6 млн зрителей). Казалось, что после этого молодого актера ждет прекрасная карьера в кино, еще более горячая любовь и почитание зрителей. Однако достичь большего Жданько так и не удалось: в 1978 году он погиб. Произошло это при следующих обстоятельствах.

Будучи студентом Театрального училища имени Щукина, Жданько считался одним из самых талантливых учеников. В студенческом спектакле «Преступление и наказание» он потрясающе играл Раскольникову, и его исполнение восхищало многих. Среди них – известную актрису кино и Театра имени Вахтангова Валентину Малявину (1941). Она вспоминает:

«Еще мальчиком, когда он учился в Новосибирском театральном училище, а мы были там на гастролях, он часто подходил ко мне после спектаклей. Покупал открытки в киоске, я их подписывала. Спустя несколько лет, в Москве, он появился у нас в массовке, но сильно изменился. Привлекал к себе слишком много внимания, громко разговаривал, ходил в кирзовых сапогах, в таком деревенском стиле, под Шукшина. Но вот в спектакле «Преступление и наказание» на

сцене оказался всепонимающий человек с углубленным в себя взглядом, и ничего общего с тем развязным парнем. Думаю: «Сколько же ему лет? Что-то он очень много всего понимает». В общем, его решение Раскольниковова полностью совпало с моим восприятием. От этого совпадения у меня после спектакля забило сердце, начались тахикардия, колотун. Мальчик, студент, который мне категорически не нравился, и такая проникновенность. Я зашла за кулисы к Женечке Симоновой, игравшей Дуню, поздравила ее, а он стоит в стороне, ждет, весь в напряжении. Наклонила его к себе, поцеловала, повернулась и ушла... Спустя какое-то время мы с вахтанговскими артистами были на юбилее нашего училища. Вокруг шум, смех, оглядываюсь, а сзади Стас. Наклоняется и целует край моей юбки. Посмотрела внимательно на него, он протянул мне руку. Все...»

Об их романе тогда судачила вся богемная Москва. Еще бы: 36-летняя актриса, побывавшая в любимых женщинах у таких звезд советского кино, как актеры Александр Збруев, Александр Кайдановский, режиссеры Павел Арсенов и Андрей Тарковский, сумела вскружить голову молоденькому студенту.

Между тем сами влюбленные на все эти слухи и сплетни внимания не обращали и продолжали встречаться. Жданько регулярно появлялся на всех спектаклях своей возлюбленной, что, собственно, и предопределило в дальнейшем его выбор собственного места работы – Театр имени Вахтангова.

В. Малявина вспоминает: «Однажды в Ленинграде, в ресторане «Москва», нам принесли серебряные чашки с водой для полоскания рук и Стас сказал: «У нас тоже так будет. Я тебе обещаю». И действительно было бы так, если бы он не поторопился. Но он хотел все сразу: работу, славу, квартиру, машину, семью, детей. Однажды приезжает, красивый, молодой, необыкновенный, ложится на диван: «Я хочу у тебя спросить: ты не завидуешь Нееловой, Тереховой?» – «Нет». – «Как это у тебя получается?..»

А затем со мной стали происходить всякие несчастья. Сначала я сломала руку, потом ногу, семь месяцев в гипсе. Стас бегал ко мне в больницу, переживал: «Чувствую, кто-то против нас колдует, наводит порчу». К тому же у него закрыли фильм с главной ролью и никакой работы в театре, он хотел уходить. А я обожала его, но все же была больше занята собой, работой...»

Фильм, о котором упоминает Малявина, назывался «Ошибки юности». Его снял режиссер Борис Фрумин по сценарию Эдуарда Тополя. На экраны он не вышел потому, что высокие цензоры посчитали его сюжет слишком крамольным для тогдашнего кино. Речь в картине шла о молодом парне, который, с отвращением (!) отслужив в армии, вернулся на гражданку и отправился на Север искать для себя лучшей доли. Помимо Жданько в фильме снималась целая плеяда звезд советского кино: М. Неелова, Н. Варлей, Н. Караченцов, А. Кочетков и др. Невыход картины, в которой он сыграл одну из лучших своих ролей, Жданько переживал очень сильно. Но идти жаловаться было не к кому. К тому же что-то не ладилось и в его отношениях с Малявиной. Не случайно он записал в своем дневнике следующие строчки:

«Я делаю вид, что мне все равно, бросит она меня или нет. А на самом деле страшно боюсь, ревную и мучаю ее и себя. Я живу, и мне тошно, и мне жутко. Катастрофа неминуема».

Почти одновременно со съемками в «Ошибках...» Жданько был приглашен на главную роль в трехсерийный телефильм «Время выбрало нас», который снимался на Минской киностудии. Работа шла споро, и к весне 1978 года была снята большая часть фильма, две серии. Однако по стечению обстоятельств и эту работу молодому актеру не суждено было не только увидеть на экране, но и вообще закончить. Наступил роковой день – 13 апреля 1978 года.

В тот день утром Жданько и Малявина посмотрели в «Ленкоме» спектакль «Вор». По словам Малявиной, Стас после этого сник, позавидовав своему приятелю Виктору Проскурину, исполнявшему в спектакле главную роль; в отличие от него Жданько приходилось играть в Театре имени Вахтангова одни эпизоды. Затем они втроем отправились на квартиру к Жданько – отметить прекрасную работу Проскурина и заодно «обмыть» предстоящий отъезд: обоим актерам через три часа предстояло уехать в Витебск на съемки фильма «Время выбрало нас».

Далее послушаем В. Малявину: «Они с Витей много выпили, я не пила ни грамма. Видя, что я совершенно спокойно не пью, что за меня можно не волноваться, сам Стас захотел еще (Витя к тому времени уже ушел). А у него давление очень высокое, я ему запрещала. Завтра он должен был уезжать в Минск, настроение взвинченное, плохое. В

дорогу я ему купила бутылку «Гурджаани», и, когда он пришел домой, надо было, конечно, ее открыть. Видела же, что он не в себе, но ведь никогда не знаешь, что будет потом. Мы сидели, он снова собрался уйти, в ресторан ВТО. Возмутилась, встала, достала эту бутылку, открыла ее ножом, налила себе полный бокал, выпила демонстративно залпом, вышла на кухню и вылила все остальное в раковину. Чисто по-женски. Из принципа. Стою у окна, психую.

Приблизительно в 21.30 я вошла в комнату и увидела, как Стас медленно валится с кресла на пол. Я помогла ему прилечь на ковер. Ножа я нигде не заметила. Кровь я вначале тоже не заметила, потом лишь увидела, что она сочится из его груди. Я зажала рану ладошкой, прижалась головой. Крови было мало. Я брала его голову, прижимала к себе, спрашивала его: «Стас, что с тобой?» Вначале глаза Стаса были открыты и он смотрел на меня. Потом Стас прошептал: «Пойдем со мной...» После этих слов он добавил: «Голову...» Больше до приезда «Скорой помощи» ни одного слова он не сказал...»

Стоит отметить, что вызов на станцию «Скорой помощи» поступил в 21 час 33 мин. Однако адрес был назван неверно – и врачи около часа проплутали в арбатских переулках. Затем сами перезвонили, уточнили адрес и только после этого прибыли к месту происшествия. Но спасти актера им было уже не суждено. Он умер. Впрочем, даже если бы врачи прибыли оперативно, печального исхода все равно бы избежать не удалось. Как затем установит следствие, удар 30-сантиметровым кухонным ножом был слишком силен, а рана слишком глубока – 9 сантиметров. Сердце было пробито насквозь. Направление удара резко сверху вниз, из-за чего была задета и печень. После этого пострадавший жил всего лишь несколько минут.

Все время, пока врачи хлопотали над погибшим, Малявина стояла рядом. Как только врач констатировал смерть, женщина внезапно схватила злополучный нож и с криком: «Я хочу умереть с тобой!» попыталась вонзить его себе в грудь. Но ей это не удалось. Схватив нож за лезвие, она только поранила себе пальцы.

Вскоре к месту трагедии прибыл наряд из 60-го отделения милиции. Как и положено, был составлен протокол, соблюдены другие формальности. Пока все это происходило, врачи свозили Малявину в Институт Склифосовского, где ей были наложены на руки швы. Затем женщину привезли в отделение милиции. Там она была подробно

допрошена. Однако самое удивительное, что в уголовном деле этот протокол впоследствии так и не появится: сначала про него «забудут», а затем и вовсе потеряют.

Гибель молодого актера взбудоражила столичную богему. В те годы подобные случаи в творческой среде были крайне редки, поэтому одних разговоров хватило бы на несколько толстенных томов. К тому же в деле была замешана одна из известных киноактрис, а это придавало событию особую сенсационность. Но были люди, которым лишняя шумиха в этом деле была абсолютно не нужна. Речь идет о чиновниках из Министерства культуры и Госкино. Видимо, им очень не хотелось, чтобы факты этого происшествия всплыли наружу, поэтому было предпринято все возможное, чтобы поскорее его закрыть. Вот почему тогдашним следствием рассматривалась только одна версия произошедшего: самоубийство в состоянии аффекта. На основании этой версии дело тогда и закрыли.

Что касается погибшего, то за его телом в Москву приехала мать, Александра Александровна (она воспитывала сына одна). Похороны Жданько прошли на его родине в Ярках, где его похоронили на кладбище рядом с могилами бабушки и дедушки. Была на тех похоронах и Малявина.

Между тем для последней дело на этом не закончилось. Спустя почти два года – 6 августа 1980 года – в «Литературной газете» появилась статья В. Баскова «Рюмка чая», посвященная этому происшествию. И хотя все герои трагедии были спрятаны за посторонними инициалами, большинство читателей догадались, о ком именно идет речь. Заволновалась и прокуратура. Дело было вновь возобновлено, но через какое-то время прекращено по чьему-то указанию «сверху». Так прошло еще три года.

В 1983 году, с воцарением в Кремле Юрия Андропова, дело по факту гибели Жданько было вновь открыто. Новая экспертиза установила, что рана, нанесенная жертве ножом, не могла быть нанесена им лично. Не мог актер пробить себе сердце и, несмотря на болевой шок, сопротивление хрящей, вытащить нож из раны в идеально противоположном направлении. На основании этого заключения и был сделан вывод: Жданько убила Малявина.

В июне 1983 года актриса была арестована. Состоявшийся через месяц суд приговорил ее к 9 годам лишения свободы. Этапы ее

тюремного пути: Бутырка – Красная Пресня – Можайская зона – Воронежская тюрьма – поселение в Ростовской области. Однако отбыть весь срок актрисе было не суждено. В 1987 году Малявина была освобождена по амнистии.

Тайна трех смертей

Валерий Мулявин, Владимир Ивасюк, Леонид Гарин

В 70-е годы сразу трое представителей советской эстрады ушли из жизни при таинственных обстоятельствах. Расскажем о каждом из них по отдельности.

Артистов популярного ВИА «Песняры» народная молва хоронила неоднократно. Чаще всего в роли «погибших» выступали два солиста: Анатолий Кашепаров и Леонид Борткевич. Но волею судьбы оба этих человека благополучно дожили до наших дней, а вот младший брат руководителя «Песняров» Валерий Мулявин действительно погиб при весьма странных обстоятельствах. Произошло это летом 1973 года. Дело было так.

«Песняры» принимали участие в фестивале «Крымские зори», который проходил в Ялте. Устроители фестиваля должны были предоставить братьям два номера «люкс» в одной гостинице, но что-то напутали и в результате развели Мулявиных в разные гостиницы. Между тем вечером того рокового дня у одного из «Песняров» – Николая Пучинского – был день рождения. Весь коллектив отмечал это событие в ресторане гостиницы и только под утро стал расходиться. Валерий уходил одним из последних.

Далее послушаем рассказ очевидца – Леонида Борткевича: «Меня поселили с Толей Кашепаровым. В четыре часа утра в дверь нашего номера постучали. Я открыл дверь – на пороге стоял милиционер:

– Там убили парня, кого-то из ваших. Некого Мулявина. Вам нужно пойти на опознание.

Мы с Толей быстро оделись и спустились вниз, все еще не веря. Нас повели к месту происшествия.

Валера лежал ничком на парапете, лицо – в ссадинах, а под головой – кровь. Эта ужасная картина до сих пор стоит у меня перед глазами. Но осознание происшедшего и весь ужас от того, что случилось, пришли позднее.

Нам в этот день нужно было работать два концерта. Из Москвы позвонила Фурцева, министр культуры, и сказала, чтобы обязательно хоть один концерт отработали, потому что по городу идет молва, будто мы напились и чуть ли не поножовщину устроили. Мне до сих пор непонятно, почему многие детали этого дела замалчивались и почему оно стало обрастать нелепыми слухами. Хотя были свидетели. Последним видел сидящего на скамейке Валеру живым водителем поливочной машины, которая проезжала по набережной. Рядом стоял чемоданчик, а недалеко от скамейки кучковалась группа молодых людей. Когда поливальщик ехал обратно, их уже не было. Чемоданчик стоял там же, а Валера лежал рядом мертвый.

Потом мы узнали – какие-то подонки проиграли одного из «Песняров» в карты, и на месте Валеры могли оказаться хоть я, хоть Толя Кашепаров... Так что получилось, Валера прикрыл собой кого-то из нас. И почему-то все это пытались замять – может, боялись сорвать фестиваль...

Но весь город знал, что убили одного из «Песняров». А концерт-то надо работать. И я помню этот битком набитый зал. Обычно мы завершали концерт песней «Березовый сок», предпоследней была «Хатынь». И в ней я выходил вместе с Валерой, чтобы сыграть проигрыш на трубе. Он с одной стороны, я с другой. Когда работаешь концерт, как-то забываешь про все. А тут машинально выхожу и смотрю – нет Валерки. Он же должен выходить... И потом вдруг понимаю, что его уже никогда не будет. Все.

С большим трудом я тогда доиграл этот проигрыш на трубе. Песню «Березовый сок» я пел, глотая слезы. Весь зал нам хлопал стоя, но мы этого не слышали. Выдержав весь концерт, мы сразу уехали.

Потом были похороны в филармонии и цинковый гроб. У Валеры остались двое маленьких детей.

Володя Мулявин был в шоке. Он замкнулся и долгое время просто не мог говорить...»

В 1979 году советская эстрада потеряла одного из своих самых талантливых композиторов – Владимира Ивасюка. С 1966 года он жил в Западной Украине, в Черновцах, и писал песни. Правда, ему некоторое время приходилось скрывать свое подлинное имя под псевдонимом Весняный. Почему? Дело в том, что Ивасюк оказался замешан в националистическом движении, которое в Западной

Украине всегда было достаточно сильным. За это его исключили из медицинского института, где он учился, после чего ему пришлось устроиться рабочим на завод «Легмаш». Там Ивасюк руководил хором, а также продолжал писать песни. Однажды он послал на областной конкурс под псевдонимом Весняный две песни – «Отлетали журавли» и «Колыбельная для Оксаночки», – и одна из них («Журавли») завоевала первую премию. Вскоре после этого надобность в псевдониме отпала.

Всесоюзная слава пришла к Ивасюку в 1971 году, когда он написал свой самый знаменитый хит – «Червона рута», который вскоре стал визитной карточкой Софии Ротару. Однако первым исполнителем этой песни был именно Ивасюк – он исполнил ее в первом выпуске «Песни года», в том самом 71-м. Став сотрудничать с Ротару и ее коллективом «Червона рута», Ивасюк за несколько лет написал множество хитов (самый известный – «Водограй»). Однако, даже несмотря на это, его творческую судьбу нельзя было назвать гладкой. Например, осенью 1975 года Ивасюк записал с Ротару долгоиграющий диск под названием «Песни Владимира Ивасюка», куда вошли 12 песен Ивасюка: «Я твои крило», «Баллада о мальви», «Писня буде помиж нас», «У доли своя весна», «Колиска витру», «Нестримна течія», «Лишь раз цвите любов», «Кленовий вогонь», «Запроси у сні», «Два перстни», «Далина», «Писня про тебе». Эта пластинка должна была помочь молодому композитору пробиться в Союз композиторов Украины. Но этого не случилось. Выход диска «заморозили» украинские власти. Более того, в начале 1976 года Ивасюка... исключили из Львовской консерватории с формулировкой «за прогулы» – причем прогулом было объявлено его пребывание в Киеве на записи того самого диска.

Уже в наши дни в США бывший сотрудник КГБ Украины Михаил Крыжановский поведал миру о том, что Ивасюк являлся... негласным осведомителем КГБ. Отметим, что сам Крыжановский в 1977–1982 годах учился на факультете иностранных языков Черновицкого университета (доцентом филфака там был отец Ивасюка – Михаил Григорьевич Ивасюк), после чего стал сотрудником контрразведывательного отдела Ивано-Франковского областного управления КГБ. Именно тогда ему и стала известна информация о

том, что Ивасюк-младший стал агентом органов в 1976 году, видимо, в силу все той же своей не востребоваемости в творчестве.

В композиторских верхах Украины Ивасюка считали композитором одной песни, да и ту якобы он украл. Речь идет о мегаките «Червона рута», мелодия которой очень напоминала одну народную чешскую песню. На основе этого Ивасюка называли плагиатором, всячески зажимали. Видя, в какой депрессии находится молодой композитор (а после своего отчисления из консерватории ему пришлось даже лечь в психоневрологическую клинику), КГБ предложил ему сделку: он становится негласным осведомителем Комитета в националистических кругах Западной Украины, а чекисты взамен помогают ему в его карьере. В итоге уже спустя два года после заключения сделки свет увидел тот самый диск Софии Ротару «Песни Владимира Ивасюка» (и это после почти трехлетнего лежания «на полке»), а также в издательстве «Музична Україна» вышел первый поэтический сборник Ивасюка с девятью песнями. Короче, все шло к тому, что следующим шагом будет прием Ивасюка в члены Союза композиторов Украины. Но этому событию помешает трагическая смерть композитора. Но расскажем обо всем по порядку.

Все началось 24 апреля 1979 года, когда Ивасюк зашел в здание Львовской консерватории и позвонил оттуда своему отцу, сообщив ему, что скоро приедет домой, в Черновцы. После этого свидетели видели, как Владимир сел в автомобиль, который дожидался его у входа. С этого момента в живых молодого композитора (а в марте ему исполнилось ровно 30 лет) больше никто не видел.

Тело Ивасюка было обнаружено 18 мая. Солдаты местной воинской части проводили учения в Брюховичском лесу и наткнулись на тело мужчины, повешенного на дереве. Следствие вынесло заключение: самоубийство. Однако родители погибшего были не согласны с этим выводом, поскольку лицо их сына было сильно избито, а пальцы на обеих руках переломаны. То есть перед смертью Ивасюка, судя по всему, пытали и только после этого повесили с целью имитации самоубийства. На основе этих данных в народе пошли слухи о том, что с композитором расправился... местный КГБ за его националистические взгляды.

О том, как проходили похороны В. Ивасюка, на сайте его памяти в Интернете написано следующее: «Хоронили Володю 22 мая, в день,

когда прах Великого Тараса Шевченко перевезли на родину. Дубовый гроб, который украсили веточками калины и вышили рушником, люди отказались класть на автомобиль и на плечах несли от квартиры до самого Лычаковского кладбища. Это была невиданная в те годы процессия, это была акция непослушания власти, администрации, судебным обманам. Про место и время похорон нигде не сообщалось. Некролог появился только в одной газете, которая выходила маленьким тиражом, – в «Львовском железнодорожнике». В вузах именно на этот день назначены комсомольские собрания с обязательной явкой. Были даны указания не идти на похороны. Ни одного живого цветка не найти было во Львове, все они там – для Володи, последние живые цветы его последней весны.

Впереди процессии шла в национальном строю и несла на руках портрет Володи в миртовом венке дочка известного львовского художника Патика – Оксана. Позади нее Назарий Яремчук вместе с Левкой Дутковским несли большой венок живых белых цветов, присланный Софией Ротару (отметим, что певицу ждали до последнего, надеясь, что она приедет, но она так и не приехала – певица гастролировала по Дальнему Востоку и не могла отменить концерты. Зато она просила зрителей на своих концертах почтить память Ивасюка вставанием, перед тем как исполнить его песни. – Ф. Р.)...

Когда гроб поставили возле ямы, все ждали какого-то мгновения: кто выйдет и скажет первое слово. Этот шаг сделал и первое печальное слово сказал Ростислав Братунь. Голос его постоянно дрожал и срывался, ощущалось, что хочет сказать то, что знают все, но еще не время. Когда закончил, тысячи мысленно поклонились ему за то, что не побоялся, не предал, не отступил. А это стоило Ростиславу Андреевичу должности председателя Львовской организации Союза писателей...»

Фраза «знают все, но еще не время» расшифровывается просто: речь идет о все той же «руке КГБ» в этом деле. Во Львове тогда усиленно курсировали слухи о причастности к гибели Ивасюка местной госбезопасности, с которой якобы у композитора были давние «непонятки». Однако мы уже упоминали на этих страницах имя сотрудника того же КГБ Михаила Крыжановского, который в наши дни объявил, что Ивасюк сам был... негласным осведомителем

госбезопасности с 1976 года. И на этом основании никак не мог быть убит своими кураторами, которые считали его ценным осведомителем в националистической среде. Скорее с Ивасюком могли расправиться именно националисты, которые отомстили ему за его сотрудничество с чекистами. Этим можно было объяснить и сломанные пальцы композитора – их могли сломать в отместку за то, что покойный писал агентурные доносы. После пыток композитора повесили.

Была еще криминальная версия этой трагедии. Якобы на Ивасюка «наехали» некие рэкетеры, которые требовали с него 40 тысяч рублей, которые лежали у него на сберкнижке. Но эта версия мало похожа на правду, учитывая то, что рассказал Крыжановский – сотрудничество Ивасюка с КГБ.

Рассказывает С. Ротару: «Никто толком не знает, что с ним случилось. Володя пропал без вести на самом пике своей популярности. Видели, как вышел из Львовской консерватории, сел в какую-то машину и уехал. Нашли его месяца через полтора повешенным в лесу. Экспертиза утверждала, что он покончил с собой, но я в это не верю. Я знала Володиные планы, я с ним очень часто встречалась. Почти все, что он писал, было написано для меня, и после его гибели я стала меньше петь украинских песен, а если и пела, то возвращалась к его «Червоной руте», «Водограю». Его смерть стала трагедией для Украины. Кто-то говорил, что его убили националисты, требуя, чтобы он написал для них гимн. Националисты говорят, что КГБ... Одно могу сказать: второго такого композитора на Украине уже не будет...»

Отметим, что у тогдашней соперницы Ротару на советской эстраде – Аллы Пугачевой – была похожая история, которая случилась в том же самом году, но чуть позже – в сентябре 1979-го. И там тоже речь шла о композиторе, с которым Алла сотрудничала. Речь идет о Леониде Гарине (кстати, в репертуаре Ротару тоже звучала его песня – «Расскажи мне сказку», которая вошла в ее первый диск «Баллада о скрипках» 1973 года выпуска). С Гариным Пугачева познакомилась несколько лет назад, и с тех пор он считался одним из самых преданных ее друзей. Вместе они написали несколько песен, в том числе и самую первую пугачевскую «нетленку» (имеется в виду ее композиторское поприще) – проникновенную балладу «Женщина, которая поет». Версий гибели Гарина существует две: бытовая и

криминальная. Согласно первой, все вышло из-за случайности. Будучи в Сочи, Гарин перебрал со спиртным и с кем-то сильно повздорил. Обидчик толкнул Гарина, тот упал, но весьма неудачно: ударился затылком об асфальт. Смерть наступила мгновенно.

Согласно другой версии, все выглядело несколько иначе. В конце сентября Гарин и Пугачева приехали в Сочи. Первый должен был участвовать в очередном Всесоюзном конкурсе на лучшее исполнение советской песни в качестве члена жюри, вторая приехала в роли рядового зрителя. Среди конкурсантов была молодая известная певица Жанна Г. (одно время она вела на ТВ передачу «Артлото»), у которой тогдашний супруг был весьма влиятельным криминальным авторитетом. Он заслал к Гарину гонцов: мол, если моя благоверная не получит первого места, ты об этом пожалеешь. Гарин почему-то отнесся к этой угрозе без подобающего внимания. В результате певица хоть и стала лауреатом, но только с краю – она заняла 3-е место. Спустя пару дней после этого и произошла драка, в которой Гарин погиб. Видимо, все было обставлено так профессионально, что следствие не нашло прямых виновников преступления и списало смерть Гарина на роковую случайность.

Пули для великого Битла

Джон Леннон

В самом конце 1980 года мир потрясла гибель одного из основателей легендарной группы «Битлз» 40-летнего Джона Леннона. То, как расправились с экс-Битлом, стало настоящим потрясением для миллионов людей, поскольку подобным образом с кумирами еще не расправлялись. Но, прежде чем перейти к этой трагедии, стоит хотя бы вкратце рассказать о последних годах жизни Леннона.

После распада «Битлз» Леннон вел довольно противоречивую жизнь. Он продолжал «искать самого себя», постепенно уставая и от музыки, и от политики, и от собственной жены Йоко Оно. Эмоции он по привычке гасил с помощью наркотиков. В октябре 1975 года выходит его альбом «Бритая рыба», после чего Леннон «умолкает» на долгие пять лет. В июле 1980 года Джон Леннон, кажется, вновь обретает «второе дыхание» и берется за гитару. Из-под его пера начинают появляться песни, сулящие Леннону новый взлет популярности. Из этих песен Джон Леннон составляет очередной свой альбом под названием «Двойная фантазия». В ноябре 1980 года эта пластинка выходит в свет. Возвращение Великого Битла состоялось. И планы его теперь были обширны: на начало 1981 года он наметил большое концертное турне по Англии и поездку в западногерманский город Гамбург. Он дал ясно понять всем, что намерен вернуться в мир популярной музыки и вновь утвердиться на сцене.

В это самое время на Гавайях, в городе Гонолулу, жил 25-летний молодой человек по имени Марк Дэвид Чэпмен. Он родился в США, в городе Деккатуре, что в штате Джорджия, но в 1968 году переехал с родителями на Гавайи. Здесь он работал охранником в одной из больниц. В 1965 году, в десятилетнем возрасте, он впервые услышал записи группы «Битлз» и с тех пор стал ярким их поклонником. Его квартира, по словам его друзей, всегда напоминала что-то вроде музея «Битлз». Особенно Чэпмен почитал Джона Леннона. И это почитание выходило далеко за рамки нормальности. Например, зная, что его кумир связал свою жизнь с Йоко Оно, Чэпмен тоже познакомился с

японкой, которая была на несколько лет старше его, и вскоре женился на ней.

В октябре 1980 года, когда пресса вовсю уже заговорила о новом возвращении Джона Леннона в музыку, Чэпмен пошел в магазин и купил себе револьвер. В ноябре он сказал жене, что скоро поедет в Нью-Йорк и ему для этого нужно 2500 долларов. Жена пошла навстречу своему молодому мужу и помогла ему собрать эту сумму. В дорогу Чэпмен взял с собой револьвер и кассеты с записью песен «Битлз». Записей было на четырнадцать часов. А в заявлении на отпуск, которое он написал в больнице, где работал, Чэпмен поставил подпись: «Джон Леннон».

Точно такую же подпись он поставил и в книге посетителей в отеле «Шератон» в Нью-Йорке 4 декабря. В одном из номеров этого отеля он и остановился.

Прибыв в Нью-Йорк, Чэпмен почти каждый день по несколько раз приезжал к комплексу зданий «Дакота» на 72-й стрит, где жил Джон Леннон. 8 декабря 1980 года в пять часов вечера произошла их первая встреча. Вместе с толпой поклонников Чэпмен подошел к певцу и протянул ему его пластинку «Двойная фантазия». На ее обложке Леннон написал своей рукой: «Джон Леннон. 1980». Фотограф, стоявший рядом, запечатлел этот момент на пленку. До роковых выстрелов оставалось несколько часов.

Джон Леннон и Йоко Оно после этого отправились в студию «Хит Фэктори», где они записывали песни к своему новому альбому. Марк Чэпмен остался у «Дакоты». Фотограф-любитель Пол Гореш позднее рассказывал: «Чэпмен встретился мне 8 декабря, когда Джон и Йоко садились в машину, чтобы ехать в «Хит Фэктори». Чэпмен, держа в руках только что подписанный Ленноном конверт, спросил меня: «Ты получил автограф на свою пластинку?» – «Нет», – ответил я. – «Почему же ты не ждешь? Ведь Джон вернется и подпишет ее». – «Да я не тороплюсь, – ответил я. – Приду завтра и подпишу». – «Я бы на твоём месте остался, – произнес Чэпмен, – откуда ты знаешь, что увидишь его еще раз».

Судя по этому разговору, Чэпмен уже все для себя решил.

В 22.30 Джон и Йоко, закончив работу в студии, поехали домой. У дома, вопреки обычному правилу, Джон не проехал через боковой вход прямо к «Дакоте», а вышел из машины перед главным порталом. Он не

заметил, что чуть в стороне от него стоял молодой человек. Леннон и Йоко подошли к дому. Молодой человек (а это был Чэпмен) сделал несколько шагов следом за ними и громко произнес: «Мистер Леннон?»

Леннон в ответ лишь повернул голову назад и увидел направленное на него дуло револьвера. В следующую секунду раздался выстрел. За ним – второй, третий, четвертый, пятый... Почти в упор. И это не оставило Великому Битлу никаких шансов: две пули угодили ему в спину, две другие застряли в плече, а последняя ушла в «молоко». «Я убит», – только и произнес Леннон, делая несколько шагов в сторону подъезда. Он сумел подняться на пять ступенек, которые вели к ложе портье (в тот день дежурил Джей Хейстингс), после чего рухнул лицом вперед. Именно Хейстингс первым подбежал к Леннону и попытался оказать ему первую медицинскую помощь. Но помочь экс-Битлу уже никто не мог – он умирал. Кровь струей била у него изо рта и из груди. По словам Хейстингса, «глаза были открыты, но смотрели в пустоту. Его начало тошнить сгустками крови и частичками живой ткани...»

Пришедшая в себя Йоко Оно стала кричать Хейстингсу, чтобы он вызвал полицию и «Скорую помощь». Тот набрал 911. После чего опять вернулся к месту трагедии и заметил неподалеку Чэпмена. «Ты понимаешь, что ты натворил?» – закричал он убийце. Тот ответил одной фразой: «Не бойся». После этого он отбросил в сторону пистолет и стал спокойно дожидаться приезда полиции. О том, насколько он был спокоен, говорит хотя бы следующий факт: он взялся читать книгу Д. Сэлэнджера «Над пропастью во ржи», главу 27.

Полицейская машина прибыла к месту трагедии уже через несколько минут. Чэпмена задержали, причем, когда ему приказали поднять руки вверх, он внезапно заплакал и запричитал: «Я все сделал один! Пожалуйста, не бейте меня!» Джона Леннона осторожно положили в другой полицейский автомобиль и повезли в госпиталь имени Рузвельта. Однако спасти его врачи были уже не в силах. Леннон к тому времени потерял около восьмидесяти процентов крови. Когда Джон Леннон умер, о его смерти мгновенно сообщили все телеграфные агентства мира.

Буквально сразу после убийства «Дакоту» осадили скорбящие толпы. Люди плакали и держали в руках зажженные свечи. Из

многочисленных магнитофонов неслась ввысь музыка Леннона.

Четырнадцатого декабря 1980 года в два часа дня в нью-йоркский Централ-парк пришли более пятисот тысяч человек. В исполнении импровизированного многотысячного хора долго звучал рефрен песни Джона Леннона «Дайте миру шанс». После этого по просьбе Йоко Оно на десять минут наступила тишина.

В связи со смертью Джона Леннона высказывались различные версии. Говорили даже о происках ЦРУ и ФБР (в 1970–1974 годах они вели тайную слежку за Ленноном из-за его активной антиниксоновской деятельности). Однако большинство исследователей все-таки сошлись во мнении, что артист стал жертвой душевнобольного человека.

С тех пор минуло более трех десятков лет. Убийца Леннона до сих пор сидит в тюрьме, хотя попытки выйти на свободу предпринимались им неоднократно. Одна из последних датирована 2010 годом. По законам штата Нью-Йорк приговоренные к пожизненному сроку после 20 лет отсидки имеют право на помилование, вот Чэпмен и решил испытать судьбу. Однако его прошение было в очередной раз отклонено. Следующую попытку получить помилование и выйти из тюрьмы Чэпмэн имеет право сделать в 2012 году.

Слепая пуля

Юрий Каморный

Киноактер Ю. Каморный чаще всего играл роли сильных и смелых мужчин, таких советских Рэмбо. Причем он и в обычной жизни был достаточно сильным человеком, да еще собирающим коллекцию холодного оружия. Именно последняя и сыграла в его жизни роковую роль, приведя актера к гибели из-за нелепейшей случайности. Но расскажем обо всем по порядку.

Каморный родился 8 августа 1944 года. После окончания средней школы в 1962 году поступил в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК). Причем поступил случайно: пришел «поболеть» за своего приятеля на экзамены, но попался на глаза режиссеру Зиновию Корогодскому, которого поразила статная внешность «болельщика», и он зачислил Каморного в студенты. Как оказалось, у режиссера оказался наметанный глаз.

По словам своих сокурсников, Юрий был одним из самых талантливых и дисциплинированных студентов. Его общительный характер позволял ему быть везде и всюду заводилой и душой любой компании. Он был удивительно музыкален и играл на самых различных инструментах: начиная от гитары и заканчивая гармошкой. Поэтому не случайно, что, еще будучи студентом, он обратил на себя внимание кинематографистов. Первым его заметил режиссер Михаил Богин, который в 1966 году пригласил молодого актера на одну из центральных ролей (советский офицер) в советско-польскую картину «Зося». В прокате фильм имел большой успех у зрителей (22,8 млн), а исполнительница главной роли польская актриса Пола Ракса (это она играла Марусю в «Четырех танкистах...»), по опросу читателей журнала «Советский экран», будет названа лучшей иностранной актрисой 1967 года.

Кстати, досужая молва приписала Каморному роль соблазнителя этой польской красавицы. Мол, во время съемок картины у них случился пылкий роман, который едва не закончился браком. Эта легенда кажется вполне правдоподобной, так как актер действительно

имел огромный успех у женщин и не случайно приобрел в артистических кругах славу первого любовника.

Окончив институт в 1967 году, Каморный попал в труппу ленинградского ТЮЗа имени Брянцева, которым руководил его преподаватель по ЛГИТМиКу З. Корогодский. Еще со студенческих времен режиссер относился к Юрию с большой симпатией, поэтому многие считали Каморного его любимчиком. Правда это или нет, судить трудно, но одно несомненно: на то, что Каморный активно совмещает игру в театре со съемками в кино, Корогодский смотрел сквозь пальцы. А снимался он тогда весьма активно. Вот неполный список его картин: «Освобождение» (1968–1971), «Карантин» (1969), «Кремлевские куранты» (1970).

В те же годы он женился на молодой актрисе Ирине Петровской. В 1967 году у них родилась дочь Полина.

Стоит отметить, что в 70-е годы творческая судьба Каморного складывалась гораздо успешнее в театре, чем в кино. На театральной сцене ему посчастливилось играть самые разные роли в таких спектаклях, как «Хозяин», «Наш цирк», «Глоток свободы». Лучшей же его ролью в ТЮЗе станет Ризположенский в спектакле «Свои люди – сочтемся».

В кино же ролей масштабных, достойных его таланта, у него практически не было. В основном режиссеры приглашали его играть красивых и удачливых молодых людей, эдаких суперменов и покорителей женских сердец. Назову лишь несколько картин, в которых он тогда снялся: «Рудобельская республика», «Люди на Ниле» (оба – 1972), «Дверь без замка», «Будни уголовного розыска», телефильм «Быть человеком» (все – 1973), «Стрелы Робин Гуда» (1976).

В начале 70-х распался первый брак артиста, и он какое-то время жил один в тесной гримуборной ТЮЗа (квартиру на Суворовском, как и положено настоящему мужчине, он оставил бывшей жене и дочери). В 1972 году в его жизнь вошла новая женщина – студентка юридического факультета ЛГУ, с которой он познакомился на съемках фильма «Дверь без замка». Эта женщина, судя по всему, оказывала на Каморного благотворное влияние – после знакомства с ней актер впервые всерьез задумался о собственном здоровье, перестал пить (до этого он уже перенес две полостные операции: у него было ущемление

грыжи и спаечная болезнь). Она устроилась администратором на «Ленфильм» и в течение нескольких лет сопровождала Юрия во всех его киноэкспедициях.

Несмотря на то что кинематограф не раскрывал полностью его возможностей, Каморный все-таки выбрал его, а не театр – в 1976 году он ушел из ТЮЗа. К тому времени у него уже была дача в Соснове, собственный катер (его он купил у режиссера БДТ Г. Товстоногова), богатая коллекция холодного оружия. Собрать ее он начал еще в пору своего студенчества (он тогда даже подрабатывал в милиции оружейным мастером), и к описываемому периоду она насчитывала порядка трех десятков единиц, среди которых были и довольно редкие экземпляры. Отмечу, что, как и положено супермену, актер прекрасно владел этим оружием и мог запросто метким броском пронзить ножом цель, находящуюся в нескольких метрах от него.

Уйдя из театра, Каморный устроился в штат Театра-студии киноактера при «Ленфильме» и вскоре получил новую жилплощадь: ему дали 12-метровую комнату в коммуналке в доме на улице Салтыкова-Щедрина. Рядом располагался знаменитый в те годы пивной бар «Прибой», и Юрий стал его завсегдатаем. Пивная тусовка любила Каморного за его веселый нрав и сочные байки из киношной жизни. Даже местная милиция почти вся ходила у него в друзьях.

Тем временем, несмотря на свои периодические загулы, Каморный продолжал весьма активно сниматься, и почти ежегодно на экраны страны выходили фильмы с его участием. Назову лишь некоторые из них: «Птицы наших надежд» (1977), «Посейдон» спешит на помощь» (1978), «Голубые молнии», телефильм «Звон уходящего лета» (оба 1979).

К началу 80-х годов как творческая, так и личная жизнь Каморного складывалась вполне благополучно. Во всяком случае, внешне все выглядело именно так. В 1980 году он наконец получил звание заслуженного артиста РСФСР. Несмотря на то что близкие отношения со студенткой ЛГУ прекратились в 1979 году, она продолжала поддерживать с ним деловые отношения и вела его финансовые дела. Мытарства в коммуналке подходили к концу: ему твердо обещали выделить отдельную квартиру (ордер на нее появится 15 ноября 1981 года). Количество режиссеров, желающих снимать его, не уменьшалось. В 1980–1981 годах он снялся сразу в двух главных

ролях: в художественном фильме «Правда лейтенанта Климова» и телефильме «Игра без козырей». Роли были разные: в первом он сыграл морского офицера, во втором – главаря банды. Последняя роль ему особенно удалась: в ней он выглядел настоящим суперменом со всем набором необходимых атрибутов в виде виртуозного владения приемами карате, везения в карточных делах, любви женщин и т. д.

Именно во время работы в последней картине (съемки проходили в Литве) актер познакомился с молодой гримершей местной киностудии и привез ее к себе в Ленинград. В последний день его жизни именно она была с ним в квартире в доме на улице Салтыкова-Щедрина, и именно она стала главным участником разыгравшейся трагедии. Но расскажем обо всем по порядку.

В полдень 27 ноября 1981 года соседи Каморного по коммунальной квартире внезапно услышали истошные женские крики, доносившиеся из его квартиры. Когда же они распахнули дверь и заглянули внутрь, то увидели жуткую картину: девушка, обхватив голову руками, сидела в углу, а их сосед стоял на тахте и держал в обеих руках по кинжалу. Его лицо было обезображено страшной гримасой, губы шептали какие-то дикие слова: «...они убьют тебя... ты не должна выходить... лучше я убью тебя сам...» Решив, что актер впал в белую горячку, соседи тут же вызвали по телефону врача-нарколога. Тот, в свою очередь, прихватил с собой и нескольких милиционеров из Дзержинского РОВД.

Когда стражи порядка прибыли к месту происшествия, Каморный продолжал буйствовать и, размахивая кинжалами, никого к себе не подпускал. Сегодня уже невозможно определить точно, какую реальную опасность он тогда представлял и можно ли было нейтрализовать его без применения огнестрельного оружия, но милиционеры решили не рисковать и оружие применили. Причем сначала, как и положено, сделали два предупредительных выстрела вверх. Одна из пуль срикошетила и попала девушке в руку. Она истошно закричала, и это, наверное, вывело милиционеров из себя. Третий выстрел они сделали по актеру. Правда, метили по ногам, а попали в бедренную артерию. Из раны фонтаном хлынула кровь. Буквально через несколько секунд Каморный скончался.

Как установила затем экспертиза, в крови у погибшего не было ни грамма алкоголя. Не нашли у него и никаких изменений в мозгу. Тогда

что же произошло с актером в тот день? Об этом теперь можно только догадываться. То ли действительно внезапно аукнулась в нем прошлая загульная жизнь, то ли рассудок на некоторое время помутился по какой-то неведомой причине. Тайна сия покрыта мраком.

Как это ни странно, но гибель Каморного прошла практически незамеченной для ленинградцев, а в Москве многие и вовсе не знали, что в городе на Неве погиб известный актер. Отчасти виноваты в этом были власти, которые запретили публиковать в печати некрологи. В морг Боткинской больницы, где лежало тело артиста, проститься с ним пришли всего лишь несколько человек. Среди них была и мать актера, которая затем увезла тело сына на родину в Старую Руссу. Там его и похоронили.

Выстрел в затылок

Зоя Федорова

З. Федорова родилась в Петербурге 21 декабря 1909 года. Ее отец, Алексей Федоров, трудился рабочим-металлистом на одном из заводов и был на хорошем счету. Его жена, Екатерина Федорова, нигде не работала и воспитывала трех дочерей, среди которых Зоя была самой младшей. Семья Федоровых проживала в прекрасной трехкомнатной квартире и практически ни в чем не нуждалась. Но в 1917 году грянула революция. Алексей принял ее всем сердцем и за короткое время сделал блестящую карьеру в большевистской партии. В 1918 году его вместе с семьей перевели в Москву и назначили начальником паспортной службы в Кремле.

Зоя Федорова впервые увлеклась театром еще в средней школе и исправно посещала детский драмкружок. Однако отец не разделял ее увлечения, считая, что у его дочери должна быть солидная профессия. Поэтому после окончания школы Зоя стала работать счетчицей в Госстрахе. Но в 1927 году ее жизнь и карьера едва не оказались загубленными из-за одной неприятной истории. Федорова посещала в Москве молодежные вечера, которые устраивал у себя дома некий Кебрен. На этих вечеринках она познакомилась с военным Кириллом Прове.

Молодой человек прекрасно играл на рояле, был красив и, видимо, этим пленил 17-летнюю Федорову. Один раз она даже пригласила его к себе домой в гости. И кто знает, чем бы кончилась эта связь, если бы осенью 1927 года Прове внезапно не арестовало ГПУ по подозрению в шпионаже в пользу Великобритании. Следом за ним чекисты арестовали и Федорову как пособницу иностранного шпиона. Девушку мог ожидать самый печальный финал, однако судьбе было угодно смилостивиться над ней. Видимо, разобравшись в том, что 17-летняя девчонка просто запуталась в своих знакомствах, чекисты после первого же допроса ее отпустили. Это было первое соприкосновение будущей актрисы с органами госбезопасности. Много позже это освобождение породит слухи о том, что все это было не случайно: якобы с тех пор Федорова станет негласным агентом

советских спецслужб, выполняя для них разного рода деликатные поручения.

Зоя Федорова не рассталась с мечтой и в конце двадцатых годов поступила в театральное училище, которым руководил Юрий Завадский, ученик К. Станиславского. Через два года училище закрыли, и студенты оказались не у дел. Федорова собиралась вернуться в ненавистный ей Госстрах. Неожиданная возможность поступить, против воли родителей, в 1930 году в училище при Театре Революции, причем на первый курс, определила всю дальнейшую судьбу Зои. Через четыре года она успешно его оканчивает. В 1932 году, будучи студенткой, была приглашена сняться в эпизодической роли жены Чуточкина в фильме «Встречный» режиссеров Фридриха Эрмлера и Сергея Юткевича. Стоит ли говорить, как счастлива была Федорова сыграть даже такую маленькую роль. Когда фильм вышел на экраны, она пригласила всех своих родственников на премьеру фильма, она не знала, что эпизод с ее участием при окончательном монтаже из картины вырезали.

Именно тогда Федорову внезапно заметил молодой режиссер Игорь Савченко, который запускался с музыкальным фильмом «Гармонь». Однажды он остановил актрису за кулисами театра и предложил ей главную роль в своем фильме (Марусенька). «Я же курносая!» – искренне удивилась она такому выбору. «Именно из-за этого я тебя и беру», – ответил режиссер. Так состоялся дебют Федоровой в кино. После этого фильмы с ее участием стали выходить на экраны страны один за другим, а зрители с нетерпением ждали встречи с любимой актрисой.

В 1935 году устроилась и личная жизнь Федоровой – она вышла замуж. Ее избранником стал оператор Владимир Рапопорт, с которым она познакомилась на съемках фильма «Встречный» три года назад.

В 1936 году на экраны страны вышел фильм «Подруги» (Ленинградская киностудия) режиссера Лео Арнштама. Это трогательная история о трех девушках, добровольно ушедших сестрами милосердия на фронт в годы Первой мировой войны. Федорова сыграла в нем роль своей тезки – Зои. Две другие женские роли сыграли: Асю – Янина Жеймо, Наташу – Ирина Зарубина. Фильм имел огромный успех и принес актрисам всесоюзную известность. Например, Федоровой многочисленные поклонники не давали прохода

как на улице, так и дома, куда они звонили ежедневно по несколько раз. Но она к тому времени была уже замужем, хотя с мужем они проживали в разных городах: он – в Ленинграде, она – в Москве. Рапопорта это не устраивало, и вскоре ему удалось выпросить у местных властей отдельную квартиру в городе на Неве для себя и своей молодой жены. Но Федорова переезжать к мужу не торопилась. Она была целиком увлечена своей успешной карьерой в кино.

На этом основании можно предположить, что и брак с Рапопортом Федорова заключила не по любви, а по расчету – ей, как актрисе, нужен был человек, который локомотивом мог бы двигать ее кинематографическую карьеру. И эта карьера развивалась стремительно: только в 1936–1938 годах на экраны страны вышли восемь фильмов с участием Федоровой: «Летчики» (медсестра), «Женитьба» (Дуняша) (оба – 1936), «Большие крылья» (Леля; оператор – В. Рапопорт), «Шахтеры» (Галка) (оба – 1937), «Великий гражданин» (Надя Колесникова), «Враги» (Дуня), «На границе» (Варвара Корниловна Власова; оператор – В. Рапопорт), «Человек с ружьем» (Катя Шадрина), (все – 1938).

В 1937 году, во время работы Федоровой и Рапопорта в очередном фильме – «На границе» – карьера актрисы едва не прервалась на самом взлете: Федорова попала в категорию детей «врагов народа». Дело обстояло следующим образом.

За год до этого заболела ее мать (у нее обнаружили рак), и отец нашел для нее частного врача, который оказался немцем. Однако больной он помочь так и не сумел, и его присутствие в доме Федоровых кое-кем было истолковано превратно. Когда в стране началась кампания против «врагов народа», эта связь сыграла злую шутку с Алексеем Федоровым. Он и так порой позволял себе нелестные отзывы в адрес некоторых высоких руководителей (на правах человека, работавшего у Ленина, он считал это правомерным), поэтому когда «ежовщина» охватила всю страну, его постигла участь миллионов несправедливо осужденных. Летом 1938 года Федоров был арестован по статье 58 УК и приговорен к десяти годам лишения свободы.

Став дочерью «врага народа», Федорова мысленно распрощалась со своей звездной карьерой. Однако, как это ни странно, арест отца практически не отразился на дальнейшей судьбе актрисы – она

продолжала сниматься. Она записала на свой счет следующие фильмы: «Ночь в сентябре» (Дуня Величко), «Огненные годы» (политрук комсомольской роты Анна), «Станица Дальняя» (Даша), «Музыкальная история» (главная роль – Клава Белкина; 7-е место в прокате – 17,9 млн зрителей), (все – 1940).

Однако, как признавалась позднее сама актриса, она мечтала о других ролях – ярких, музыкальных, а ей приходилось играть героинь, как через кальку списанных друг с друга. Даже пыталась изменить свой имидж, сыграть отрицательную героиню (чтоб курила, пила и ругалась, как базарная торговка), но таких ролей ей никто не предлагал. Так что не все безоблачно было в тогдашней ее кинокарьере.

Тем временем в конце 30-х распался брак Федоровой и Рапопорта. Однако горевала актриса после этого не долго, и в 1939 году Федорова встретила свою новую любовь. Причем опять это был человек заметный. Речь идет о сталинском «соколе», летчике Иване Клещеве.

Почти два года супруги жили, не оформляя своих отношений, а когда все-таки надумали пойти в ЗАГС, началась война с фашистской Германией. Клещев ушел на фронт и стал командовать сначала эскадрильей 521-го истребительного авиаполка на Калининском фронте, а затем стал во главе 434-го авиаполка под командованием самого Василия Сталина. Этот полк был первым в советских ВВС превращен в элитный по своему составу – там сражались настоящие асы летного дела. Сам Клещев к тому времени уже участвовал более чем в 220 боевых вылетах и сбил, по разным данным, от 35 до 54 фашистских самолетов.

Свою посильную помощь фронту оказывала и Зоя Федорова, снимаясь в фильмах, которые помогали фронту. На ее счету тогда были следующие картины: «Шестьдесят дней» (Люсенька), «Фронтвые подруги» (главная роль – Наталья Матвеевна; оператор – бывший муж актрисы В. Рапопорт; Сталинская премия), «Боевой киносборник № 4» (Франя), «Подруги, на фронт!» (Зоя), (все – 1941).

Между тем актриса не прекращала попыток вызволить из тюрьмы отца. Для этого ей даже пришлось попроситься на прием к всесильному наркому внутренних дел Лаврентию Берии. Этот человек тайно симпатизировал знаменитой актрисе и готов был многое для нее сделать в обмен на ее благосклонность. По воспоминаниям многих,

через такую «помощь» Берии тогда прошли многие известные женщины страны. Вполне вероятно, что не избежала этой участи и Федорова. В результате в конце лета 1941 года ее отца выпустили на свободу. Однако годы отсидки не прошли для 56-летнего отца Федоровой даром. Из-за обморожения в лагере ему ампутировали пальцы на обеих руках. Жизнь на свободе продолжалась для него недолго, и 22 сентября 1941 года Алексей Федоров скончался. А вскоре Федорову и двух ее сестер постигло новое горе – на фронте погиб их младший брат Иван. А затем Зоя Федорова потеряла и мужа.

В сентябре 1942 года в одном из боев под Сталинградом самолет Ивана Клещева был сбит. Летчика спасло чудо – он выжил, получив тяжелые ранения. Более месяца пролежал в госпитале, его выписали с диагнозом «не годен к полетам». После этого Героя Советского Союза Ивана Клещева распределили для дальнейшего прохождения службы в отдел по расследованию авиакатастроф. В отличие от него Федорова была несказанно рада такому повороту событий и уже мечтала о свадьбе. Однако судьбе было угодно расставить все по-своему. 31 декабря того же 42-го Клещев вылетел к месту очередной катастрофы под Тамбовом, и самолет, в котором он находился, был атакован вражеской авиацией. В неравном бою его самолет был сбит. Так Федорова вновь осталась одна. И вскоре на нее обрушилась новая беда.

Лаврентий Берия не бросил своих попыток ухаживать за знаменитой актрисой. В декабре 1943 года он пригласил ее к себе в особняк на улице Качалова, объяснив свое приглашение просто: «Моя супруга любит вас и хочет отметить ваш день рождения в узком кругу». Отказать всесильному наркому Федорова не смогла, хотя в душе глубоко презирала его. В гостях терпения актрисы хватило только на первый час общения с Берией. Когда выяснилось, что никакой жены наркома на вечеринке не будет, что эту встречу организовал лично он, Федорова внезапно вспылила и оскорбила Берию. Тот тут же приказал ей убираться из его дома. Когда она вышла на улицу, Берия догнал ее на крыльце и вручил ей букет роз. При этом он мрачно произнес:

– Это букет на вашу могилу!

После этой встречи и грозного предупреждения Берии актриса ждала только одного – ареста. Однако его тогда так и не последовало.

Постепенно жизнь вошла в свое русло, и Федорова успокоилась. Она не могла даже догадаться, какие события ждут ее.

В 1943 году Федорова снялась в своих последних фильмах сталинской поры. Это были «Иван Никулин – русский солдат» (Маруся Крюкова) и «Свадьба» (главная роль – Дарья Кирилловна). А потом в ее кинокарьере наступил долгий перерыв, вызванный вмешательством большой политики. А произошло следующее.

Осенью 1942 года Федорова, будучи на выставке американского кино в Москве, познакомилась с корреспондентом американской газеты «Юнайтед пресс» Генри Шапиро. Он ввел ее в круг своих друзей, среди которых оказался заместитель главы морской секции американской военной миссии Джексон Тэйт. Их первая встреча произошла накануне наступления «именного» года Петуха – в январе 1945 года на торжественном приеме в особняке на Спиридоновке. На следующий день после приема Тэйт внезапно пригласил актрису в ресторан «Москва». Так началось их знакомство, которое переросло в любовь.

Эти отношения породят потом массу слухов. Например, некоторые источники будут утверждать, что актриса, став негласным агентом МГБ, была специально введена в круг американских дипломатов. Но кураторы Федоровой от МГБ, видимо, не учли того, что она была обыкновенной женщиной, которая не смогла устоять перед чарами американского красавца капитана. Видимо, этим объяснялась и последовавшая после знакомства с Тэйтом беременность Федоровой. Правда, рождение дочери Виктории, которая окажется астрологической «родней» своей матери (она появится на свет 18 января 1946 года), отец так и не застал.

После окончания войны американцы из наших союзников превратились во врагов – и связь Федоровой с Тэйтом не могла закончиться хеппи-эндом. Даже непонятно, на что она рассчитывала в то время, решив родить от американского дипломата ребенка. В июле 1945 года актрису внезапно отправили на гастроли в Крым, и в это же время Тэйт получил распоряжение советских властей в течение ближайших сорока восьми часов покинуть пределы СССР. Когда Федорова вернулась в Москву, ее любимого там уже не было.

Джексон Тэйт получил новое назначение на военно-морскую базу рядом с Сан-Педро в Калифорнии. Он ничего не знал о судьбе

Федоровой и даже не представлял, что она родила ему ребенка. Влюбленный Тэйт чуть ли не ежемесячно слал в СССР письма и запросы. Но ответа не было. И вот когда он уже потерял всякую надежду что-либо узнать, на его имя внезапно пришло короткое послание, отправленное из Швеции. В нем сообщалось, что Федорова вышла замуж за некоего композитора и счастливо растит с ним двоих детей. Подписи под этим письмом не было.

Кто написал это письмо, так до сих пор доподлинно не известно. Но доля правды в нем была. Еще в начале 40-х она познакомилась с композитором Александром Рязановым, стала в его джаз-квартете вокалисткой. Когда вышел указ о наказании матерей-одиночек, Рязанов предложил ей расписаться, но Федорова ему отказала, а затем согласилась. Скорее всего она испугалась и хотела скрыть факт рождения ребенка от иностранца и поспешила выйти замуж за соотечественника.

Разрыв с Тэйтом и замужество за соотечественником не спасло Федорову от беды. И первые признаки того, что у нее над головой сгущаются тучи, актриса почувствовала еще в августе 1946 года. Именно тогда она обнаружила, что за ней следят. А в начале зимы того же года, явившись с утра в свой Театр киноактера, она вдруг заметила, что со стены исчез ее портрет. Теперь вместо него висело изображение другой актрисы. Это было плохое предзнаменование, и оно вскоре действительно сбылось.

27 декабря 1946 года, после вечера, проведенного в доме английского журналиста Верта и его жены, Федорову арестовали в ее квартире на улице Горького. Более полугода она провела во внутренней тюрьме на Лубянке, где ее методично подвергали систематическим издевательствам (обливали кипятком, били, не давали спать). Наконец 15 августа 1947 года Федорова и еще шесть человек были приговорены за шпионаж в пользу иностранных государств к 25 годам тюремного заключения. После приговора Федорова пыталась повеситься в камере лэфортовского тюремного изолятора, однако бдительные надзиратели не позволили ей довести дело до конца.

20 декабря 1947 года из лагеря в Потьме она пишет полное отчаяния письмо Л. Берии, которое завершает словами: «...наказали не меня, а моих маленьких детей, которых у меня на иждивении было

четверо: самой маленькой, дочери, два года, а самому старшему, племяннику, десять лет. Я умоляю Вас, многоуважаемый Лаврентий Павлович, спасите меня! Я чувствую себя виноватой за легкомысленный характер и несдержанный язык. Я хорошо поняла свои ошибки и взываю к Вам как к родному отцу. Верните меня к жизни! Верните меня в Москву!»

Однако это обращение к Берии не помогло. Федорову тогда так и не выпустили на свободу, и она сполна хлебнула тюремного лиха. Сначала ее содержали в челябинской тюрьме, затем перевели в знаменитую «Владимирку» – закрытую тюрьму во Владимире. Там она одно время сидела в одной камере с певицей Лидией Руслановой. В один из дней Федоровой передали коротенькую записку от ее сестры Александры – это было первое послание с воли, которое она получила. Сестра писала, что у нее все нормально и что Виктория выросла хорошей девочкой. И хотя никаких подробностей в записке не было (Александра с тремя ребятами жила в деревне Полудино в Северном Казахстане, а вторая их сестра Мария получила 10 лет лагерей и в 1952 году умерла в Воркуте), однако для Федоровой и этого короткого послания было достаточно, чтобы воспрянуть духом. Главное – ее дочка жива, с ней все в порядке.

После смерти Сталина Федорова просидела в тюрьме еще два года. Наконец в феврале 1955 года она вышла на свободу. Вернувшись в Москву, она оказалась совершенно одна. Квартиры у нее не было, а когда она пришла на киностудию «Мосфильм», директор ее просто выгнал, так как у нее на руках не было реабилитационных документов. Единственным человеком, который тогда пригласил ее, была ее тюремная подруга Лидия Русланова. Именно у нее Федорова и жила первое время после освобождения. Еще ей помог Сергей Михалков, который пригласил ее к себе домой и дал две тысячи рублей. Это был царский подарок для женщины, у которой за душой не было ни гроша.

А затем состоялась долгожданная встреча Федоровой со своей девятилетней дочерью Викторией. Эта встреча произошла весной 1955 года на Казанском вокзале, куда Виктория приехала из города Петропавловска. Ей сказали, что она встречает тетю. За маму себя выдавала Александра, чтобы девочку не дразнили лишней раз дочерью «врага народа». Для девочки это оказалось серьезным испытанием – обрести новую маму. Однако постепенно их отношения наладились.

Карьера Федоровой в кино возобновилась буквально через несколько месяцев после возвращения из тюрьмы. Причем произошло настоящее чудо. В то время как многие коллеги-ровесницы Федоровой, стартовавшие в кино еще при Сталине, после его смерти постепенно ушли в тень, а некоторые и вовсе исчезли с небосклона отечественного кинематографа (вроде Марины Ладыниной), Федорова, которая почти десять лет отсидела в тюрьме, сумела не только вернуться в актерскую профессию, но и вспомнила свою былую славу. И хотя в большинстве своем она теперь играла не главные роли, но даже они не остались незамеченными зрителем. Первым режиссером, кому она была обязана своим возвращением в большой кинематограф, был Виталий Войтецкий, пригласивший ее в картину «Своими руками» (Мария Сергеевна; 1956).

Между тем в период с октября 1956-го по декабрь 1959 года на экраны страны вышли следующие фильмы с участием Федоровой (отметим, что в «именном» году Петуха вышло больше всего фильмов с ее участием – целых пять): «Медовый месяц» (повариха Елизавета Федоровна; 1956), «Поэт» (Тарасова), «Девочка и крокодил» (Надежда Федотовна), «Борец и клоун» (одесситка), «Ленинградская симфония», «Ночной патруль» (Марфа Потаповна), (все – 1957), «Дело «пестрых» (мать Игоря Пересветова), «Дружок» (тетя Наташа), «Жених с того света» (главврач Елизавета Владимировна), «Девушка без адреса» (Раиса Павловна Комаринская), (все – 1958), «Я Вам пишу...» (мама; 1959).

Самой заметной из перечисленных оказалась роль деловой женщины Раисы Павловны Комаринской в комедии Эльдара Рязанова «Девушка без адреса». Роль хоть и была небольшой по объему (примерно десять минут экранного времени), однако навсегда врезалась в благодарную память широкого зрителя. Фразы, слетавшие из уст героини Федоровой, до сих пор на слуху у многих людей: «Эта не та пыль, с которой надо бороться», «Это же богемское стекло!», «Чего хочет Масик?» и т. д.

Другой ее партнершей по фильму была исполнительница главной роли Светлана Карпинская. Она вспоминает: «Зою Федорову я побаивалась. Поначалу она мне показалась очень высокомерной, даже злобной. Нас с ней в одной машине после съемок развозили по домам. Всю дорогу она молчала, очевидно, не воспринимая меня всерьез.

Катерину по ходу фильма сбивала федоровская машина. Пришлось делать много дублей, я по-настоящему падала, потом долго ходила в синяках. Меня удивляло, что Зоя Федорова, сидевшая за рулем, ни разу не подошла потом и не выразила сочувствия. Я, честно говоря, в душе обижалась на Зою, пока совершенно случайно не узнала от гримерши, сколько известной актрисе пришлось пережить: оказывается, она отсидела восемь лет в лагерях. Помню случай, когда на нее кто-то из группы повысил голос, в ответ Зоя как рявкнет: «На меня восемь лет кричали, не смейте!» Казалось, известная актриса все время от кого-то оборонялась, даже когда на нее никто не нападал...»

Летом 1959 года Федорова впервые за долгие годы решила узнать о судьбе Джексона Тэйта. Через свою подругу, которая работала в гостинице «Украина», ей удалось выйти на некую Ирину Керк, русскую, которая была замужем за американцем. Будучи с детских лет преданной поклонницей таланта Федоровой, она согласилась помочь ей найти ее бывшего возлюбленного. Правда, на эти поиски у нее ушло немало времени. А когда она наконец обнаружила Тэйта, тот внезапно не проявил сильного порыва увидеть ни свою бывшую возлюбленную, ни родную дочь. Объяснить это было просто: к тому времени Тэйту было далеко за шестьдесят, у него была своя семья, а свою дочь от русской женщины он никогда не видел. Но Федорова этого не знала и с нетерпением ждала новостей от Керк. И вот в один из дней ее подруга, работавшая в гостинице, внезапно сообщила ей, что Керк встречалась с Тэйтом, но тот порвал фотографию дочери и отказался ее признавать. И актриса поверила этому. Много позже, в 70-х, она узнала от самой Керк, что это была ложь от первого до последнего слова. Кто заставил лгать подругу Федоровой, так и осталось неизвестным, вполне вероятно, что за этим стоял КГБ.

Но вернемся на творческую «кухню» Федоровой.

Активно войдя в кинематограф, в котором она отсутствовала около двенадцати лет, Федорова в следующем десятилетии продолжала развивать свою карьеру. Только в первой половине 60-х она снялась в 15 фильмах. Причем тогда она вернулась к исполнению главных ролей. Первая из них состоялась в самом начале 60-х – в фильме «Взрослые дети» (1961) Вилена Азарова, где Федорова сыграла мать семейства Татьяну Ивановну Королеву. По сюжету ее дочь Люся выходила замуж и приводила в дом своего мужа Игоря. Поначалу отношения зятя с

тещей и тестем складывались непросто, но потом все приходило в норму.

В первой половине 60-х актриса снялась, помимо названного, в следующих фильмах: «Алые паруса» (гувернантка; 1961), «Сердце не прощает» (Домна Егоровна; 1962), «Это случилось в милиции» (Екатерина Ивановна), «Шестнадцатая весна» (соседка Кораблевых), (оба – 1963), «Пропало лето» (главная роль – тетя Даша), «Слепая птица» (женщина с кошелкой), «Сказка о потерянном времени» (тетя Наташа), «Зеленый огонек» (заведующая салоном для новобрачных), (все – 1964), «Ракеты не должны взлететь» (фрау Кестлер), «Хотите – верьте, хотите – нет» (бабушка Миши), «Дайте жалобную книгу» (дворник Екатерина), «Иностранка» (Евдокия Михайловна), «Пушик едет в Прагу» (тетка Фекла), «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (тетя Зоя). Как видим, несмотря на обилие фильмов, главная роль у Федоровой выпала лишь однажды – в комедии «Пропало лето».

Однако самой кассовой из перечисленных выше фильмов с участием Федоровой стала комедия Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (69,6 млн зрителей, 1-е место). Правда, роль в ней у Федоровой была небольшая (соседка Лиды, тетя Зоя).

В год выхода фильма на широкий экран (1965) З. Федоровой присвоили звание заслуженной артистки РСФСР.

Во второй половине 60-х наша героиня записала на свой счет еще семь фильмов: «Спящий лев» (жена Телегина), «Стряпуха» (дама на рынке), (оба – 1966), «Скверный анекдот» (мать Пселдонимова; 1966, 1988), «Формула радуги» (тетя Шура), «Свадьба в Малиновке» (Горпина Дормидонтовна, она же Гапуся), (оба – 1967), «Улыбнись соседу» (главная роль – Анна Петровна Иванова; 1969), «Внимание, черепаха!» (учительница музыки Виктория Михайловна), «Меж высоких хлебов» (Мотря), (оба – 1970).

Самой заметной из перечисленных была роль Гапуси в фильме-оперетте «Свадьба в Малиновке», которую снял Андрей Тutyшкин. Фильм собрал на своих сеансах 74,64 млн зрителей и занял в прокате 2-е место.

В середине 60-х по стопам матери пошла и Виктория Федорова. Окончив ВГИК, она довольно быстро сумела стать одной из самых востребованных молодых актрис советского кинематографа. Первый фильм с ее участием вышел в 1965 году – «Возвращенная музыка»

(Таня), после чего до конца того десятилетия она снялась в восьми фильмах: «До свидания, мальчики!» (Женя), «Двое» (главная роль – Наталья Светлова), (оба – 1965), «Западня» (девушка на танцах; 1966), «Они живут рядом» (Инга), «Сильные духом» (Валя Довгер), (оба – 1967), «Урок литературы» (Лена; 1968), «Зинка» (главная роль – Зина; 1969), «Преступление и наказание» (Авдотья Романовна Раскольниковна; 1970).

Что касается личной жизни Виктории, то она была не менее бурной, чем когда-то у ее матери (отметим, что еще в 1961 году мать решила открыть дочери правду и рассказала ей об отце. Виктория восприняла эту историю с удивительным спокойствием).

Еще будучи студенткой ВГИКа, Виктория познакомилась с сыном известного грузинского кинорежиссера Ираклием, который, видимо, следуя отцовской традиции, учился на режиссерском факультете. Они полюбили друг друга и на третьем курсе, в январе 1967 года, поженились.

Отметим, что Зоя Федорова была против брака своей дочери с грузином. «Все грузины – тираны, – говорила она дочери. – Дикие, необузданные люди, к тому же чудовищно ревнивые». Эта неприязнь сыграла значительную роль в последующих событиях.

Молодожены жили вместе с тещей (в той самой двухкомнатной квартирке на набережной Т. Шевченко), им постоянно приходилось подстраиваться под ее желания и прихоти. Порой Федорова вела себя с молодыми бесцеремонно, даже врывалась без стука к ним в комнату, часто вспыхивали ссоры. По словам В. Федоровой: «Мамино поведение внесло дисгармонию в наши сексуальные отношения с Ираклием. Никогда нельзя было предугадать, когда в нашу комнату решит заглянуть мамуля. Отсюда то постоянное нервное напряжение, которое отмечало наши интимные отношения, и, если мы не сгорали от желания, легче было отложить любовь до следующего дня. Наши попытки найти выход в отсутствие мамули тоже не привели ни к чему хорошему. Акт любви превращался в какое-то трусливое, а потому обесцененное действие, как будто мы занимались чем-то недозволенным. Очень скоро секс и вовсе ушел из нашего брака...»

Как выяснилось, Ираклий оказался чрезвычайно ревнив. В один из вечеров, когда Федорова-старшая была в отъезде и в их доме собрались друзья на вечеринку, молодой супруг внезапно приревновал

свою жену к кому-то из гостей, ушел в соседнюю комнату и бритвой перерезал себе вену на руке. К счастью, порезы оказались несерьезными, и его удалось спасти. Однако через три месяца попытка нового суицида повторилась, но и на этот раз все обошлось хорошо. После третьего случая, когда во время выяснения отношений молодой супруг попытался выпрыгнуть в окно (они жили на восьмом этаже), стало ясно, что семью не сохранить.

Через некоторое время Виктория снова вышла замуж – на этот раз ее мужем стал сын давней подруги ее матери Сергей, архитектор. Но и этот брак оказался неудачным, даже несмотря на то, что Виктория переехала жить в шестикомнатную квартиру его родителей. Только теперь на дороге у молодых вставала свекровь – мать Сергея. А затем и сама Виктория в один из моментов поняла, что никогда не любила своего нового мужа. В 1972 году и этот брак распался, как бы подтверждая, что в семейной жизни она так же несчастлива, как и ее мать. Кстати, о последней.

В первой половине 70-х она снялась в тринадцати фильмах. Это были: «Шельменко-денщик» (главная роль – Фенна Степановна Шпак; 1971), т/ф «Алло, Варшава!» (администратор гостиницы), «За рекой – граница» (тетя Клава), «Русское поле» (Матрена Дивеевна), (все – 1972), «Дело было, да?» (Басалаева; 1973), т/ф «Кортик» (бабушка Миши), «Назначение» (Елизавета), «По собственному желанию» (тетя Надя), т/ф «Происшествие» (главная роль – Глафира), (все – 1974), «Автомобиль, скрипка и собака Клякса» (Анна Константиновна), «Врача вызывали?» (Мария Иосифовна), «Гнев» (дама), (все – 1975).

В одном из перечисленных фильмов – «Гнев» – Федорова снялась со своей дочерью Викторией (последняя играла в нем главную роль – Донку Младену). Вообще Виктория в первой половине 70-х снималась реже своей матери – на ее счету было участие в семи фильмах. Правда, главных ролей у нее было больше. Назовем эти фильмы: «О любви» (главная роль – Галина; картина была удостоена приза на Московском кинофестивале), «Осенний этюд» (главная роль – Вика), «Расплата» (Катя Фарина), (все – 1971), «Ход белой королевы» (главная роль – Алиса Бабурина; 1972), «Вид на жительство» (Хилари), «О тех, кого помню и люблю» (Рита Меньшикова), (оба – 1973).

В те годы Виктория крутила любовь с известным сценаристом Валентином Ежовым, автором сценариев к таким легендарным

фильмам, как «Баллада о солдате» (1959) и «Белое солнце пустыни» (1970). Влюбленные жили под одной крышей в течение нескольких лет, однако безоблачными эти отношения назвать было сложно. Во-первых, оба они в ту пору увлекались «зеленым змием», во-вторых – у Ежова так и не сложились отношения с хозяйкой дома – Зоей Федоровой. В итоге именно последняя и разработала план, согласно которому мужчина-Обезьяна должен был не только навсегда покинуть пределы их квартиры, но и навсегда уйти из жизни Виктории.

Все произошло как-то вечером, когда Ежов по своему обыкновению выпил лишнего и нес очередную нескончаемую околесицу. Виктория возьми и скажи:

– Если бы кто-нибудь хоть раз увидел его в таком состоянии, мы бы, глядишь, и избавились от него.

Мать сразу поняла, к чему клонит ее дочь, и взяла инициативу в свои руки. Она позвонила по телефону сразу по нескольким адресам и пригласила к себе на квартиру несколько человек, которых сценарист боялся как огня. Среди них были: председатель писательской организации, в которой имел честь состоять Ежов, секретарь партийной организации, а также участковый врач и милиционер. Когда они пришли, Зоя ткнула пальцем в сценариста и хорошо поставленным голосом произнесла:

– Я пригласила вас сюда, товарищи, чтобы вы воочию увидели человека, столь высоко вами ценимого, человека, которого мы вытащили из грязной лужи, не то он бы в ней захлебнулся.

Ежов, который с первых же мгновений после появления в квартире внушительной делегации впал в прострацию, попытался было что-то возразить, но тут свой голос вплела в ткань разговора Виктория. Не давая опомниться бывшему возлюбленному, она спросила:

– Кто-нибудь из вас знает, каким образом этот человек потерял четыре передних зуба?

Врач, к чьей компетенции относился этот вопрос, высказал предположение, что сценарист, видимо, поскользнулся и упал на улице. На что Виктория рассмеялась:

– Все произошло вот в этой комнате. Валентин напился до чертиков и упал, ударившись лицом о спинку вот этого кресла.

Понимая, что любая его реплика в сложившейся ситуации может быть воспринята против него, Ежов заявил, что уходит спать. Но тут уже в дело вмешался милиционер. Преградив сценаристу путь, он заметил:

– Здесь вам спать не положено. Вы тут не прописаны.

Сценарист схватился за сердце, но этот картинный жест не произвел на присутствующих никакого впечатления. Все уже были настроены против него. Даже парторг, который некогда симпатизировал сценаристу, теперь с металлом в голосе произнес:

– Какой позор, Валентин. Вас удостоили наивысшей награды, какую только может получить член партии в нашей стране, а вы ее опозорили.

После этого в разговор вновь вступила Зоя Федорова:

– Правильно. Пока этот человек будет продолжать настаивать на проживании в этой квартире, на что не имеет законного права, он будет позорить коммунистическую партию. Мы, две слабые женщины, не можем справиться с ним.

В итоге Ежова заставили быстренько одеться и, что называется, под белые рученьки увели из квартиры Федоровых. Правда, уже на следующий день он попытался по телефону попросить прощения у Виктории, но та была краткой:

– Если ты хочешь вернуться, то знай, что тебя встретит моя мама со скалкой. Поэтому, если ты осмелишься когда-нибудь подойти ко мне или к мамуле, клянусь, я позову милицию.

Этот скандал действительно отрезвил сценариста, и он прекратил всякие попытки наладить отношения с Викторией. И правильно, кстати, сделал – она была ему явно не пара (как и ее мама).

Той же осенью 73-го, когда Виктория снималась в Молдавии в фильме «Гнев», им с матерью пришло письмо от Джексона Тэйта. В письме он просил у двух дорогих ему женщин прощения за то, что стал невольным виновником постигших их бед. Получив это письмо, Виктория загорелась желанием во что бы то ни стало увидеть своего отца и попросила помочь ей Ирину Керк. Так началась почти двухлетняя эпопея с ее отъездом в США.

Кульминацией этой истории стала статья в «Нью-Йорк таймс» от 27 января 1975 года, в которой рассказывалась история любви американского военного Джексона Тэйта к советской актрисе Зое

Федоровой, их вынужденной разлуке и желании встретиться вновь. Статья произвела впечатление на американцев, и сразу несколько продюсеров Голливуда изъявили желание снять об этом фильм. Естественно, что вся эта шумиха не прошла мимо официальных советских властей, которые все-таки решили выдать Виктории визу для поездки в США. Весной 1975 года Виктория Федорова и Джексон Тэйт наконец встретились на небольшом островке недалеко от Флориды. А уже 7 июня того же года Виктория вышла замуж за пилота Фредерика Пуи и осталась навсегда в США. А что же ее мать, которая осталась в СССР?

Зоя Федорова после отъезда дочери отнюдь не стала для властей персоной нон грата. В 70-е годы она продолжала хоть изредка, но сниматься в кино, записав на свой счет еще три фильма: «Живите в радости» (Анисья; 1979), «Утренний обход» (Егорова), «Москва слезам не верит» (вахтерша в общежитии, тетя Паша).

Тогда же она въехала в шикарную квартиру в престижном доме на Кутузовском проспекте. В апреле 1976 года ее отпустили в США, где она встретила со своим возлюбленным Джексоном Тэйтом и дочерью.

В тот свой приезд Зоя Федорова вполне могла бы остаться в Америке, однако почему-то этого не сделала. В июле 1978 года Д. Тэйт скончался от рака в возрасте 79 лет, но Федорова еще два раза после его смерти посетила США, где жила у дочери, и вновь вернулась в СССР. Что-то ее удерживало в этой стране. В 1980 году она вновь засобиралась в США, но на этот раз ее долго не отпускали, мотивируя это тем, что ее дочь снялась в антисоветском фильме и издала книгу «Дочь адмирала». И все же виза на отъезд в конце концов была получена. Но днем 10 декабря 1981 года (за 11 дней до своего 72-летия и в «именной» год Петуха) Зоя Федорова была застрелена в своей квартире № 234 в доме № 4/2 по Кутузовскому проспекту. Обстоятельства этого преступления выглядели следующим образом.

11 декабря 1981 года, примерно в шесть часов вечера, племяннику Федоровой позвонила близкая подруга его тетки и взволнованным голосом попросила его срочно приехать к ее дому на Кутузовском проспекте и своими ключами открыть дверь федоровской квартиры. «Я сегодня дважды приходила к Зое, но оба раза мне не открыли дверь, – сообщила подруга. – Мне кажется, с ней что-то случилось!»

Последняя фраза заставила племянника немедленно отправиться на зов.

К сожалению, звонившая оказалась права. Когда племянник открыл дверь квартиры и вошел внутрь, его глазам предстала страшная картина. Его тетка сидела за столом, сжимая в руке телефонную трубку и запрокинув голову на спинку кресла. Левая часть ее лица была залита кровью. Женщина была мертва.

На момент отъезда дочери в Америку Зоя Федорова уже редко снималась в кино (всего три фильма за всю вторую половину 70-х, в то время как за предыдущее пятилетие она снялась в четырнадцати картинах), и основной заработок ей приносила другая деятельность. В народе ходили слухи, что популярная актриса занимается скупкой и перепродажей бриллиантов и на этой почве даже подружилась с Галиной Брежневой. Благодаря помощи последней Федорова получила престижную квартиру на Кутузовском проспекте, недалеко от дома, где проживало семейство Брежневых. Поэтому, когда в декабре 1981 года по Москве пронеслась весть о том, что Зоя Федорова убита в своей собственной квартире выстрелом в голову, все связали эту смерть именно с деятельностью актрисы на бриллиантовом поприще.

Приехавшая по вызову оперативно-следственная группа зафиксировала смерть 72-летней актрисы от огнестрельного оружия иностранного производства – бельгийского пистолета «Зауэр» модели 38, калибра 7,65 мм. Убийца хладнокровно выстрелил женщине в затылок в тот момент, когда она собиралась кому-то позвонить. Кому? Это предстояло выяснить следствию.

По словам подруги убитой (той самой, которая вызвала на место происшествия племянника Федоровой), она приходила к дверям квартиры № 234 дважды: в начале второго и около пяти вечера. Оба раза она долго звонила в дверной звонок, но ей никто не открыл. Это было странно, так как потом следствие установит, что в начале второго Федорова находилась дома и была еще жива. Установить это помог свидетель, который в промежуток времени с 13.45 до 14.30 дважды разговаривал с актрисой по телефону. Они обсуждали вопросы предстоящей гастрольной поездки актеров Театра-студии киноактера. Отсюда возникал вопрос: почему Федорова не открыла дверь своей подруге? Боялась? Или ждала в гости кого-то другого? Если этот другой и был убийцей, то выходило, что Федорова его хорошо знала.

Такой вывод напрашивался сам собой. Дело в том, что следствие установило – Федорова была крайне осторожным человеком. За все время своего проживания в доме на Кутузовском проспекте она ни разу не пустила к себе в квартиру не только никого из соседей, но даже техника-смотрителя. Обычно с посторонними посетителями актриса разговаривала через дверь, и, если гость настаивал на встрече, Федорова просила его спуститься во двор и встречалась с ним там.

Версия первая: бытовое ограбление.

Эта версия «хромала» с первых же дней – следов активного поиска драгоценностей в квартире обнаружено не было (даже две тысячи рублей, лежавшие на тумбочке, убийца не взял). А что это за грабитель, который ничего в доме у жертвы не ищет и не берет весьма большие, по советским меркам, деньги, лежащие на виду?

Версия вторая: убийство по личным мотивам.

Она тоже ни к чему не привела. Оказалось, что у актрисы было не так много недоброжелателей, но даже среди них не нашлось человека, которому покойная могла «насолить» настолько, чтобы тот взялся за пистолет.

Версия третья: политическая.

Согласно ей, к убийству Федоровой был причастен КГБ. История этой версии уходит своими корнями в конец 20-х годов, когда Федорова якобы была завербована ГПУ (мы об этом упоминали в начале этой главы). Эта связь могла длиться не одно десятилетие. Однако в 1981 году Федорова вдруг засобиралась в США, причем в этот раз случайно проговорила, что намерена остаться у дочери навсегда. Однако в очередной поездке ей отказали, а через несколько дней после этого к ней пришел убийца.

Версия четвертая: «бриллиантовый» след.

Эта версия базируется на том, что Федорова в течение нескольких лет входила в так называемую бриллиантовую мафию, костяк которой состоял из жен и детей высокопоставленных кремлевских деятелей. Участники этой мафии занимались скупкой и перепродажей изделий из золота, антиквариата и произведений искусства. Федорова вошла в этот клан в начале 70-х и добилась в нем определенных высот. Во всяком случае, она довольно быстро сумела поменять свою двухкомнатную квартиру на набережной Тараса Шевченко на роскошную квартиру в престижном доме на Кутузовском проспекте.

Отныне ближайшими соседями стали семьи Брежнева, Андропова, Щелокова. Не каждому смертному выпадала удача попасть в такой привилегированный круг.

Согласно этой версии, Федорова обладала уникальной информацией о многих участниках бриллиантовых махинаций в СССР. О ее широкой осведомленности говорит такой факт: в ее записной книжке были записаны 2032 телефонных абонента, 1398 почтовых адресов (971 московский и 427 иногородних). Не исключено, что именно эта осведомленность и стоила Федоровой жизни. Когда ее не отпустили в США, она могла пойти ва-банк и попытаться шантажировать кого-то из высокопоставленных мафиози (она могла стать весомым козырем в руках конкурента Андропова – Щелокова, который всячески стремился скомпрометировать шефа КГБ, стремившегося к власти в Кремле). Чтобы не допустить подобного исхода, Лубянкой и было принято решение о ее ликвидации.

Версия пятая: щелоковская.

Эта версия была запущена КГБ, и впервые ее обнародовал писатель Юрий Нагибин в своем рассказе «Афанасьич» (конец 80-х). Согласно этой версии, убийство Федоровой заказала не Лубянка, а ведомство-конкурент – МВД с его министром внутренних дел СССР Николаем Щелоковым. Якобы в личной коллекции актрисы был уникальный бриллиант, который очень нравился супруге министра Нонне. Чтобы завладеть им, министр и наслал на Федорову наемного убийцу.

Ничего не скажешь, красивая версия. Однако маловероятная. Первым ее разоблачителем был другой известный писатель – Юлиан Семенов. В своей повести «Тайна Кутузовского проспекта» он мотивировал свои сомнения следующим аргументом. Федорова часто устраивала «левые» концерты артистов, и МВД было прекрасно об этом осведомлено. Поэтому убивать актрису не требовалось. Достаточно было завести на нее уголовное дело, прийти с обыском и конфисковать бесценную реликвию.

Следствие по делу об убийстве Зои Федоровой велось довольно активно первые год-два. В ходе его было опрошено около четырех тысяч свидетелей, среди которых, без сомнения, фигурировал и убийца. Сыщики, видимо, догадывались, кто он, и это стало известно дочери убитой Виктории Федоровой-Пойнт. В сентябре 1984 года она

прислала в МУР письмо, в котором благодарила сыщиков «за найденную справедливость». Однако далее произошло непонятное. Подозреваемый так и не был привлечен к уголовной ответственности, имя его так и не стало достоянием гласности. В итоге с момента преступления минуло уже почти три десятка лет, но убийца так и не предстал перед законом. Одно из самых громких и загадочных преступлений советской эпохи по сей день остается нераскрытым.

Волчья яма

Талгат Нигматулин

В 70-е этот актер был одним из самых популярных в советском кинематографе, эдаким суперменом без страха и упрека, одной рукой расправляющимся сразу с несколькими врагами. Но в реальной жизни все оказалось куда более трагично. В 1983 году он снялся в фильме «Волчья яма», где его герой – честный парень Самат – погибал по вине человека-оборотня, которого он любил и которому всецело доверял. Спустя полтора года после съемок в этой картине актер в точности повторил судьбу своего экранного героя. Только теперь «волчьей ямой» для него стала вильнюсская квартира одного художника, где его забили до смерти по приказу духовного наставника актера – человека, которому он безгранично верил. Люди до сих пор гадают, почему этот человек, будучи чемпионом Узбекистана по карате, даже пальцем не пошевелил, чтобы защитить себя от гибели.

Т. Нигматулин родился в киргизском поселке Кызыл-Кия 5 марта 1949 года. Его отец погиб незадолго до рождения сына. А поскольку в семье Нигматулиных на тот момент было несколько детей и матери в одиночку тянуть их было трудно (она работала директором школы), Талгата отдали в детский дом. Там парень хлебнул лиха, что называется, выше крыши. Будучи от рождения хилым и болезненным (Талгат переболел рахитом), Нигматулин стал «боксерской грушей» как для своих ровесников, так и для ребят старше его. Били Нигматулина чуть ли не каждый день, причем никакие слезы и уговоры на малолетних садистов не действовали, и даже более того – еще больше распалили их садизм. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Именно тогда Нигматулин дал себе слово в будущем обязательно заняться спортом, чтобы пресечь насмешки и нападки сверстников на корню. Вскоре его мечта сбылась – он записался в секцию легкой атлетики, а чуть позже увлекся карате, которое в Узбекистане пропагандировали выходцы из Кореи. С тех пор руку на него уже никто не поднимал.

Между тем, помимо спорта Нигматулин увлекся театром и записался в драмкружок. Занятия там велись на русском языке, и

Талгату, который в школе большими знаниями по этому предмету не блистал, пришлось изрядно над собой потрудиться. Большим подспорьем в этом ему стала домашняя библиотека его матери, которая насчитывала несколько сот томов классических произведений. Нигматулин все их прочитал, а роман «Война и мир»... полностью переписал от руки для того, чтобы лучше знать русский язык. Этот случай окончательно убедил его близких в том, что этот парень всегда будет добиваться того, чего он хочет. Вспомним характеристику Земляного Быка: «Он честлюбив, но при этом реалист и готов работать сутками, чтобы добиться своей цели».

В старших классах Нигматулин два года проработал на заводе во Фрунзе. Однако идти в рабочие не входило в его планы (просто нужны были деньги и трудовой стаж), поскольку всеми его помыслами завладело кино. Он мечтал стать знаменитым артистом и ради этого готов был преодолеть любые преграды. Поэтому, окончив десятилетку, Нигматулин в 1966 году отправился в Москву поступать во ВГИК. Но первая попытка поступления оказалась неудачной. Однако покидать столицу Талгат не захотел и подал документы в Училище циркового и эстрадного искусства на эстрадное отделение. И вот там уже молодому абитуриенту из южных краев повезло – его приняли. Что неудивительно: абитуриент был очень спортивным человеком. Однако и про кино Нигматулин не забывал: регулярно наведывался на киностудии, где пытался устроиться на съемки хотя бы в массовку. Но поначалу ему не везло. Его уже было взяли на эпизодическую роль фашиста в картину «Арена», как вдруг кто-то из киношников возмутился: «Если он немец, то я француз». И Нигматулина с роли сняли.

Впору было впасть в отчаяние, но Нигматулин, как истинный мужчина-Бык, не сдавался. В итоге добился того, чего хотел: в 1967 году его пригласили пройти пробы в картине «Баллада о комиссаре». Режиссером фильма был сын директора «Мосфильма» Александр Сурин, а главную женскую роль играла его тогдашняя супруга Галина Польских. По словам самого Нигматулина: «Когда я читал сценарий, думал, что ничего не получится, нервничал очень. Но, спасибо, Галина Польских помогла тогда, и постепенно роль стала вырисовываться...»

В этом фильме ему досталась более чем отрицательная роль – он сыграл садиста-белогвардейца, который измывается над красным

комиссаром (его роль исполнял Юрий Назаров).

Фильм еще был в производстве (его премьера состоится по ЦТ 10 ноября 1967 года), когда Нигматулина приняли в актерскую мастерскую Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. Его однокурсниками стали будущие звезды отечественного кино: Николай Еременко-младший, Вадим Спиридонов и четыре Наталии: Белохвостикова, Бондарчук, Гвоздикова и Аринбасарова. Самые дружеские отношения из всех перечисленных у Нигматулина сложились с Еременко. Правда, это была своеобразная дружба – не из разряда неразлейвода, а эдакая конкурентная борьба за право быть лидером.

Что касается отношений с противоположным полом, то и здесь Нигматулин был не одинок – закрутил роман со своей сокурсницей Ириной Шевчук. Впоследствии она прославится ролью в фильме «А зори здесь тихие...» (1972).

Отношения Нигматулина и Шевчук длились более двух лет и завершились в конце их обучения во ВГИКе. По словам актрисы, она сильно любила Талгата, но он был увлекающейся натурой – хранить верность одной женщине он не мог. Видимо, именно это и предопределило исход их романа.

На момент окончания ВГИКа (1971) Нигматулин уже успел сыграть главную роль в кино. Правда, фильм снимался на родине Талгата, в Узбекистане, и больше был известен там, чем в других республиках. Речь идет о фильме с поэтическим названием «Ее имя – Весна» (1970) режиссера Искандера Хамраева. Нигматулин сыграл в нем своего ровесника по имени Пулат Сарыков.

Участие в этом фильме предопределило дальнейшую судьбу Нигматулина. Окончив институт, он уехал в Ташкент, где поступил в штат «Узбекфильма». И именно там (а также на соседних киностудиях) стал делать себе карьеру в большом кинематографе. Правда, роли ему тогда чаще всего доставались второстепенные. Так, он снялся в фильмах: «Ночь на 14-й параллели» (роль – Ситонг), «В черных песках» (эпизод), (оба – 1972), «Седьмая пуля» (Исмаил; 1973).

Сыграв в кино несколько второстепенных ролей, Нигматулин вскоре удостоился приглашения на главную роль. Это случилось в 1973 году. В фильме знаменитого узбекского режиссера Эльера Ишмухамедова (снял такие «нетленки», как «Нежность», 1967;

«Влюбленные», 1969) «Встречи и расставания» Нигматулин сыграл своего современника по имени Рустам.

Но это была не единственная радость Нигматулина в том году. Именно тогда он познакомился с женщиной, которой суждено будет стать его первой официальной женой. Это была его землячка, молодая эстрадная певица Лариса Кандалова. По ее словам:

«С Талгатом я познакомилась в гостях у общих знакомых. Он тогда снялся в фильме «Седьмая пуля». Но меня покорило не это, а его внимательность: у моей московской подруги в Ташкенте заболела мама, не с кем было оставить двух собак – Талгат помог забрать женщину из больницы, а когда я сдавала сессию, забрал одну собачку к себе и ухаживал за ней...»

С Талгатом было интересно: он приобщил меня к восточной философии, японской литературе. Он писал стихи, прозу, даже пытался петь, хотя со слухом у него были проблемы. Давал мне уроки карате. Но суставы у меня уже были не те: я поиграла немного в спорт, и на этом все закончилось...»

Следующий, 1974 год Нигматулин провел нервно. Горькую пилюлю в тот год «подсластила» актеру премьеры фильма «Встречи и расставания», которая состоялась 15 июля 1974 года. Но выход этой ленты на экран не способствовал взлету кинематографической карьеры Нигматулина – фильм остался практически незамеченным как критикой, так и широким зрителем.

Тем временем трещал по всем швам первый брак Нигматулина. Ситуацию не спасало даже то, что Кандалова к тому моменту была уже беременна (в 1975-м на свет появится дочь Урсула). В итоге Нигматулин завел себе на стороне новую пассию. Это была его поклонница Халима Хасанова. По словам Л. Кандаловой:

«Эта 18-летняя девочка мертвой хваткой вцепилась в моего мужа. Она приходила к нам домой, мама Талгата открывала Халиме дверь и пыталась скрыть от меня ее визиты – лгала, что это почтальон или соседка. Пусть Халима простит меня за эти слова, как я простила ее за причиненную мне в те годы боль. Она очень любила Талгата, жила только для него, по-моему, и материально его поддерживала – даже работала на стройке. Это очень мягкая и мудрая женщина...»

Талгат умел дружить, но семьянин из него не получился. Мы прожили вместе всего год. Его постоянства хватило ненадолго.

Влюбчивость и увлечения Талгата другими женщинами я воспринимала как предательство. По молодости не могла этого простить, не шла на компромиссы. В конце концов забрала ребенка и ушла от него...»

Потерпев поражение сразу на двух фронтах – кинематографическом и семейном, – Нигматулин решил взять паузу. И посвятил себя спорту. Он уже давно увлекался японской философией и на этом интересе приобщился и к карате. Несколько лет тренировок дали прекрасные результаты: Нигматулин стал участвовать в чемпионатах Узбекистана по этому виду спорта и вошел в тройку лучших каратистов республики, а также в десятку лучших в Союзе (на первенстве СССР однажды занял 6-е место).

Кроме этого, Нигматулин занимался литературным творчеством. Как мы помним, он еще в детстве любил много читать и перечитал все книги из домашней библиотеки своей матери, которая насчитывала несколько сот томов классических произведений. Именно тогда у него возникло желание самому стать писателем или поэтом. Он начал писать стихи, некоторые из которых впоследствии стали очень популярны. Например, «Русские березы» превратились в популярную песню.

Именно под влиянием литературы Нигматулин во второй половине 70-х решил поступить на Высшие сценарные курсы при ВГИКе. А направил его туда известный сценарист Одельша Агишев, с которым он плотно общался во время работы над фильмом «Встречи и расставания» (Агишев был сценаристом этой картины). Прочитав как-то несколько прозаических произведений Талгата, маститый сценарист сказал ему: «Тебе надо поступать на Высшие сценарные...»

Сценарному мастерству Нигматулина учил известный советский режиссер Витаутас Жалакявичюс.

Что касается актерской стези, то Нигматулин в ту пору ступал на нее не часто. Да и то для того, чтобы сняться в эпизодических ролях. Так было с фильмами «Вооружен и очень опасен» (слуга Джойс; 1977), «Сказание о Сиявуше» (Тулан; 1978).

Свою главную роль из разряда «визитной карточки» Нигматулин заполучил весной 1979 года, когда был утвержден на роль злодея-пирата Салеха в боевике «Пираты XX века». Режиссером фильма был

Борис Дуров. Роль главного положительного героя в фильме сыграл бывший сокурсник Нигматулина по ВГИКу Николай Еременко.

Фильм вышел на широкий экран 14 июля 1980 года и до конца года его посмотрели – 87,6 млн зрителей. Именно с этого момента и началась всесоюзная слава Нигматулина – признанного супермена советского кинематографа.

Вспоминает вторая жена Нигматулина Х. Хасанова: «На 9-м месяце беременности (октябрь 1980-го. – Ф. Р.) я пошла в кинотеатр посмотреть «Пираты XX века». Но очередь была такой такой огромной, что мне не удалось купить билет даже на приставной стул. Тогда я так его и не увидела, хотя сама участвовала в съемках – дублировала Дилю Камбарову в сценах с подводными драками, у меня разряд по плаванию...

Талгат учил меня карате, я даже получила коричневый пояс. Я безумно любила Талгата, хотя в наших отношениях случалось разное. Как-то встречали Новый год, вышли из квартиры в гости, а когда вернулись, обнаружили, что дверь захлопнулась. Так вот, на второй этаж по обледенелой водосточной трубе полезла я. Талгат это делать отказался: сказал, что ему страшно. Или вот другая история: когда Саид родился, муж перекупил коляску у мужчины, жена которого ждала ребенка только через полгода. Талгат не просто вручил ему деньги, а пригласил случайного знакомого в ресторан, чтобы отметить покупку. В этом был весь Талгат – доброжелательный, открытый, компанейский...»

Но вернемся к триумфу «Пиратов XX века».

Отметим, что в ту пору карате в СССР стояло на пороге своей триумфальной славы, и нужен был только внешний толчок, чтобы этот триумф обрел свою необратимую силу. И именно фильму «Пираты XX века» суждено было стать одним из таких внешних «толкателей». Лихо (по тем временам) снятые каратистские поединки настолько поразили воображение советских подростков, что они рядами и колоннами ринулись записываться в секции карате, которые стали расти по всей стране как грибы после дождя. Причем почти все подростки, кто избрал для себя этот вид спорта в качестве культа, мечтали быть похожими именно на Талгата Нигматулина, а не на его антипода по фильму «Пираты XX века» Николая Еременко. Почему? Видимо,

восточная внешность актера гармонировала с образом настоящего каратиста.

Между тем тот год (1980) запомнился Нигматулину не только этим. Именно тогда он вновь стал отцом. Матерью его сына Саида стала та самая Халима Хасанова, с которой судьба свела его еще в середине 70-х. Как мы помним, их роман закрутился еще в бытность Нигматулина мужем Кандаловой – когда та была беременна их дочерью Урсулой. Вскоре после расставания с первой женой Талгат женился на Хасановой, и спустя несколько лет – 21 октября 1980 года – в этом браке родился сын Саид.

Однако не это событие предопределило судьбу Нигматулина в то десятилетие, а другое – роковая встреча с двумя людьми, которые станут убийцами героя нашего рассказа. Речь идет о Мирзе Кымбатбаеве (1935) и Абае Борубаеве (1952). Расскажем о них подробно.

Мирза жил в узбекском городе Бируни (Каракалпакская АССР) и зарабатывал тем, что выдавал себя за дервиша (религиозный мистик, суфий, ведущий нищенский образ жизни). О том, как он пришел к такой жизни, рассказывает он сам:

«Я у родителей один. Были младшие братья и сестры, но они умерли. Учился я слабо. Рос сильным, здоровым. Окончил десять классов. С юношеских лет стал заниматься национальной борьбой. Выступал на свадьбах, тоях. Получал призы, деньги. В тридцать лет познакомился с девушкой, хотел жениться, но родители отдали ее за другого, и молодые уехали в соседний район.

Потом я работал в колхозе разнорабочим. Но ушел и оттуда – стал помогать людям строить дома. Мне хорошо платили. Так я и жил, пока в кишлаке не появился человек, которого называли Наурузов-дервиш. Он, как мне тогда казалось, был очень странный. Ходил в рваном халате, носил на шее женские украшения: бусы, побрякушки. Мы подружились. Наурузов рассказал, что уже много лет нигде не работает, собирает милостыню, ни в чем не нуждается. Я ему понравился, он тоже понравился мне. Под его влиянием я бросил работу, и мы стали ходить вдвоем. Обошли несколько областей. Наурузов обещал научить своему ремеслу и выдать за меня дочь, которая жила в Ташаузе. За это я отдавал ему все деньги, которые нам подавали.

Новая жизнь мне нравилась. Молиться я не умею, поэтому только делал вид, что бормочу молитвы. Наурузов научил нескольким арабским словам, которые я должен был повторять для людей. Люди благодарили, давали один-два рубля. Некоторые говорили, что после наших молитв они стали лучше себя чувствовать, давали еще денег. Поэтому в день у нас получалось 150–200 рублей...

Когда я понял, что Наурузов не хочет отдавать свою дочь, я на него обиделся. Однажды сильно выпил и избил его. После этого мы расстались, и я стал ходить один. Милостыню я собирал за 35 километров от нашего кишлака – на кладбище Султан Уаис Баба, которое считается святым. Там собирается много людей, поэтому работы у меня было много. Люди приезжали туда семьями, предварительно зажаривали целых баранов, запасали еду. Я был сыт и ни в чем не нуждался...»

Так длилось несколько лет, пока в конце 70-х судьба не свела Мирзу с Абаем Борубаевым. Этот человек был из другого круга людей, чем Мирза. Он родился в состоятельной семье в Оше: его отец был главным редактором областной газеты, а мать преподавала в местном вузе. Своему сыну они готовили благополучную судьбу, поэтому сил и средств на это не жалели. После окончания школы Абай поступил в местный институт, но учился плохо. Когда в 1976 году подошла пора госэкзаменов, его до них не допустили из-за многочисленных «хвостов». Но влиятельный отец позвонил кому следует, и парню выдали диплом. Затем тот же отец пристроил сына секретарем комсомольской организации на один из ошских комбинатов. Но этой работой Абай явно тяготился. Он хоть и был Драконом (а они любят власть), однако властвовать над комсомольцами ему не улыбалось. Он тогда уже увлекся восточной философией и мечтал иметь куда большую паству, чем несколько десятков комбинатских комсомольцев. Вот тут судьба и подбросила ему встречу с Мирзой. Последний вспоминал:

«Абай приехал на кладбище Султан Уаис Баба с несколькими друзьями. Он стал говорить со мной на нашем языке, остальные ничего не понимали. Абай задал два-три вопроса из Корана и убедился в том, что я ничего не знаю. Абай – умный человек, грамотный. Родители его большие люди. Я признался, что бродяга, обманываю людей. Абай сказал, что пишет книгу о дервишах и хочет стать

директором института, где будет изучать таких, как я. Он пообещал сделать меня своим заместителем...»

В 1980 году Абай и Мирза отправились покорять Москву, поскольку были наслышаны, что в кругах столичной элиты есть много людей, захваченных модой на восточную философию. В разного рода светских салонах, существовавших на квартирах известных людей (писателей, музыкантов, актеров), собирались ценители Дзен-буддизма, которые читали соответствующие книги и вели оживленные дискуссии о философии и религии. Любой человек, приехавший с Востока и заявивший о себе как экстрасенс или эзотерик, мог рассчитывать на благосклонное внимание со стороны этой публики. Все это Абай прекрасно знал, поэтому и рассчитывал, приехав в Москву с известным дервишем Мирзой (а именно такая слава о нем в 70-е годы существовала в Каракалпакской АССР), легко покорить столичную богему. И его надежды полностью оправдались.

Гостей с Востока принимали в своих домах весьма знатные люди: писатели, ученые, общественные деятели различных рангов. Один из известных писателей, главный редактор журнала «Огонек» Анатолий Софронов, сопровождал его рекомендательным письмом, в котором, в частности, говорилось:

«Кымбатбаев Мирза... наделен необычными способностями, накладывающими свой отпечаток на весь образ его жизни. Известно, что за последнее время такого рода способности, проявляющиеся в нетрадиционных способах лечения при помощи биотоков, телепатии, телекинеза и пр., становятся предметом пристального научного внимания. Кымбатбаев Мирза относится к числу людей, обладающих уникальными способностями, наблюдение за которыми может много дать для развития современной науки о законах человеческой психики. Молодой ученый Борубаев Абай установил с ним взаимодействие и ведет записи научного характера. Просим оказать содействие этой работе».

Другой известный литератор – поэт Валентин Сидоров – был рад увидеть этих людей на своих творческих вечерах. По его же словам:

«Борубаев был на двух моих вечерах, Кымбатбаев на одном. На одном вечере я представил Борубаева как человека, изучающего йогу и народную медицину... О Кымбатбаеве Борубаев сказал мне, что это его Учитель, обучающий его нетрадиционным способам познания...»

После столь лестных отзывов и представлений со стороны именитых людей дела Абая и Мирзы пошли в гору. «Феноменальные» способности Мирзы, например, изучала лаборатория в Фурманном переулке в Москве. У них стали появляться ученики во многих городах Советского Союза. Конечной же целью Мирзы и Абая было открытие так называемого Института изучения человека.

Помимо тех, кто давал им рекомендации, Абай и Мирза заимели в Москве людей, которые согласились стать их учениками. Одним из таких людей стал Владимир Пестрецов, который возглавлял секцию карате и привел под знамена заезжих «экстрасенсов» многих своих учеников.

Что касается Талгата Нигматулина, то он познакомился с Абаем и Мирзой благодаря первому – с ним его свел кто-то из ташкентских друзей. Как мы помним, Талгат серьезно был увлечен восточной философией плюс к тому же собирался в скором времени начать карьеру кинорежиссера и мечтал снять фильм в духе Тарковского: этакую мистико-философскую притчу.

Нигматулин называл Абая своим Учителем и не только пустил жить в свою ташкентскую квартиру, но и ссуживал деньгами, думая, что Абай и Мирза действительно хотят открыть пресловутый Институт по изучению человека. Абаю эти деньги пришлось весьма кстати, как и звездный статус Нигматулина, который помогал ему и его компаньону завязывать все новые знакомства в богемной среде.

Заметим, что после «Пиратов XX века» карьера Нигматулина резко пошла в гору и предложения сниматься в разных фильмах посыпались на него со всех сторон. Достаточно сказать, что за первую половину 80-х он снялся в 13 фильмах – больше, чем за все прошлое десятилетие. Назову эти фильмы: «Какие наши годы!» (Толик Кучкаров; 1981), «Право на выстрел» (капитан шхуны Синдо), т/ф «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» (индеец Джо), «Провинциальный роман» (главная роль – Назар Муратов), т/ф «Государственная граница – фильм «Восточный рубеж» (Веселый), «Приказ: перейти границу» (японский смертник), «У кромки поля» (Аскар Темиров), (все – 1982), «Время зимних туманов» (главная роль – Джамал), «Хозяин воды» (Нигмат), (оба – 1983), «Волчья яма» (главная роль – Самат), «Один и без оружия» (Хан), т/ф

«Противостояние» (капитан милиции в Коканде Урузбаев), т/ф «Жизнь и бессмертие Сергея Лазо» (капитан-лейтенант Мацуми).

Тогда же изменилась и личная жизнь Нигматулина – он в третий раз женился. Прожив с Халимой Хасановой чуть больше семи лет (больше всех других женщин), Талгат в 1981 году познакомился с актрисой Венерой Ибрагимовой, с которой в тот год снимался в одном фильме – «Провинциальный роман», где она играла возлюбленную его героя Гулю. По словам Х. Хасановой: «Когда мы расставались с Талгатом, меня душила тоска. Не покидало чувство, что я отдаю его в ненадежные руки. Так и не поняла, почему он связался с сектой, чего ему не хватало. Знаю только, что, когда эти мошенники увидели мою фотографию, они уговорили Талгата расстаться со мной. Я умоляла его сделать выбор, пока он не исковеркал свою жизнь, но напрасно. Я один раз видела этих сектантов. Они поразили меня своей убогостью, ущербностью. Талгат среди них был как ясное солнце...»

14 мая 1983 году у Талгата и Венеры родилась дочь Линда, названная так не случайно: так звали жену Брюса Ли, которого боготворил Нигматулин, а также жену знаменитого Битла Пола Маккартни, творчество которого боготворила Венера.

С ней Нигматулин снялся потом еще в одном фильме – в «Волчьей яме», где ей досталась роль сестры Самата, которого опять же играл Нигматулин. Этот фильм стал для него поистине пророческим. В нем речь шла о честном парне, который погибал по вине человека-оборотня по имени Бабахан, которого он любил и которому всецело доверял. Роль Бабахана исполнял известный казахский актер Кененбай Кожобеков. Таким образом, за полтора года до съемок Нигматулин, по сути, отрепетировал собственную смерть. Только в реальной жизни «волчьей ямой» для него станет вильнюсская квартира одного художника, где его забьют до смерти по приказу духовного наставника – опять же мужчины-Дракона, которому он безгранично верил. Люди до сих пор гадают, почему этот человек, будучи чемпионом Узбекистана по карате, даже пальцем не пошевелил, чтобы защитить себя от гибели. Однако расскажем обо всем по порядку.

В 1981 году желание Нигматулина снять фильм о двух своих новых друзьях – Абае и Мирзе – воплотилось в жизнь: на «Казахфильме» им был снят дипломный (для Высших сценарных курсов) десятиминутный документальный фильм «Эхо». О том, как

шли его съемки, вспоминает очевидец – ассистентка режиссера: «На главные роли Талгат пригласил двух непрофессиональных актеров, которые, как он считал, являются людьми необычными – наделенными мощным биополем. Вскоре они приехали. Это были Абай Борубаев и Мирза Кымбатбаев. Узнав, что в фильме снимаются «супермены», вся группа сбежалась на них посмотреть. Однако ничего примечательного ни в них, ни в их поведении не было. Работали они просто плохо, репетировать не хотели: «Не нравится? Мы уезжаем!» Отказывались от дублей.

Тем не менее Талгат относился к обоим с удивительным тактом, если не сказать с обожанием. Было даже стыдно смотреть, как режиссер унижается перед ними. Абай и Мирза очень скоро раскрыли свои «идейные» позиции, которые сводились к следующему: «Долой стыд! Свободу половых отношений! Ни совести, ни морали!» При этом они ссылались на какие-то философские учения. Первыми садились к столу, могли все съесть сами. Талгат называл их «людьми космоса» и «святыми», в действительности они были распущенны, грубы, неопрятны. Особенно Мирза. Говорил по-русски мало. В основном: «Дай рубль...» Абай учил: «Надо жить, как хочется, делай, что хочешь».

Талгат их содержал, даже повздорил из-за них с женой. Он говорил, что они помогают ему и ей освободиться от комплексов, стать полноценными людьми. Абай, мне казалось, издевался над Нигматулиным, делал все, чтобы вывести его из себя, и, как я считаю, глубоко завидовал его актерской известности, положению постановщика. Когда я говорила об этом Талгату, он не соглашался, сказал, что Абай помогает ему стать волевым, сильным, содействует его творческому росту.

Надо сказать, что Нигматулин не был удовлетворен своей прошлой работой в кино, когда его считали нетипажным для местного кино и он годами находился в простое или снимался в ролях простых, одноплановых, требовавших в основном его мастерства каратиста, чемпиона республики. С помощью Абая и Мирзы Талгат как режиссер хотел сделать тонкую психологическую картину, но не получилось. Абай и Мирза жили за его счет, пьянствовали, делали циничные предложения женщинам, появлялись на съемке нагишом. Если бы не

отношение к ним Талгата, их давно бы посадили. А здесь относились к ним как к безобидным дурачкам...»

Прочитав эти воспоминания, редкий человек не удивится поведению Нигматулина. И в самом деле: какое удовольствие он находил в общении с двумя этими людьми, которые вели себя с ним (да и с другими тоже) как обнаглевшие и зажавшиеся баи. Есть все-таки в этом какая-то тайная патология, которая постороннему взору непонятна. Может быть, таким образом Нигматулин изживал те комплексы, которые тянулись за ним из глубокого детства, когда сверстники издевались над ним и унижали? Или это была та самая борьба с самим собой, о которой говорится в характеристике людей, рожденных 5 марта? Вспомним: «В своем общении с миром эти люди оказываются честными, доброжелательными, вежливыми и образованными, тогда как внутри ведут постоянную борьбу с самими собой. Их отличительное качество в том, что им удается усиливать как положительные, так и отрицательные качества окружающих...».

А ведь это похоже на то, что было в отношениях Талгата и Абая: своим потворствованием последнему актер только разжигал в нем огонь тщеславия. Как написал журналист И. Гамаюнов:

«Но одна часто повторявшаяся подробность портрета «Учителю» настроение: поклонники Абая просили у Талгата автографы: Талгатом откровенно любовались – он был высок, красив, лицо открытое, не скупился на улыбку. Это раздражало Абая... Когда Талгат показывал десятиминутный фильм, в котором были сняты Абай и Мирза, случился казус: после демонстрации фильма поклонники Абая стали поздравлять не «Учителя», а Талгата – с режиссерской удачей. Его окружили, ему говорили хорошие слова. Абай же молча стоял в стороне. Не в эту ли минуту чужая слава заслонила ему свет, уязвив его самолюбие?..»

В 1984 году на экраны страны вышли два последних фильма с участием Нигматулина, премьеры которых он застал живым: «Волчья яма» (апрель) и «Один и без оружия» (октябрь). Про роль в первом мы уже упоминали, а вот в последнем он снова играл супермена – красноармейца Хана, который мастерски владеет приемами карате и проникает в банду уголовников с целью ее разоблачения. Глядя на него в этой роли, никто не мог себе представить, что через каких-нибудь

пять месяцев этого супермена забьют до смерти его же коллеги-каратисты, а он даже пальцем не пошевелит, чтобы защититься.

Заметим, что к тому времени карате в СССР из легального вида спорта превратилось в запрещенный. На наиболее авторитетных каратистов, таких, как А. Штурмин, В. Гусев, В. Илларионов, были заведены уголовные дела. Высшей точкой в этой репрессивной кампании стал май 1984 года, когда приказом Спорткомитета СССР карате было запрещено на всей территории Советского Союза как «не имеющий отношения к спорту рукопашный бой, культивирующий жестокость и насилие». Статья 219 УК РСФСР (такие же статьи появились и в Уголовных кодексах всех союзных республик) устанавливала, что за обучение приемам карате после применения административного взыскания виновные наказываются лишением свободы на срок до 2 лет или штрафом до 300 рублей, а при наличии корыстной заинтересованности – штрафом до 500 рублей. Если же эти действия совершило лицо, ранее судимое за незаконное занятие карате, либо обучение было связано с получением материальной выгоды в значительных размерах, то виновный наказывался лишением свободы на срок до 5 лет с конфискацией имущества либо без конфискации.

И все же, несмотря на столь суровые меры, карате в стране продолжало существовать и развиваться. Как и в других подобных случаях, репрессивные меры государства не ликвидировали проблему, а лишь загнали ее внутрь, в подполье. Секции карате продолжали существовать, прикрываясь вывесками дзюдо, общей физической подготовки и даже... аэробики. Однако и положительный эффект тоже имелся: многие люди, до этого участвовавшие в деятельности различных групп, занимающихся карате и изучением восточной философии, стали оттуда уходить. Такая же история произошла и с группой Абая – Мирзы: несколько их сподвижников из Вильнюса решили выйти из группы. Это грозило расколом, а также оскудением денежных вливаний (на тот момент у одного только Мирзы было 30 (!) сберкнижек, на каждой из которых лежало по 1 тысяче рублей).

В начале февраля 1985 года Абай отправился в Вильнюс. Поехал один, поскольку надеялся на то, что ему в одиночку удастся уладить проблему. Но на месте он понял – в одиночку не справиться, поскольку «раскольщики» отказались с ним встречаться. После этого он вызвал Мирзу, рассчитывая, что его авторитет поможет делу. Но и этот приезд

не помог (Мирза приехал в Вильнюс не один, а привез с собой и свою... слепую мать). Тогда Абай решил применить силу и вызвал в Вильнюс своих «нукеров»-каратистов: Пестрецова, Седова, Бушмакина. К ним также должен был присоединиться и Нигматулин, который из Вильнюса собирался заехать в Кишинев, где ему предстояло доснять в телефильме «Жизнь и бессмертие Сергея Лазо». Отметим, что в день отлета Нигматулин опоздал на самолет и вполне мог не прилететь. Но когда летчикам сообщили, что на рейс опаздывает сам Салех из «Пиратов XX века», они согласились его подождать. Так Нигматулин оказался в Вильнюсе.

Прибыв в столицу Литовской ССР, вновь прибывшие остановились на квартире художника Андриуса на улице Ленина, дом 49. Отсюда пошли по адресам, требуя объяснений от «раскольников» их «предательских» действий. У одного «отступника» они отобрали 200 рублей, у другого – джинсы, третьему поломали мебель.

Нигматулин пытался как-то успокоить своих разгоряченных товарищей, но те его не слушали. Более того, стали и его называть предателем. Во время посещения квартиры одного из «раскольников» Абай и его ученики устроили в доме драку. Нигматулин был единственным, кто не бил хозяина дома. Когда все они вышли на улицу, жена хозяина квартиры решила разъединить Нигматулина с его товарищами, схватила с его головы шапку и убежала. Нигматулин пошел ее искать и разминулся с Абаем. Это стало последней каплей, что переполнила чашу терпения «Учителя», который давно завидовал славе Нигматулина. Когда за месяц до этого в журнале «Советский экран» вышла большая статья про актера, а на обложке красовался его портрет, Абай был вне себя от зависти. Но тогда он сдержался. Теперь же вся его злость и ревность вышли наружу.

Когда Абай со своими учениками вернулся на квартиру на улице Ленина, Нигматулин был уже там. Не снимая пальто, Абай прошел в комнату и, указав на Талгата, приказал: «Бейте этого предателя». Обкуренные ученики (в секте весьма широкое хождение имели наркотики) набросились на артиста. Удары сыпались один за другим. «За что?» – успел только спросить он, прикрываясь руками. Бьющих было трое, и Нигматулин, чемпион Узбекистана по карате, мог бы легко разделаться с ними без посторонней помощи. Но приказ отдал его учитель, послушаться которого Нигматулин не смел. Он думал, все

это продлится недолго, учитель одернет своих учеников, как только увидит, что Нигматулин смирился. Однако конца побоищу видно не было. Вошедшие во вкус истязатели наносили удары все сильнее и изощреннее. Бил Нигматулина и его учитель – Абай. Как рассказал на суде один из истязателей: «Талгат лежал на полу, не защищался. Абай разбежался и ударил. Как по мячу. Будто пробил пенальти. И тут все поняли – все. Это убийство!..»

Избиение Нигматулина продолжалось с двух часов ночи до десяти утра с небольшими перерывами. Соседи, которые слышали крики убийц и стоны жертвы, несколько раз звонили и стучали в дверь квартиры художника, требуя прекратить безобразие. Когда это не помогло, вызвали милицию. Наряд прибыл оперативно в 1 час 20 минут ночи и застал в квартире разгоряченных молодых людей. На вопрос «Что здесь происходит?» хозяйка ответила, что отмечается защита диссертации ее мужа, что молодые люди повздорили, но теперь уже помирились. После этих слов «повздорившие» мужчины демонстративно пожали друг другу руки.

Милиционеры обошли квартиру и ничего подозрительного не обнаружили. Между тем Нигматулин заперся в ванной и молчал, надеясь в дальнейшем на снисхождение своего учителя. Пробыв в доме еще несколько минут, милиционеры уехали. А избиение возобновилось с новой силой. В итоге от этих побоев Талгат Нигматулин скончался. Его предсмертная агония длилась около часа.

Поняв, что произошло непоправимое, хозяева квартиры бросились заметать следы: замыли все кровавые пятна на полу и обоях. Пытались они и оживить Нигматулина, делая ему искусственное дыхание и массаж сердца. Но все было напрасно: актер хотя и был еще жив, но на все попытки привести его в сознание не реагировал. Тогда хозяева позвонили своему знакомому доктору, надеясь, что, быть может, он поможет. Но и тот лишь развел руками. И предложил вызвать «Скорую помощь».

13 февраля 1985 года в 13 часов 22 минуты на Вильнюсскую станцию «Скорой помощи» поступило сообщение о том, что на улице Ленина умер человек. Прибывшие по вызову врачи констатировали смерть от множественных побоев. У Нигматулина на теле обнаружили 119 повреждений, из них 22 – в области головы. У пострадавшего были сломаны четыре ребра с правой стороны груди, сломан нос,

произошло кровоизлияние под мягкую оболочку мозга и желудочка с последующим развитием травматического шока. Хозяйка квартиры объяснила все просто: знакомого на улице избили хулиганы, он с трудом добрался до их дома и здесь скончался. Преступники еще лелеяли надежду, что все для них обойдется. Но даже врач, выслушавший эту версию, тут же в ней усомнился: ведь в подъезде не было ни единой капли крови. Всех вскоре арестовали.

Когда весть о гибели популярного киноактера распространилась по стране, большинство людей терзал только один вопрос: почему Нигматулин не сопротивлялся? Ведь он был профессиональным каратистом и вполне мог за себя постоять. Но вместо этого предпочел умереть. Ссылки на то, что актер находился в плену своего обожания руководителя секты, казались слишком невероятными. Может быть, дело было в чем-то другом? Знаменитый рукопашник Тадеуш Касьянов (он снимался с Нигматулиным в «Пиратах XX века» – играл боцмана) высказал следующую версию. Цитирую:

«Талгат умер из-за наркотиков. Когда снимался фильм «Пираты XX века», его брат получил за наркотики лет 12. Поэтому Талгат постоянно отсылал ему деньги, а потом и сам присел на наркотики. А убили его в Вильнюсе за то, что он не рассчитался. Убивали его чемпион Москвы по карате и еще трое отморожков. Талгат сидел обкуренный в кресле, а они его по голове ногами долбили... Так он по-дурацки погиб...»

Поскольку тело Нигматулина было изуродовано до неузнаваемости, родные актера приняли решение не показывать его на похоронах – кремировали тело. Захоронение прошло на ташкентском кладбище Чиланзор-ота.

Суд над убийцами состоялся спустя год после трагедии. Он не стал искать в элементарной уголовщине политического подтекста и воздал каждому по заслугам. Абай Борубаев получил 15 лет тюрьмы строгого режима; Мирза Кымбатбаев – 12 лет; Владимир Пестрецов – 13 лет. Получили свое и остальные участники преступления. В адрес правления Союза писателей СССР, влиятельные члены которого в свое время весьма лестно характеризовали Мирзу и Абая, суд вынес частное определение.

На сегодняшний день главные фигуранты того нашумевшего дела уже отошли в мир иной: Абай скончался в тюрьме от туберкулеза, а

Мирза умер спустя несколько лет после освобождения.

Тайна озера Цейтнерзее

Дин Рид

Знаменитый американский певец и борец за мир Дин Рид погиб летом 1986 года. Долгие годы западная пропаганда выдавала эту гибель за происки восточногерманской спецслужбы «Штази»: якобы та убила певца, после чего представила эту гибель как самоубийство. Знаменитый голливудский актер Том Хэнкс на основе этой версии даже собирался снимать байопик (биографический фильм) о Дине Риде. Но затем в Германии широкой общественности было явлено предсмертное письмо Дина, которое тут же развеяло западную версию о гибели певца. И люди узнали новые подробности о последних годах жизни знаменитого американца.

Как известно, более двух десятков лет Дин Рид был другом СССР, хотя до этого, казалось бы, ничто не предвещало такой дружбы. Более того, в конце 50-х Дин был типичным американцем: как и большинство его соотечественников, он считал Советский Союз самой несвободной и отсталой страной в мире, где по улицам городов бродят дикие медведи (американская пресса писала об этом на полном серьезе). Но затем у Дина стали шире открываться глаза на мир, чему способствовала его активная гастрольная жизнь: он имел возможность воочию наблюдать жизнь людей в разных странах.

Примерно до середины 60-х Дин по инерции продолжал нести в себе многие из тех взглядов относительно советского режима, которые были привиты ему его отцом-антикоммунистом и родной пропагандой. По его же словам, «я предпочитал называть себя как угодно: идеалистом, гуманистом, пацифистом и даже социалистом, но только не коммунистом». Подлинный переворот в сознании Дина произошел в 1965 году, когда после конгресса в Финляндии он наконец впервые очутился в СССР. И вблизи увидел социалистическую модель в действии. И хотя у этой модели были свои недостатки, однако достоинств оказалось куда больше, и именно они произвели настоящий переворот в сознании Дина. Эти впечатления окончательно утвердились в нем спустя год, когда он пробыл в СССР на гастролях больше месяца и посетил не только Москву, но и другие города Союза.

С этого момента Дин, что называется, прикипел к родине социализма душой и сердцем бесповоротно. Сравнивая жизнь в СССР с жизнью в других странах, он пришел к мнению, что она достаточно свободна, обеспеченна и безопасна. С этого момента певец уже не стеснялся называть себя другом и сторонником коммунистов. После чего к армии его поклонников, разбросанных по всему миру, приплюсовались и миллионы советских людей.

Активное включение Дина Рида в культурную и идеологическую парадигму советской политики началось в 1970 году. Именно тогда в СССР были выпущены четыре диска-миньона певца и первый диск-гигант, а также он становится делегатом двух важных политических мероприятий: участвует в конференции сторонников мира в Стокгольме (март) и пленуме Всемирного совета мира в Москве (апрель). Чуть позже (поздней осенью) он пишет открытое письмо А. Солженицыну, где подвергает его резкой критике за антисоветские взгляды, в которых писатель рисует СССР не иначе как тюрьму народов, да еще пронизанную ненавистью. Дин был искренне возмущен подобными взглядами, хотя и не был советским гражданином. Однако за пять последних лет он дважды побывал в СССР (дал гастроли в восьми республиках Союза) и воочию видел жизнь советских людей. И жизнь эта, по его мнению, не была похожа на тюрьму.

Более полутора десятка лет Дин был активным сторонником СССР. Проживая с 1973 года в ГДР, он постоянно участвовал в разного рода политических акциях на стороне Восточного блока, да и концерты его носили все тот же заряд – антикапиталистический. Однако уже в первой половине 80-х слава Дина Рида в Восточном блоке начала претерпевать существенные изменения. Если в начале 70-х, на волне «доктрины Брежнева» (защита социалистических ценностей любыми способами, в том числе и силовыми), он воспринимался миллионами людей как верный союзник в борьбе социализма с Западом, то десятилетие спустя ситуация была другой. К тому времени в жизнь вступило новое поколение людей, воспитанных *разрядкой* с ее чуть ли не откровенным пресмыкательством перед Западом. В итоге последний ими воспринимается уже не как враг, а как друг и союзник.

Самого Дина все сильнее волновали проблемы молодежи, причем не только советской, но и восточногерманской. Он видел, что это поколение, выросшее в тепличных условиях, все сильнее дрейфует в сторону Запада и не видит в этом дрейфе ничего страшного. В этом явлении не было бы ничего предосудительного, если бы молодежью не двигало исключительно голое потребительство, лишенное всяческих идеологических подпорок. Свое беспокойство происходящим Дин выразил в одном из интервью – «Комсомольской правде» в октябре 1983-го. Приведу из него небольшой отрывок:

«Уважение к себе начинается с ответа на вечный, мучительный вопрос – для чего живу? Для чего рожден? Чтобы ездить на собственной машине? Носить джинсы? И только?..

Далеко не все плохо, что приходит из Америки. Ведь только одни джинсы, только одна рок-музыка не могут быть «врагами», опасными сами по себе. И то и другое – приметы времени.

Но совершенно иное дело, когда «американская облатка» – в джинсовой или джазовой упаковке – становится самоцелью. Тогда за океаном ловцы душ хлопают в ладоши: к сонму приверженцев американской мечты прибавляется еще одна душонка. «Мой домик, моя машина, мое дело...» Страшно, когда, став рабом вещей, накопительства, человек забывает о том, что действительно важно.

А важно проснуться утром и иметь возможность пойти в школу. Или на работу. Или лечь в больницу, не думая о том, что твоя семья вынуждена из-за этого отказывать себе в куске хлеба. К сожалению, только потеряв все это, кое-кто понимает, какая, в сущности, разница – ушел ли ты на работу в джинсах или брюках. Важно, что ты чувствовал себя Человеком».

Отметим, что подписание в 1975 году в Хельсинки документов из так называемой «третьей корзины» (обмен культурной, научной информацией) явилось улицей с односторонним движением: «зеленый свет» на ней зажигал исключительно Восточный блок. Проникновение той же западной культуры туда было куда более масштабным, чем в страны Запада культуры восточной. Поэтому в США только один (!) раз – в 1974 году – был зарегистрирован наивысший процент американцев, благосклонно относящихся к русским за все время «холодной войны» (1945–1991) – 45 %. Все остальные годы этот процент был значительно ниже. В СССР симпатии людей к США

всегда были выше, а с началом *разрядки* они только усилились. Это было не случайно, а вытекало из той идеологической политики, которая проводилась в обеих странах: если американские СМИ по-прежнему работали в режиме антисоветского нон-стопа (причем черной краской рисовалось не только руководство СССР, но и весь советский народ, что по сути было чистой русофобией), то в советских СМИ знак равенства между американским народом и властью никогда не ставился. Причем так было даже во время жесткой конфронтации между двумя сверхдержавами в первой половине 80-х.

Отсюда росли ноги и полной неосведомленности американцев о жизни и деятельности их земляка – Дина Рида. В свое время советские либералы любили «поддеть» певца тем, что на его родине о нем никому ничего неизвестно. Но потому и не было известно, что перед его именем был воздвигнут такой же мощный «железный занавес», как и перед советским искусством, литературой, наукой. Отметим следующий факт: в то время как советское правительство усиленно раскручивало американца Дина Рида, который клеймил американское правительство и превозносил американский народ, в США на щит был вознесен Александр Солженицын, который в своих гневных филиппиках не делал никаких различий между руководством СССР и советским народом. В этом было главное различие двух пропаганд. Как мы теперь знаем, победила вторая: более бесцеремонная и антигуманная.

Американская идеологическая машина действовала более цинично, чем советская: ничего позитивного о СССР и Восточном блоке она своим гражданам не рассказывала (речь идет о широкой пропаганде, а не локальной). В итоге в середине 80-х большинство американцев, как и их предшественники, продолжали считать советских людей варварами, далекими от цивилизации и опасными для всего прогрессивного человечества (как показали последние события в Южной Осетии, таковыми их взгляды остаются и поныне). Тот же Голливуд работал именно в этом направлении: в начале 80-х там появился фильм «Красный рассвет», в середине 80-х – телесериал «Америка». В обоих на полном серьезе демонстрировалось, как «русские варвары» оккупируют Америку и устраивают там настоящий геноцид американцев.

Возвращаясь к отношению советских либералов к Дину Риду, отметим, что их утверждение о том, что тот был всячески обласкан советскими властями и буквально «не вылезал из СССР», является преувеличением. Так, за 20 лет (1966–1986) Дин давал широкомасштабные гастроли по СССР всего семь раз (1966, 1971, 1972 – дважды, 1975, 1981, 1982). В последние четыре года жизни Дина Госконцерт СССР больше не устраивал его крупных гастролей по стране, что, видимо, было не случайно: заполонившие к тому времени властные структуры *западники* явно не хотели видеть борца за мир Дина Рида у себя на родине слишком длительное время.

То же самое и с наградами – от советских властей у Дина их было всего две, причем не самые высокие: медаль «Борцу за мир» от Советского комитета защиты мира (1978) и премия Ленинского комсомола (1979). К этому добавим, что Дин ни разу не удостоился встречи ни с одним из высших руководителей СССР, в том числе и с Л. Брежневым (хотя последний находил время для встреч с такими американцами, как миллионер Арманд Хаммер или боксер Мухаммед Али).

О своих взаимоотношениях с Кремлем сам Дин однажды заявил следующее: «Некоторые говорят, что я марионетка Кремля. Я не согласен с этим. На меня нападают со всех сторон, но у меня есть что ответить на все выпады в мой адрес. Я принадлежу только себе и прислушиваюсь к голосу своей совести. Я следую своим собственным убеждениям, а не партийной линии или каким-либо другим правилам, которые шли от отца, от церкви или от любого правительства».

В марте 1985 года к власти в СССР приходит Михаил Горбачев. Его воцарение было итогом сговора западных неоконсерваторов и той части высшей советской политической элиты («голубей»), которая готова была «лечь под Запад» ради собственного вхождения в мировую капиталистическую элиту. О народе никто не думал, поскольку ему отводилась та же роль, что и любому другому – роль «козла на поводке».

В середине сентября того же 1985-го Дин в очередной раз отправился в Москву. Целью этой поездки было обсуждение с советской стороной последних формальностей, связанных с фильмом «Окровавленное сердце». Основой для него послужили реальные события 1973 года, когда доведенные до отчаяния индейцы племени

сиу захватывали Управление по делам индейцев в поселке Вундед-Ни и в течение месяца героически его обороняли. Видя это упорство, американское правительство в итоге согласилось выполнить большинство требований индейцев. Однако после того, как те сдались, правительство тут же обрушило секиру возмездия на главарей бунта: все они были арестованы и надолго упрятаны за решетку. Таким образом, по мысли Дина, это было кино из разряда обличительных, которое ставило целью показать коварную суть американской власти. То есть, выступая за снижение градуса напряженности в отношениях СССР и США, Дин в то же время пытался показать, что главные противоречия между двумя сверхдержавами сглажены быть не могут, причем по вине его родины – Америки, где власть представляет из себя достаточно циничную и хищническую систему, готовую в любой момент «кинуть» партнера по общей сделке (что, собственно, и произошло с СССР, а также происходит сегодня и с Россией).

Была у Дина и личная причина для приезда: он хотел встретиться со своей русской возлюбленной – танцовщицей Радой, отношения с которой у него завязались некоторое время назад и отныне стали занимать в его сердце все больше места. Хотя все, кто наблюдал этот роман со стороны, были уверены, что в этом тандеме Рада выступает как активная сторона, а Дин всего лишь пользуется удобным случаем.

Свой 47-й день рождения, 22 сентября 1985 года, Дин отметил в Москве в кругу своих друзей. Среди них были его сорежиссер по фильму «Окровавленное сердце» Гюнтер Райш, корреспондент журнала «Советский экран» Феликс Андреев и др.

Ф. Андреев вспоминает: «За праздничным столом шла беседа о будущем фильме. Вместе с нами здесь были представители двух киностудий: Рижской и «ДЕФА», где планировалось создание этой совместной ленты. Разговор приобретал все более деловой характер: назывались конкретные места будущих съемок, предлагались имена актеров – исполнителей ролей будущего фильма. (Было ясно, что в главных ролях снимаются Дин и Рената Блюме-Рид.)

Все это дало повод видному кинорежиссеру ГДР Гюнтеру Райшу, сопостановщику картины, подняться с места и шутливо предложить перейти ко второму пункту повестки дня – чествованию именинника...»

Вернувшись в ГДР, Дин пробыл дома чуть больше двух недель, после чего вновь сорвался с насиженного места: вместе с американским режиссером-документалистом Уиллом Робертсом отправился к себе на родину, в США, чтобы показать на фестивале документального кино, который проходил в его родном городе Денвере, их совместный документальный фильм «Американский бунтарь», который был посвящен... Дину Риду.

Идея этой ленты родилась еще летом 1979 года, когда Робертс познакомился с Дином на Международном московском кинофестивале. Потрясенный историей жизни Дина, Робертс так увлекся идеей этого фильма, что буквально поставил на кон все: когда ни одна из американских киностудий не согласилась финансировать эту картину, он продал два своих автомобиля, заложил собственный дом. На этой почве у него начались серьезные проблемы с женой, однако Робертс не оставил начатое дело и все-таки довел его до конца. Фильм снимался почти пять лет, уместился в 93 минуты экранного времени и «сожрал» 350 тысяч долларов. Его продюсерами выступили помимо самого Уилла Робертса Анита Д. Донахью и Кристин Рат (он же был одним из операторов картины). Музыка к фильму написал сам Дин Рид.

Дин ехал в США, переполненный самыми радужными надеждами (поездка была рассчитана на 5 недель). Он не был на родине несколько лет (с 1978 года), а по родному Денверу его ноги в последний раз ступали и вовсе 25 лет (!) назад. В последние годы, особенно когда Дин работал над сценарием фильма «Окровавленное сердце», он все чаще мысленно возвращался на свою родину, вспоминал леса и горы Колорадо, грезил его озерами. Несмотря на то что в ГДР он жил в местечке, природа которого напоминала его родные места, однако полностью заменить ему родину оно, конечно же, не могло. И вообще он стал все чаще ловить себя на мысли, что тяготится своей жизнью в ГДР.

Нет, он не стал хуже думать об этой стране и ее людях, но вдруг осознал, что настоящая родина для него все-таки там, в Америке. Это по молодости он готов был жить где угодно, с калейдоскопической быстротой менял новые страны и континенты, но теперь, на пороге своего 50-летия, вдруг понял, что все мысли и помыслы его неизменно возвращаются в одно место – в Колорадо. Там жили оба его брата, там похоронен его отец, там прошли его детство и юность. Поэтому,

отправляясь на родину, Дин был буквально переполнен мечтами о встречах с родными его сердцу местами и друзьями, которых он не видел много лет. Знай он, чем в итоге закончится эта поездка, вполне вероятно, отложил бы ее до лучших времен. Хотя вряд ли: ведь это была еще и рабочая поездка – на фестиваль документального кино, сроки которого перенести было нельзя. Вот и выходит, что все было predetermined заранее.

Дин прилетел в Денвер 16 октября. Судя по фотографии, запечатлевшей его спускающимся по трапу и широко улыбающимся, настроение у него в эти минуты было прекрасное. Что неудивительно: в аэропорту его встречали не только журналисты, но и друзья, среди которых была и его бывшая одноклассница Дикси Ллойд Шнеблоу. К тому же он был уверен, что после прихода к власти в СССР Михаила Горбачева та волна антисоветизма, которая в последние несколько лет захлестнула Америку, постепенно сойдет на нет и ей на смену придет более реалистичный взгляд на советско-американские отношения. Тем более что именно в эти дни (9—20 октября) в Женеве проходили переговоры Михаила Горбачева и Рональда Рейгана, которые были своего рода сенсацией: ведь до этого президент США стоически игнорировал любые контакты с руководителями СССР.

Все это указывало на то, что в советско-американских отношениях может наступить потепление, которое Дин всячески приветствовал. И появление накануне его приезда на родину пусть в одной из самых молодых, но уже самых читабельных газет Америки «Ю-эс-эй тудей» (газета была создана для телевизионного поколения и для удобства путешественников) большой статьи о нем, выдержанной в положительном ключе, могло сигнализировать об одном: что родина сделала первый шаг к тому, чтобы перестать считать его предателем. Но Дин ошибся.

Денвер всегда считался одним из оплотов правой Америки: там была очень сильная организация неонацистов, издавался известный милитаристский журнал «Солджер оф форчун» («Солдат удачи»). Именно в Денвере за год до этого неонацистами был убит радиоведущий Аллен Берг, который проповедовал левые взгляды (именно в дни пребывания Дина в Денвере там начался суд над убийцами). Вот почему, когда Дин ступил на землю Денвера, первое, что сделал губернатор штата Колорадо Ламб, который принял Дина в

своей резиденции, – выделил ему нескольких телохранителей. Однако от звонков с угрозами эти люди Дина оградить не могли: таковых в день ему поступало до нескольких десятков. Так что те радужные мечты, которые он лелеял в ГДР, были вдребезги разбиты в первые же часы пребывания в родном городе. И хотя, отправляясь в путешествие, Дин, конечно, держал в запасе и такой вариант развития событий, однако втайне все-таки надеялся, что это не выльется в столь ожесточенные формы. Особенно это ожесточение проявилось во время посещения Дином денверской радиостудии KNUS 17 октября.

Этот визит закончился большим скандалом. Причем спровоцирован он был не Дином, а самим ведущим радиопередачи Петером Бойлесом. Дина еще не было в студии (он еще шел по коридорам радиостанции), когда ведущий включил свой микрофон и взялся представлять радиослушателям будущего гостя. Представил он его весьма своеобразно: «Сегодня у нас в гостях – предатель Америки Дин Рид». Даже если учитывать, что многие американцы именно таковым и считали Дина Рида, однако это не давало права ведущему так его представлять – ведь существуют же нормы цивилизованного общества. Но ведущий попросту наплевал на эти нормы и весь свой разговор с Дином построил именно на этом – на оскорблениях.

Не успел Дин удобно расположиться в кресле, как вопросы, один провокационнее другого, посыпались на него как из рога изобилия. Например, ведущий его спросил: «Почему вы защищаете Советский Союз, когда именно его солдаты в эти самые минуты убивают мирных граждан в Афганистане?» Дин стал объяснять, что советские солдаты убивают в Афганистане не мирных граждан, а моджахедов, которые борются против законного правительства, причем на деньги, которые поступают из США. Ведущий в ответ грубо прервал его, заявив: «Никто не доказал, что эти деньги американские».

После этого с темы Афганистана разговор плавно перешел на тему Польши. «Польский народ хочет жить свободно, а Советский Союз сконцентрировал на границах Польши огромное войско и с помощью этой силы заставляет поляков жить в нелюбимом для них социализме. Почему вы защищаете Кремль и в этом случае?» Дин ответил: «В Польше действует военное положение, которое ввел генерал Ярузельский. Но даже если Кремль отстаивает социализм в Польше, то он имеет на это право, поскольку за построение этого

социализма в Польше он воевал с фашизмом, пожертвовав жизнями сотен тысяч своих солдат. А вот ради чего США вторглись на остров Гренада и свергли там законное правительство?»

Короче, в тот вечер Дину пришлось весьма несладко. Особенно ситуация накалилась, когда в студию стали звонить радиослушатели. Большинство из них были возмущены не поведением ведущего, а позицией Дина. «Убирайся в свою Москву!» и «Вон из нашего города, коммунист!» – такими были требования звонивших. Ведущий злорадно потирал руки и, чувствуя за собой поддержку слушателей, уже отбросил всяческие нормы приличия и стал забрасывать гостя откровенно провокационными вопросами. После одного из них Дин не сдержался и сказал: «Вы рассуждаете, как те неонацисты, которые убили Аллена Берга». После этих слов ведущий побагровел, вскочил со своего места и, выбив микрофон из рук Дина, закричал: «Пошел вон отсюда, комми!» («Комми» – ругательное слово по отношению к коммунистам.)

В течение нескольких секунд Дин пребывал в оцепенении, поскольку за всю его жизнь с ним ничего подобного еще не происходило. Побывав в более чем трех десятках стран, он раздал сотни интервью самым различным газетам, телевизионным и радиокомпаниям, но ни разу с ним не обходились столь по-хамски. И вот теперь его оскорбили самым бесцеремонным образом, и не где-нибудь, а в его родном городе. Был момент, когда Дин готов был наброситься на распоясавшегося ведущего с кулаками и наверняка бы одержал верх над своим визави, который выглядел отнюдь не спортивно. Однако Дин нашел в себе силы сдержаться и, поднявшись из кресла, спокойно покинул студию. Двое телохранителей, которые все это время находились в коридоре, немедленно обступили его и через запасной выход вывели из здания радиостанции к поджидавшему их автомобилю.

В тот же день, 17 октября, в денверском Тиволи-центре состоялась премьера фильма «Американский бунтарь». Неонацистские группировки хотели сорвать этот показ и специально пришли к месту демонстрации с оскорбительными транспарантами типа «Ты не американский бунтарь – ты американский предатель». Однако премьера все равно состоялась, хотя настроение у Дина было уже испорчено. Вся эта вакханалия здорово ударила по его нервам,

поскольку ничего подобного с ним до этого еще не происходило. И хотя он был достаточно закален многолетними преследованиями и нападками во многих странах мира, но когда это случилось в его родном доме, это выбило Дина из колеи. Он сильно переживал происходящее, хотя внешне и старался этого не показывать.

После Денвера путь Дина и Робертса пролег в Миннеаполис и Огайо, где тоже состоялся показ «Американского бунтаря». Весь сбор от этих показов Дин направил в фонд организации, которая боролась против концерна, выпускающего системы управления для американских ракет «Першинг-2». Вот почему официальные власти приняли фильм в штыки: на него почти не было положительных откликов в газетах, а прокатчики все как один отказались от его покупки. «Крутите свое кино коммунистам», – заявили они.

Дина это, конечно, сильно задело, и в эти минуты он еще сильнее проникся желанием начать снимать картину про Вундед-Ни. В Миннеаполисе он специально встретился с руководителями Движения американских индейцев Клайдом Беллкартом и его братом Верном. Рассказав им о своем будущем фильме, Дин попросил у братьев, чтобы те выступили в нем в качестве консультантов. Братья согласились практически сразу, поскольку давно мечтали о подобной картине, но в Америке снять ее было невозможно. Ситуация изменится в лучшую сторону только в начале 90-х, когда после оscarоносного фильма Кевина Костнера «Танцы с волками» в Голливуде начнется индеаномания и будет снята лента про события в Вундед-Ни-73. Однако Дина в живых тогда уже не будет.

Братья Беллкарты дали слово Дину, что на съемки в ГДР от Движения индейцев приедет целая семья, все члены которой участвовали в событиях в Вундед-Ни. Кроме этого, они помогли Дину закупить для фильма индейской одежды на 5 тысяч долларов. Так что назвать поездку Дина на родину неудачной было нельзя. Хотя горький осадок после посещения Денвера у него, конечно, остался. Но Дин постарался сделать все возможное, чтобы его друзья об этих его чувствах ничего не узнали. И в своем письме Дикси Ллойд Шнеблоу, которое он написал в аэропорту Джона Кеннеди перед отлетом в ГДР, певец признался в следующем: «Я провел 5 недель на моей родине, на сей раз больше, чем в любое другое время в течение прошлых 25 лет. Поездка была самой счастливой поездкой, которую я когда-либо

совершал в Америку. Я снова видел мои родные синие небеса, и моя «батарея» как будто зарядилась заново. Я видел мои горы и вспомнил детские годы. Я видел много лиц моей родины: Денвер, Лос-Анджелес, Миннеаполис, Колумб, Нью-Йорк; очень много людей, очень много историй, связанных с прошлым. Но все, чему я верю, должно иметь общее будущее, будущее мира, будущее, где деньги, которые теперь тратятся впустую на вооружение, должны быть потрачены, чтобы облегчить голод и бедность во всем мире. Такой день должен наступить, и я верю, что имею некоторое отношение к наступлению такого дня...»

С началом зимы Дин вновь взял в руки гитару. И 1 декабря выступил в концерте в «Палас дер Републик» в Восточном Берлине. Затем до конца года он дал еще несколько выступлений. А в январе 1986 года он покинул ГДР и отправился в столицу Чехословакии, город Прагу, чтобы на студии звукозаписи «Супрафон» приступить к работе над очередным долгоиграющим диском. Эта поездка стала для Дина знаменательной. Как мы помним, в 1981 году у Дина вышел серьезный конфликт с чиновниками из министерства культуры ЧССР, и с тех пор он перестал приезжать в эту республику. Так продолжалось четыре года, пока наконец обе стороны не пошли друг другу навстречу. К тому времени обида Дина сошла на нет, да и не на кого было уже обижаться, поскольку те люди, с которыми у него вышел конфликт, в минкульте ЧССР уже не работали. Поэтому в Прагу Дин приехал в прекрасном настроении и заряженный на работу. Вот почему, когда давал интервью тамошним журналистам, Дин с радостью сообщил: «Мне кажется, это будет мой лучший диск».

В эту пластинку вошли 12 песен, причем к 8 из них он написал музыку (композитором остальных четырех выступил чехословак Зденек Ритер), а слова написал ко всем. Вот полный список этих произведений: «Old Cowboys never die», «To all the Ones i've loved», «I love me», «Mom's song», «Waiting for a Lady», «Wake up America», «Let me be», «Give me a guitar», «Hey what are you shooting for», «Let me love you», «Hang Together», «American Rebel».

Этот диск Дин записывал не только для распространения в странах Восточного блока, но и собирался издать его у себя на родине в США. Об этом он договорился с Дикси Ллойд Шнеблоу еще осенью прошлого года, когда был с пятидневным визитом в Америке. Он

собирался отослать запись этого диска Дикси с тем, чтобы она использовала эти песни в его пиар-кампании, которая должна была предшествовать гастролям в США осенью 1986 года. Незадолго до отъезда в Прагу, в январе, Дин писал Дикси: «Есть тысячи певцов в Америке, которые моложе меня, лучше выглядят и кто поет лучше меня. Я никогда не буду иметь коммерческого успеха для нормального американца. Я – политический человек и продолжаю быть таким... Я мятежник против несправедливости и эксплуатации. И хочу, чтобы слово «революционер» не воспринималось как ругательство. Двести лет назад люди гордились этим словом. Вот и лично я очень горд, что являюсь американским мятежником и посвятил свою жизнь борьбе против несправедливости везде, где я ее видел...»

Из Праги Дин отправился в Москву, чтобы здесь встретиться с популярным американским телеведущим Майком Уоллесом, который вел на Си-би-эс передачу «60 минут». Идея пригласить в свою передачу именно Дина Рида возникла у Уоллеса не случайно, а была следствием той ситуации, которая сложилась в американо-советских отношениях.

После прихода к власти в СССР Михаила Горбачева и тех односторонних шагов, которые он сделал в отношении США (летом было заявлено о прекращении подземных испытаний ядерного оружия, а осенью советская сторона предложила американцам сократить на 50 % число боезарядов стратегического оружия и понизить их количество у каждой из стран до 6000 единиц), Америка возликовала, расценив эти предложения не как добрую волю Москвы, а как проявление ее слабости, как положительный результат того давления, которое администрация Рейгана оказывала на Кремль в течение пяти последних лет. В итоге даже всегда умеренный в своих американских устремлениях северо-восточный истеблишмент США принял эту точку зрения. А Дин этого не учел, рассчитывая, что уж эта часть США положительно оценит его попытки стать неким мостиком между Восточным блоком и его родиной. Вот почему даже после неудачи в Денвере он все еще продолжал надеяться на чудо и рассчитывал осенью 1986 года устроить свое концертное турне по США. И в качестве пиар-кампании согласился дать большое интервью программе «60 минут».

Но в то время как он рассчитывал предстать в этой акции как победитель (вот, мол, как все обернулось: я призывал к потеплению советско-американских отношений, и оно в итоге произошло), Уоллес преследовал иную цель – сделать из Дина побежденного. Поэтому название передаче о нем он дал весьма определенное и хлесткое – «Перебежчик» (и это в то время, когда между США и СССР уже прошли первые телемосты, и на этом фоне Дина можно было представить в ином качестве: не как отступника и предателя, а, например, как посла мира).

Дин прилетел в Москву 10 февраля. Здесь он встретился с Уоллесом, и они записали часть будущего большого интервью (общая продолжительность 2 часа). Кроме этого, Дин встретился с московскими друзьями, среди которых была и его новая возлюбленная Рада. Встреча с последней продемонстрировала Дину, что девушка совершенно потеряла голову от любви к нему, в то время как он сам толком так и не мог дать точного определения своим чувствам: то ли это тоже была любовь, то ли мимолетное увлечение. Скорее всего последнее, поскольку явилось прямым следствием того ухудшения отношений, которое произошло у Дина и Ренаты в последнее время. И Рада стала именно той отдушиной, которая помогала Дину хоть как-то держаться на плаву и не впадать в окончательную депрессию. Ведь если раньше он переносил свои нелады в личной жизни более спокойно, то после сорока все изменилось и спокойствие сменилось истерикой.

После интервью в Москве Майк Уоллес приехал в Восточный Берлин, чтобы снять последнюю часть этого двухчасового материала непосредственно в доме Дина. Эти съемки продолжались в течение двух дней.

Тем временем мирные инициативы Михаила Горбачева, которые он продолжал выдвигать с завидным постоянством (в январе предложил уничтожить ядерное и химическое оружие до 2000 года, а также согласованно сократить обычные вооружения и вооруженные силы), все больше нравились Дину. Самое благотворное впечатление произвел на него и XXVII съезд КПСС, который прошел в Москве 25 февраля – 6 марта. Принятая на съезде Новая программа КПСС оказалась более реалистичной, чем все предыдущие программы, вместе взятые: в ней уже не декларировалось скорое построение

коммунизма, а провозглашалось «совершенствование реального социализма». Выступая на съезде с политическим докладом, Горбачев охарактеризовал брежневскую эпоху как время застоя и заявил о необходимости проведения глубоких реформ в системе управления народным хозяйством и демократизации общества.

2 марта Дин выступил в «Днях искусства» в «Палас дер Републик» в Восточном Берлине. Затем съездил на Лейпцигскую книжную ярмарку, где среди множества представленных книг была и его биография (дополненное издание той самой книги Ханса Дитера Брайера, которая впервые вышла в 1980 году). Эта поездка оставила у Дина приятное впечатление: он воочию убедился в том, что его имя все еще пользуется в ГДР популярностью – к стенду, где он представлял книгу, выстроилась огромная очередь из желающих получить его автограф.

8 марта в США в программе «Entertainment Tonight» была показана небольшая часть интервью Дина, которое он дал Майку Уоллесу в Москве. Дин этот эфир, естественно, не видел, о чем он и сообщает своим американским друзьям супругам Першманнам в своем письме от 13 марта:

«Вы видели мое интервью 8 марта? Я не видел, но слышал, что это было неплохо. Мы снимали это в Москве. Майк Уоллес был здесь и покажет интервью в Америке в какой-то из дней апреля. Мы отсняли около двух с половиной часов материала, о котором я думаю, что он успешен процентов на 75. Но, конечно, поскольку ему нужны лишь 20 минут, вероятно, он вполне способен запятнать мою репутацию. Мои друзья в Америке предостерегали меня и просили не участвовать в шоу, но я чувствую, что это – единственно возможный реальный шанс поговорить со 130 миллионами американцев, и я должен воспользоваться им. Быть может, одна или две истины переживут цензуру? Я спел ему песню «Моя еврейская мама» – и он плакал!!! Я сомневаюсь, что он покажет эту часть!!!

Передайте мою любовь и поцелуй малышке. Скажите ей, что я никогда не забуду тот момент, когда она дала мне

цветы в Миннеаполисе. Берегите ее и друг друга.

Обнимаю, Дин»

Тем временем пока Горбачев продолжал призывать своих западных партнеров к обоюдному разоружению, те предпочитали гнуть свою прежнюю линию. 27 марта министр экономики ФРГ Мартин Бангеман и министр обороны США Каспар Уайнбергер подписали в Вашингтоне два рамочных соглашения, предусматривающих участие западногерманских фирм в исследовательской программе СОИ (Стратегическая оборонная инициатива). Как мы помним, эта программа должна была помочь американцам заменить стратегию ядерного устрашения, так как лазерное оружие, размещенное в космическом пространстве, могло уничтожать неприятельские ракеты с ядерными зарядами еще в полете. Большая часть населения США восприняла подписание этого документа положительно. Зато совсем иную реакцию вызвало у американцев другое событие – показ в программе «60 минут» интервью с Дином Ридом (эфир 20 апреля). Стоит отметить, что в первоначальных планах Уоллеса было показать это интервью осенью, но затем он изменил свое решение и показал выступление Дина на полгода раньше. Не случись этого, возможно, будущей трагедии можно было бы избежать.

Приведу большую часть из показанного по ТВ интервью.

Д. Рид: «Я думаю, я был бы очень хорошим американским посланником в мире. Я общался с людьми, многие из которых никогда не видели американцев, и я показал им те стороны Америки, которые, я полагаю, они уважают. Люди в мире могли бы уважать Соединенные Штаты за науку, культуру, моральные ценности, в их же представлении Америка – мощная милитаристская держава, которую они боятся и страшатся».

М. Уоллес: «Вы не верите, что мы уважаемы во всем мире за науку, культуру, моральные ценности?»

Д. Рид: «Майк, вам следует поехать со мной по миру, и я покажу вам улицы в странах Латинской Америки, где

кричат: «Янки, убирайтесь домой!» Это был наибольший шок в моей жизни, когда я услышал такие слова. И я подумал: почему? Мы выиграли войну, революцию 200 лет назад. Мы не хотели быть колонией Англии. И люди в мире – третьем мире – говорят: «Мы не хотим быть колонией Соединенных Штатов или полукolonией. Позвольте нам иметь свой собственный суверенитет и независимость».

М. Уоллес: «Разве Восточная Германия не является колонией Советского Союза, Польша не колония? Румыния, Болгария?»

Д. Рид: «Конечно, нет».

М. Уоллес: «Вы арендуете свой дом в ГДР?»

Д. Рид: «Да, мы арендуем наш дом. Это стоит сумму, эквивалентную примерно 40 долларам в месяц».

М. Уоллес: «Не может быть!»

Д. Рид: «Даю вам слово» (Смеется.).

М. Уоллес: «У вас под Берлином замечательный дом. И всего 40 долларов в месяц?»

Д. Рид: «Да, это вполне нормально».

М. Уоллес: «Вы имеете деньги в банках Америки?»

Д. Рид: «Нет».

М. Уоллес: «В швейцарских банках?»

Д. Рид: «Нет».

М. Уоллес: «Богатый человек, бедный человек?»

Д. Рид: «Я богатый человек, потому что миллионы людей любят и уважают меня. Я не имею много денег, но сейчас мне их и не нужно. Школа для моих детей, университет – все есть и будет бесплатно, моей дочери и моему сыну не придется платить за образование. Когда я иду к доктору, я не должен ничего платить...»

Далее Дин рассказал о многих явных преимуществах социализма, о том, что Горбачев ему нравится больше Рейгана, поскольку советский лидер более морален и более миролюбив, а академик Андрей Сахаров, находящийся в ссылке в Горьком, не такая уж и жертва коммунистического режима. Все это настолько задело Уоллеса, что он задал Дину прямой вопрос.

М. Уоллес: «Вы действительно считаете социализм и коммунизм самой лучшей системой?»

Д. Рид: «Нет, я так не считаю. Если бы вы знали, как много вещей, с которыми я не согласен, и как часто я получаю удары по голове, потому что не согласен с очень многим. Вы просите назвать три вещи, с которыми я не согласен. Я не согласен с засилием бюрократии. Я не согласен с тем, что социалистическое общество недостаточно открыто для критики. Я полагаю, что должно быть больше индивидуальной свободы...»

М. Уоллес: «Вы думаете о своей политической карьере?»

Д. Рид: «Я не знаю, Майк. Наступит ли когда-нибудь в Соединенных Штатах время для социалистической партии или, может быть, даже социал-демократической партии, я не знаю. Но я бы хотел вернуться в Колорадо и стать сенатором от своего штата».

Эту передачу посмотрели свыше 60 миллионов американцев. И подавляющая их часть восприняла все сказанное Дином в штыки. Американцы были возмущены тем, что Дин хвалит Горбачева, а Рейгана ругает, что защищает Берлинскую стену, а свою родину называет «милитаристской страной, которую все боятся». Как раз в те самые дни Америка переживала очередной великодержавный бум, что только подогрело возмущенную реакцию американцев на интервью Дина.

Бум был связан с событиями в Ливии. В январе Рейган обвинил эту страну в причастности к взрывам на аэродромах Вены и Рима (27 декабря 1985 года), где погибли американские граждане. В январе 1986 года Белый дом объявил экономическую блокаду Ливии, а 15 апреля (за 5 дней до интервью Дина) американская авиация в составе 33 бомбардировщиков совершила ночной налет на ливийские города Триполи и Бенгази. В результате ракетно-бомбового удара погибли 100 человек, в основном гражданских, несколько сот человек получили ранения. Эти налеты были с одобрением встречены большинством американцев, а когда стало известно, что СССР их осудил, это вызвало в США взрыв антисоветской истерии. Причем подогревали ее не только пресса и ТВ, но и кинематограф.

В январе на экраны США вышла четвертая часть фильма «Рокки», сюжет которого заключался в следующем: американский боксер Рокки (Сильвестр Сталлоне) получает вызов на поединок с советским боксером Иваном Драго (Дольф Лундгрэн) и в тяжелом поединке побеждает его, на радость всем своим соотечественникам. На первый взгляд обычное спортивное кино. Но это только на первый. Тот, кто видел эту картину (а ее наверняка видело большинство нынешних россиян), согласится, что сделана она как мощное пропагандистское полотно о торжестве цивилизованной Америки над дремучей и жестокой Россией (поэтому Лундгрэн играл своего Ивана Драго как патологического убийцу и садиста).

Благодаря своей антисоветской направленности фильму «Рокки-4» был выдан карт-бланш на широкую демонстрацию по всей стране. Говорят, «зеленую улицу» ему обеспечил сам Рональд Рейган, который посмотрел его и остался очень доволен сюжетной коллизией. Фильм запустили сразу более чем в 3 тысячах (!) кинотеатров по всей территории США, тогда как обычно лента поступает на экраны в лучшем случае в несколько сотен кинозалов. Большая часть Америки приняла фильм так же восторженно, как и ее президент: за первые два месяца проката он принес его создателям свыше 100 миллионов долларов! Журнал «Ньюсуик» вынес на обложку одного из своих номеров заключительный кадр из «Рокки-4» – Сталлоне, закутанного в звездно-полосатый флаг. «Вы можете его любить или ненавидеть, – писал журнал, – но Сильвестр Сталлоне вернул героя американской мифологии, облаченного в военную форму и вершащего суд с помощью винтовки».

Стоит отметить, что за год до этого Сталлоне сыграл еще в одном пропагандистском фильме антисоветского толка: «Рэмбо-2», где его герой, лихой вояка Рэмбо, в одиночку расправляется с вьетконговцами и их пособниками – советскими военными советниками. Да что там сыграл: выступил также в роли сценариста и режиссера! И когда оба фильма вышли в американский прокат, Сталлоне выступил по калифорнийскому телевидению, где так объяснил идею обоих фильмов: «Мой герой несет послание людям. Это не мое послание, а послание американскому народу против сил зла...»

Кроме «Рокки-4» были еще причины для антисоветской истерии в Америке. Причем причины уже не киношные, а реальные. 26 апреля

1986 года случилась авария на Чернобыльской АЭС (Украинская ССР), которая существенно подорвала имидж не только СССР, но и всего Восточного блока. Многие американские издания писали, что Советский Союз не может обеспечить безопасность своих атомных реакторов и тем самым угрожает всему миру (суммарная радиация изотопов составила 50 миллионов кюри, что было в 30–40 раз больше, чем при взрыве атомной бомбы в Хиросиме в 1945 году). На Западе также вызывало возмущение и то, что советское руководство скрывает последствия аварии от своего народа, подвергая его смертельной опасности. «Если русские правители таким образом относятся к своему народу, то можно себе представить, каково их отношение к другим народам», – писали западные издания.

На этом фоне интервью Дина программе «60 минут» вызвало широкое недовольство в США. Сотни, если не тысячи людей не поленились взяться за перо и буквально завалили Си-би-эс и лично Майка Уоллеса возмущенными письмами, где прямым текстом обвиняли его в предательстве интересов родины. «Зачем вы предоставили трибуну этому предателю?» – вопрошали телезрители. Часть этих писем Уоллес потом перешлет Дину, что ввергнет того в шок, по силе еще более мощный, чем тот, что он испытал осенью прошлого года в Денвере. Он внезапно поймет, что все пути назад для него практически отрезаны. Именно осознание этой истины больнее всего ударит по нервной системе Дина, которая и без того была уже сильно расшатана тем образом жизни, который он вел (примерно с середины 70-х он познакомился с психотропными лекарствами, а в последние годы принимал их уже регулярно).

Но пока письма из Америки только идут на имя Дина, поэтому он пребывает в относительном покое. 3 мая его жене Ренате Блюме исполняется 42 года и Дин дарит ей красивые английские часы для камина с трогательной гравировкой: «Я люблю Ренату, с каждым часом все больше. Дин». В тот день никто из супругов даже не мог себе представить, что Дину осталось жить чуть больше месяца (936 часов).

В те дни Дин готовил очередной выпуск своей авторской телевизионной передачи «Человек из Колорадо». Репетиции передачи состоялись 6–7 мая в Лейпциге, а запись – 8 мая. В ней помимо Дина участвовали Нил Якоб (США), Людмила Солоденко (СССР), группа

«Братья Вард» (Ирландия), Юрген Эрбе (ГДР), Майкл Тучи (ЧССР). Во время записи Дин внешне выглядит как обычно: много шутит, поет, подпеваает другим исполнителям. Всего в этом представлении он исполнил шесть песен: «It's the End of the Line», «Going to play in Leipzig», «Мама» (посвятил своей маме), «Er rette sich wer kann», «Jackson», «Oda a la alegria». К сожалению, эфира этой передачи Дин не дожидается: ее покажут через два с половиной месяца после его гибели – 23 августа.

Между тем тот негативный резонанс, который вызвала в США передача «60 минут» с участием Дина, достигает пределов ГДР. В итоге, знакомясь с письмами своих земляков, которые переполнены самой откровенной злобой и ненавистью к нему, Дин впадает в ступор. Он всегда отличался ранимым характером и тяжело переживал свои творческие неудачи. Даже самая маленькая критическая заметка в адрес любой из его песен или фильма могла выбить его из колеи и стать поводом к депрессии. А тут он получил целый ворох писем с родины, где его называли только одним словом: «предатель». Некоторые авторы и вовсе не выбирали выражений: «ты достоин газовой камеры», «тебя надо посадить на электрический стул», «если ты вернешься в Америку, мы тебя линчуем» и т. д. Начитавшись этих писем, Дин пережил микроинфаркт.

Видя, в каком состоянии он находится, друзья предпринимают определенные шаги, чтобы заставить его отвлечься от грустных мыслей. И в том же мае Дин в компании с гитаристом Нилом Якобом, который снимался в его телепередаче «Человек из Колорадо», отправляется на отдых в Чехословакию. Они посещают XXV кинофестиваль в Карловых Варах (главный приз на нем достался фильму австралийского режиссера Билла Беннета «Улица, ведущая к смерти» – про ветерана вьетнамской войны, который участвовал в варварских операциях по распылению дефолиантов и в результате заболел лейкемией), заезжают в Прагу. Однако эта поездка лишь отсрочивает на время трагедию, но предотвратить ее не может.

Вернувшись в конце месяца в ГДР, Дин практически сразу вновь срывается с места: он едет в Москву, чтобы принять участие в благотворительном концерте «Счет № 904», все средства от которого должны были поступить в фонд Чернобыля. Однако лучше бы он туда не ездил, поскольку там его ждет еще один сильнейший удар.

Концерт намечался на 30 мая в спорткомплексе «Олимпийский». Из артистов в нем были заявлены сплошь одни звезды: Алла Пугачева (она же и ведущая на пару с Владимиром Цветовым), Александр Градский, Владимир Кузьмин, группы «Автограф», «Браво», «Крузиз» и др. Было в числе участников и имя Дина Рида, однако в самый последний момент чья-то властная рука его из этого списка вычеркнула. Дин сначала подумал, что это всего лишь досадное недоразумение, но потом один из организаторов концерта, отведя его в сторону, сообщил, что таков приказ «свыше».

– У нас сейчас дуют совсем другие ветры, и вам, Дин, лучше переждать их в Берлине, – снизив шепот до заговорщицкого, сообщил организатор концерта.

Что это за ветры такие и чем они вызваны, Дин понял спустя несколько минут, когда, проходя за кулисами, услышал чье-то громоподобное ржание и реплику, которую он, даже плохо зная русский язык, понял без всякого перевода:

– Брежневский холуй идет.

Дин сразу понял, кто именно подразумевался под этим определением, поскольку выражение «брежневский холуй» применительно к себе слышал до этого в СССР неоднократно. Только тогда он воспринимал его более спокойно: обижался, конечно, но не настолько, чтобы бросаться в драку. А тут в считанные секунды вскипел и, повернувшись туда, откуда донеслась обидная реплика, хотел было уже наброситься на обидчика с кулаками. Однако в этот момент ведущие концерта объявили следующий номер, и толпа людей, стоявшая за кулисами, мгновенно рассосалась. Потом зазвучала бравурная музыка, но Дин ее почти не слышал, скрывшись в коридорах спорткомплекса.

Вечером того же дня один из работников Советского комитета защиты мира сообщил Дину много интересного из того, что теперь происходило в Советском Союзе. По его словам, после XXVII съезда КПСС, где Горбачев назвал брежневское время застоем, советское общество резко поляризовалось. Большая его часть буквально ополчилась на бывших столпов брежневского режима, обвинив их во всех бедах, свалившихся на страну. Причем под понятие «столпы» попали не только работники партаппарата, но даже и недавние кумиры нации. Например, на недавнем пленуме Союза кинематографистов (он

прошел 13 мая 1986 года) его участники дружно забаллотировали таких корифеев советского кинематографа, как Сергей Бондарчук, Лев Кулиджанов, Евгений Матвеев, Станислав Ростоцкий и др. Их, как и Дина Рида, назвали «брежневскими холуями» (не с трибуны, конечно, а в кулуарах) и пригвоздили к позорному столбу. О том, насколько разнuzданной была эта кампания по шельмованию недавних кумиров, говорит хотя бы такой факт: Сергей Бондарчук подумывал о самоубийстве, и только любовь близких и поддержка некоторых друзей уберегли его от этого шага. С Динoм ситуация получилась куда более трагичная, поскольку рядом с ним таких людей, увы, не нашлось.

В ГДР Дин вернулся в подавленном настроении. Нет, он не считал, что Горбачев пришел во власть, чтобы развалить страну и сдаться на милость Западу, однако то, что он начал строить фундамент своей власти на ниспровержении и оголтелой критике предшествующей, казалось Дину шагом убийственным. «Своими действиями Горбачев поднимет на поверхность такую грязь и пену, что они в итоге сметут и его самого, – с грустью думал Дин. – Но прежде, как это ни печально, они сметут таких, как я».

Дин в своих выводах не ошибался. Горбачевская команда хоть и продолжала в 1986 году разоблачать происки рейгановской администрации, однако делала это скорее по инерции. Весной того же года, после того как минул год со дня воцарения Горбачева, для внимательного наблюдателя уже стал заметен тот поворот в сторону более уступчивой политики, которую горбачевская команда собиралась взять на вооружение в своих отношениях с США и Западной Европой. Этот поворот был обусловлен главным образом экономическими причинами.

Летом прошлого года резко снизились мировые цены на нефть, что было результатом прямого сговора США и Саудовской Аравии. Последняя резко увеличила добычу нефти (если раньше в день добывалось менее миллиона баррелей, то теперь – до шести миллионов), из-за чего в ноябре 85-го нефть-сырец шла по 30 долларов за баррель, а в апреле 86-го – уже по 12 долларов. Учитывая, что в это же время в СССР началось резкое падение добычи нефти (из-за недостаточности инвестиций в инфраструктуру и оборудование при завышенных темпах добычи), Советский Союз разом потерял около 10 миллиардов долларов, что равнялось почти половине средств,

выручаемых за нефть. Пришлось вдвое увеличить продажу золота, чтобы удержать запасы твердой валюты на необходимом уровне.

Этот удар вынудил советское руководство взять крен в сторону сначала замирения с Западом, а позднее и полнейшей капитуляции перед ним. Для этого горбачевская команда подбирала и соответствующие кадры, с которыми было бы легче сдавать одну позицию за другой.

В апреле реорганизации подвергся Всемирный совет мира, где Дин проработал почти 20 лет: секретарем ВСМ стал финский коммунист Йоханнес Пакаслаhti, а Ромеш Чандра хотя и сохранил за собой пост президента, однако отныне его власть и влияние были существенно урезаны. А за месяц до этого был отправлен в отставку многолетний руководитель Международного отдела ЦК КПСС Борис Пономарев, уступивший свое кресло бывшему послу СССР в США Анатолию Добрынину.

Глядя на эти перестановки, Дин прекрасно отдавал себе отчет, чем именно они вызваны: желанием новой власти избавиться от «балласта» в лице прежних руководителей и заменить их людьми из своего круга. Дин, в сущности, был не против, чтобы старых функционеров меняли на более молодых, но совершенно не ожидал, что под это определение «балласта» попадет он сам – вполне еще дееспособный 47-летний мужчина, который в течение 20 лет верой и правдой служил делу борьбы за мир. Дину трудно было поверить в то, что для членов горбачевской команды борец за мир Дин Рид был таким же неугодным деятелем, как Борис Пономарев в ЦК КПСС или Сергей Бондарчук во главе Союза кинематографистов СССР.

О том, как прошла последняя неделя жизни Дина, можно только догадываться. Но, судя по всему, это была тяжелая неделя. Иначе как объяснить, что 8 июня Дин совершил... попытку самоубийства, поссорившись со своей женой Ренатой Блюме: схватив со стены мексиканский нож мачете, он закричал на весь дом: «Я убью себя!» Однако в последнюю секунду испугался и полоснул себя не по венам, а всего лишь по плечу. Из раны хлынула кровь, однако серьезного вреда своему здоровью Дин не причинил. Рената, увидев это, громко рассмеялась и заявила: «Тоже мне мужик: даже убить себя по-настоящему не можешь!»

Чем была вызвана столь язвительная реплика, сказать трудно. Может быть, тем, что Рената подозревала мужа в многочисленных изменах, которые мерещились ей чуть ли не на каждом шагу. Например, она подозревала Дина в том, что его одноклассница Дикси Ллойд Шнеблоу, которая возобновила отношения с ним осенью прошлого года, когда Дин приезжал на родину, тоже является его любовницей. Поэтому любой звонок от нее или звонки Дина ей в Америку по поводу будущих гастролей Рената воспринимала в штыки. В итоге Дин вынужден был общаться с Дикси вне стен дома: он уезжал в Западный Берлин и уже оттуда, из телефонной будки в центре города, звонил Дикси.

Тот инцидент с мачете закончился звонком Ренаты другу Дина Эбергарту Феншу (он был заместителем руководителя отдела агитации и пропаганды ЦК СЕПГ). Фенш приехал к Дину 9 июня (в тот день в ГДР проходили выборы в Народную палату) и пробыл там до утра, пытаясь успокоить друга. Ему это удалось: под утро Дин пообещал Феншу, что возьмет себя в руки и больше никогда не будет пытаться свести счеты с жизнью. Слово свое Дин держал... несколько дней.

Последние три дня его жизни прошли вроде бы спокойно. Никаких новых ссор с Ренатой не происходило, и 11 июня (за день до гибели!) супруги даже позировали на крыльце своего дома фотографу Гюнтеру Линке. У Дина на фото вполне умиротворенный вид, разве что Рената несколько напряжена. Но в общем вполне миролюбивая фотография, не предвещавшая ничего ужасного.

Утром 12 июня Дин отправился на киностудию «ДЕФА», чтобы уточнить последние детали съемок фильма «Опасная близость» (предыдущее название – «Окровавленное сердце» – посчитали слишком натуралистичным). Однако там его поджидал новый удар, который стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Дина.

Продюсер фильма Геррит Лист только что вернулся из СССР, однако новости у него были не самые радостные. Дело в том, что вся финансовая сторона в производстве фильма была в руках советской стороны (бюджет картины составлял 4 миллиона долларов), а она как раз вдруг заартачилась. Нет, она не отказывалась от финансирования, однако в воздухе витала какая-то недосказанность. И это за три дня до начала съемок! И вот тут до Дина (впрочем, не только до него) вдруг дошло, что при новом руководстве Союза кинематографистов СССР

никакого фильма о подавлении американским правительством восстания индейцев в Вундед-Ни быть не может по определению. Горбачевская команда все сильнее выворачивала руль своей политики в сторону замирения с США (осенью намечалась очередная встреча Горбачева и Рейгана), поэтому снимать антиамериканское кино, да еще руками «брежневского холуя» Дина Рида, она явно не желала.

Ситуация чем-то напоминала ту, что случилась в конце 70-х с другим фильмом Дина – «Телль-Затар», про палестинских сопротивленцев. Только тогда Дину хватило сил не делать из этого случая трагедию, а теперь этих сил у него уже не осталось: ни физических, ни моральных. А ведь сразу после этого фильма он планировал снимать еще один, и снова антиамериканский: про индейцев, которые воевали в рядах армии США во Вьетнаме! Но после того, что случилось с фильмом о Вундед-Ни, про этот проект тоже надлежало забыть. Короче, везде тупик.

Впрочем, даже если бы советская сторона и согласилась участвовать в создании этих картин, это не снимало других проблем. Например, Дин прекрасно понимал, что его отношения с Ренатой тоже зашли в тупик и дело идет к разводу. Но Ренате предназначалась главная женская роль в «Опасной близости», и снять ее с этой роли Дин не мог: отец Ренаты занимал высокий пост на «ДЕФА». То есть и здесь возникла патовая ситуация, решения которой наш герой не видел.

Домой Дин вернулся в подавленном настроении. Попытался было излить душу жене, но та не была расположена к подобному разговору. А тут еще по телевизору шла какая-то политическая передача, которую Дин попытался прокомментировать. В итоге удостоился от Ренаты очередной язвительной реплики: «Ты всего лишь шоумен, а не политик». Для Дина подобное заявление было оскорбительным, сродни тому же «брежневскому холую». Он всю жизнь посвятил борьбе за справедливость, неоднократно рисковал жизнью ради этого, а в результате удостоился презрительного звания «шоумена». И от кого – от одного из самых близких людей! Опять вспыхнул скандал, который переполнил чашу терпения Дина. Наскоро собрав кое-какие вещи, он покинул дом. Как оказалось, навсегда.

Дин собирался отправиться в Потсдам к Геррету Листу, чтобы у него скоротать эту ночь, а может быть, и следующие. Однако до

продюсера он не доехал. Проехав всего лишь 3 километра на своей «Ладе», он свернул с дороги к озеру Цейтнерзее и, проехав несколько метров в темноте, остановился, ударившись бампером о дерево. Поскольку скорость была небольшая, Дин не пострадал, а «Лада» получила только легкую вмятину. Однако состояние Дина было ужасное, мысли путались.

Какое-то время Дин неподвижно сидел в салоне автомобиля и молча смотрел в одну точку. Потом взгляд его натолкнулся на кожаную папку, в которой лежали листы со сценарием «Опасная близость». В голове тут же выстроилась вся недавняя цепь событий в обратной последовательности: тупиковая ситуация с фильмом о Вундед-Ни, оскорбление на черномыльском концерте, возмущенные письма из Америки, где его называли предателем. «А ведь я никому не нужен, – как молния пронзила сознание Дина внезапная мысль. – От меня отвернулись мои соотечественники, предали Москва и собственная жена. Куда мне теперь ехать? И главное – зачем?»

Подумав об этом, Дин в следующую секунду открыл спортивную сумку, лежавшую на переднем сиденье рядом с ним, и достал из нее пузырек с пилюлями снотворного лекарства родедорм. С недавних пор это успокоительное средство стало его вечным спутником и он обязательно брал его с собой во все свои поездки. Повертев пузырек в руках, Дин поставил его на переднюю панель, после чего достал из этой же сумки шариковую ручку и открыл кожаную папку со сценарием. Литературная основа будущего фильма уместилась на ста с лишним страницах, однако Дину в этот раз понадобилось чуть больше полутора десятков листов. Перевернув на чистую сторону первый из них, он написал: «Моему другу Эбергарту Феншу!» После чего принялся писать свое прощальное письмо.

Сейчас уже невозможно установить, сколь долго он писал свое завещание. Судя по всему, больше часа, поскольку это письмо заняло 15 страниц. Но можно себе представить, какие чувства испытывал Дин в свои последние минуты жизни на этой земле. Обычно самоубийцы стараются побыстрее привести приговор в исполнение, поэтому если и оставляют предсмертные письма, то короткие. А тут – целых 15 страниц! В своем письме Дин подробно объяснял мотивы своего самоубийства, просил прощения у родных и друзей. Приведу лишь несколько отрывков из него, которые многое объясняют:

«Я понимаю, что причиняю тебе (Эбергарту Феншу. – *Ф. Р.*) горе. Ты был образцом для меня – таким же, как многие честные социалисты от Чили до Ливана. Моя смерть не должна связываться с политикой. Не позволяйте этого делать нашим врагам, фашистам и реакционерам...

Люди доброй воли будут строить лучший мир – социалистический мир... Я не соглашаюсь со всем, но социализм еще слишком молод. Однако именно он несет в себе единственное решение основных проблем для большинства мира... Я многое имел и пытался посвящать все свои силы и талант всем людям, нуждающимся в моей помощи...

Я хотел жить в мире с Ренатой, но когда сегодня вечером я вернулся домой со студии «ДЕФА» и сидел перед телевизором, Рената крикнула мне, что я являюсь всего лишь плохим американским шоуменом, который не имеет никакого мужества даже покончить с собой. Она мучает и пытается меня с давних пор и ревнива ко всем, кого я люблю и кто любит меня. Но особенно к моей бывшей жене Вибке и дочери Наташе. А я отказываюсь ненавидеть ту, которая когда-то была моей женой...

Я люблю Ренату. Но не могу найти выхода из этой проблемы. Она терроризирует меня уже 5 лет. Я хотел жить с ней до конца наших дней, но она убивает меня. Изо дня в день... Мне кажется, что моя жена всегда старалась покорять сердца известных мужчин, чтобы тешить свое самолюбие...

Моя смерть станет хорошим выходом для «ДЕФА» в истории с фильмом про Вундед-Ни. Я не могу брать народные деньги для фильма, который никогда не будет снят. К тому же я не смогу работать в одном фильме с женщиной, которая каждый день будет мучить меня, а найти другую актрису уже нет времени...

Передайте привет моей маме. Скажите ей, что я всегда очень сильно любил ее и старался быть образцом для нее. Передайте также приветы моим дочерям и сыну. Я обнимаю тебя. Твой Дин Рид».

Поставив точку в письме, Дин сложил листы обратно в кожаную папку, после чего открыл пузырек с родедормом и высыпал на ладонь целую горсть пилюль. Помедлив секунду, он отправил их в рот одну за другой. Затем в течение нескольких минут сидел неподвижно, закрыв глаза. Наконец он вновь вернулся к реальности и, выбравшись из автомобиля, нетвердой походкой отправился к берегу озера. Стояла

тихая июньская ночь, и было довольно прохладно. Но Дин не чувствовал холода, будучи в джинсовой куртке, да еще в состоянии, когда вообще не обращаешь внимания на внешние факторы.

Дойдя до берега, Дин, не сбавляя шага, вошел в воду. Когда вода дошла ему до груди, он поплыл. Дин хорошо плавал, так как еще в школе активно занимался этим видом спорта и даже побеждал на соревнованиях. Где-то на середине озера Дин перевернулся на спину и какое-то время пребывал в таком положении, глядя остановившимся взглядом на звездное небо. Силы уже покидали его, разум затуманивался. О чем он мог думать в эти мгновения? Может быть, вспоминал свою жизнь? Или в последний раз прощался со своими близкими? Собственно, за них он мог быть спокоен. Старшая дочь Рамона была уже взрослой и самостоятельной девушкой, Патрисия тоже устроена – у нее есть муж, она работает в престижном месте, мама живет с любимым человеком. Вторая дочь, Наташа, тоже не пропадет в надежных руках Вибке. Как и Александр, сын Ренаты. Еще оставалась Рада – московская любовь Дина, с которой он встречался в последние годы своей жизни. Эта девушка была без ума от него и согласна была идти за ним хоть на край света. Другое дело, хотел ли этого сам Дин? Видимо, нет, если так и не решился сделать окончательный выбор между ней и Ренатой.

В течение нескольких минут Дин глядел в темное июньское небо. Его взгляд остановился на безымянной звезде, тускло мерцавшей на огромном небосклоне. «Эта звезда погасла много тысяч лет назад, но свет ее до сих пор виден нам, – пронеслось в затуманенном сознании Дина. – Будет ли светить моя звезда после того, как меня не станет?»

Через секунду вода озера поглотила Дина с головой. И ничто в тот миг не нарушило покоя прибрежных мест – ни один звук не известил мир о том, что секунду назад здесь произошла трагедия.

Дина хватились только через сутки. Продюсер Геррет Лист стал разыскивать его, чтобы обговорить новые подробности запуска фильма «Опасная близость», и был крайне удивлен, когда ему сообщили, что Дин уже сутки находится у него. «Я его не видел три дня», – заявил обескураженный Лист. А когда то же самое заявили и другие друзья Дина, стало ясно, что случилось что-то неординарное. Нет, о гибели Дина речи еще не шло, но какая-то тревога уже поселилась в сердцах

всех, кто его знал. Особенно в сердце Эбергарта Фенша, который хорошо помнил попытку суицида Дина несколькими днями ранее.

14 июня к делу поисков Дина была подключена уголовная полиция ГДР и «Штази» (расследованием руководили начальник отдела XX «Штази» генерал-лейтенант Пауль Кинберг и сын президента Народной палаты ГДР Томас Зиндерманн, бывший в ту пору начальником уголовной полиции). Тут же были наведены справки о том, кто выезжал из страны в последних два дня, но имени Дина Рида среди этих людей не было. Он не появлялся ни в аэропорту, ни на одном из вокзалов, ни на пропускном пункте «Чарли» (пограничный пункт для пересечения границы с Западным Берлином).

В тот день, 14-го, Дин должен был отправиться в Западный Берлин, где ему предстояла встреча с английским журналистом Расселом Миллером. Тот приехал к месту встречи с женой, однако Дина там не застал. Тогда он позвонил домой Дину, но трубку взяла Рената Блюме, которая заявила, что Дин... находится в больнице с воспалением легких.

Тем временем стражи порядка продолжали поиски Дина. Они взялись прочесывать местность вокруг его дома в Раухфангсвердере. И спустя несколько часов их поджидала удача. В трех километрах от дома Дина, в лесном массиве неподалеку от автобана, они обнаружили автомобиль «Лада», принадлежавший Дину. Но он был пуст. Однако в салоне полицейских ждало страшное открытие: прощальное письмо Дина. Вот тут многое стало понятно, и стражи порядка принялись осматривать местность вокруг (при помощи собак), а потом и озеро Цейтнерзее. Для этой цели были использованы лодки. И утром 17 июня (в 8.30) в нескольких сотнях метров от места, где была обнаружена «Лада», было найдено тело Дина.

В тот же день судебные медики, профессора медицины Отто Прокоп и Радам, произвели вскрытие тела и установили, что Дин Рид погиб от естественных причин: утонул, приняв большую дозу снотворного лекарства родедорм. А чуть раньше этого о самоубийстве Дина было доложено руководителю ГДР Эриху Хонеккеру. Сделал это Эбергарт Фенш, на имя которого и было оформлено прощальное послание Дина. Прочитав его, Хонеккер какое-то время пребывал в тяжелых раздумьях, после чего произнес:

– Мы не можем показывать это письмо вдове Дина. Чего доброго, и она тоже наложит на себя руки.

– Но как тогда объяснить его смерть? – спросил Фенш.

Хонеккер некоторое время подумал, после чего произнес:

– Говорить о самоубийстве ни в коем случае нельзя. Ведь Дин был не простым человеком, а известным общественным деятелем. Люди, чего доброго, подумают, что это мы довели его до гибели. Поэтому спрячьте письмо подальше, а смерть Дина объясните несчастным случаем.

Так и сделали: письмо исчезло в недрах министерства внутренних дел, а гибель Дина Рида объяснили следующим образом: дескать, он ехал ночью на большой скорости на автомобиле (кстати, он и в самом деле любил гонять на своей «Ладе»), не справился с управлением и врезался в дерево. Удар был настолько силен, что Дин выбил лобовое стекло, упал в озеро и захлебнулся.

Как и следовало ожидать, большинство населения ГДР не поверило в эту версию. Дин Рид был слишком видной фигурой, к тому же тесно связанной с политикой, чтобы люди так легко поверили в то, что его смерть – всего лишь трагическая случайность. В итоге уже в первые же дни в ГДР стали распространяться самые различные версии этой гибели. Однако суть этих разных версий сводилась к одному: что Дин Рид разочаровался в социализме, хотел сбежать, а агенты «Штази» не позволили ему этого сделать. Эту версию так же активно отстаивали и западные массмедиа, которым именно такой вариант был наиболее удобен. Их газеты и радиоголоса неустанно твердили одно и то же: Дина убила «Штази». И аргументы приводили вполне правдоподобные.

Отмечалось, что с тех пор как Дин Рид уехал из Америки и перебрался жить в ГДР, он стал настоящей находкой для органов пропаганды социалистических стран. На его примере людям из соцлагеря в течение двух десятилетий показывали, что «свободный мир» не так заманчив и красив, как его расписывают западные идеологи, если из него бегут такие люди, как Дин Рид. И вдруг в середине 80-х, когда под руководством КПСС соцлагерь предпринял попытку придать социализму более человеческое лицо, один из самых известных пропагандистов этого строя решил на возвращение на родину. Это, во-первых, больно било по имиджу социализма, а во-

вторых, таило в себе определенную опасность, в случае если Дин Рид захотел бы рассказать всю правду о своих годах пребывания в ГДР (а ведь он одно время был на короткой ноге с самим Хонеккером и другими членами восточногерманского Политбюро). А дать гарантию, что он будет молчать, никто не мог. Поэтому, видимо, и было принято решение о его физическом устранении.

Тот самый журналист, который безрезультатно пытался взять интервью у Дина Рида в Западном Берлине – Рассел Миллер, – по горячим следам опубликовал в газете «Санди таймс» статью с весьма характерным названием: «Убийство в Берлине отступника, который изменил свою линию...» В ней он писал:

«Одним из немногочисленных друзей в его родной стране была Дикси Ллойд, женщина-бизнесмен из Денвера, в свое время работавшая менеджером у Дина Рида. Она не верит ни в самоубийство, ни в несчастный случай. Она убеждена, что его убили, потому что он открыто говорил о желании вернуться в США после 14-летнего пребывания на Востоке...»

Чтобы у западного обывателя не было никаких сомнений в убийстве Дина Рида, ему поведали о наемных киллерах, которые якобы долгие годы существовали в структуре «Штази». Утверждалось, что с конца 50-х годов в недрах восточногерманской разведки действовал «убойный» отдел из 623 отлично подготовленных агентов, которые убивали по приказу германского Политбюро неугодных коммунистическому режиму людей, причем не только в ГДР, но и на территориях других государств.

Естественно, едва версия об убийстве Дина Рида стала распространяться по стране со скоростью пожара, официальные власти бросились ее опровергать. Сначала в прессе выступила вдова погибшего Рената Блюме. Она заявила: «Любые предположения о том, что моего мужа убили, – самая отвратительная клевета. Такие домыслы лишь оскорбляют память о Дине, причиняют боль мне и нашему сыну.

Мой муж утонул. Его нашли в озере мертвым. В последнее время у Дина резко ухудшилось здоровье: у него было больное сердце и легкие.

Что касается предположений о том, что он хотел вернуться в США, – и это абсолютная ложь. Ничего подобного Дин Рид делать не

собирался. Он жил мыслью о новом фильме...»

Однако западная сторона продолжала гнуть свою линию: Дина убила «Штази». Вскоре в хор этих голосов вплели свои голоса и американские родственники Дина.

17 июня бывшей жене Дина Патрисии позвонили в США и сообщили о том, что он покончил с собой, утопившись в озере. «Я была в ужасе, – вспоминала позднее Патрисия. – Я слишком хорошо его знала – ему были чужды мысли о самоубийстве». (Отметим, что Патрисия хорошо знала Дина только 8 лет, с 1964 по 1971 год, когда была его женой. Потом они виделись крайне редко, разделенные огромным расстоянием. – Ф. Р.)

Сразу после этого сообщения, созвонившись с матерью Дина Рутей Браун, Патрисия принимает решение вместе с нею и дочерью Рамоной вылететь в ГДР.

Когда они прибыли в ГДР, то сразу попросили отвезти их на место, где произошла трагедия. Эту просьбу выполнила Рената Блюме.

Р. Браун вспоминает: «Они сказали, что он ехал очень быстро, и действительно, он всегда ездил быстро, но ему нужно было очень сильно постараться, чтобы попасть в это злосчастное дерево».

Поскольку сомнения в подлинности официальной версии после посещения места трагедии у гостей из Америки продолжали иметь место, они потребовали показать им труп Дина. Но власти отказались это сделать. При этом рассказывали, что он сильно пострадал, что его лицо буквально изъедено рыбами. Но Патрисия и мать Дина упорно настаивали на своем. В конце концов, после трех дней настоятельных просьб, их отвезли в морг. Об этом посещении Патрисия вспоминает следующее:

«В затемненной комнате, через стекло, на расстоянии нескольких метров нам продемонстрировали труп. Когда занавеску отодвинули, я увидела лицо Дина. Это был он, вне всякого сомнения. Я заметила под горлом темный шрам и синяк на лбу. Он не был раздут и не выглядел как утопленник».

24 июня состоялась кремация Дина Рида в одном из крематориев Восточного Берлина (Баумшуленвег). На церемонии присутствовали только близкие родственники покойного и сотрудник «Штази». Когда прощание близилось к завершению, один из его участников – режиссер Уилл Робертс – попросил присутствующих... поаплодировать. «Как

каждый артист, Дин любил аплодисменты», – объяснил он свою просьбу.

30 июня прошла траурная церемония в Гонолулу, организованная матерью Дина. Похороны праха Дина состоялись в Раухфангсвердере, где он прожил последние годы своей жизни.

Советские средства массовой информации довольно скупо откликнулись на смерть Дина Рида: две относительно большие статьи в «Литературной газете» и «Советском экране» и несколько коротких некрологов в остальных. После чего имя Дина Рида надолго (на 7 лет) исчезло из российских СМИ. И это на первый взгляд было очень странно, поскольку Дина Рида в СССР знали практически все – он ездил сюда на протяжении 21 года. Более того, власти запретили кому-либо из советских друзей Дина отправиться на его похороны. Однако теперь, по прошествии времени, стало понятно, почему Горбачев и его команда наложили табу на имя Дина Рида. В свете взятого советскими властями курса на сближение с Западом американский борец за мир оказался нежелательным персонажем.

О Дине Риде у нас опять вспомнили в начале 90-х, когда Советского Союза уже не существовало. Однако и эти воспоминания были окрашены в одни тона: антисоветские. В российских СМИ активно пропагандировалась одна версия его ухода из жизни – западная: что он разочаровался в социализме, хотел сбежать на родину, а агенты «Штази» его убили. Когда в сентябре 1990 года в Германии (ГДР тогда уже почил в бозе) были опубликованы выдержки из прощального письма Дина, где он писал: «Моя смерть не должна связываться с политикой», российские издания тоже известили своих граждан об этом письме, но суть его извратили. Рассказав о том, что у Дина возникли проблемы в семье, они присовокупили к этому следующую ремарку: «Моральную травму усугубило разочарование в социализме». Хотя из текста письма следовало диаметрально противоположное.

Как и некогда западные издания, российские СМИ вволю поупражнялись в том, чтобы навесить всех собак в этом деле на «Штази» (вообще демонизация КГБ и других социалистических спецслужб была любимым коньком российской «демократической» прессы тех лет). Но самое удивительное, что эта ситуация длится до

сих пор: фильм про Дина Рида, показанный по российскому ТВ в 2005 году, из этого же ряда – прозападный.

Каюсь, я сам какое-то время был в плену у этой версии. Но когда взялся подробно, день за днем, восстанавливать хронику жизни Дина Рида, пришел к окончательному выводу, что его смерть – не убийство, а добровольный уход из жизни. И не был Дин Рид «болванчиком» (как сказано в упомянутом фильме о нем), поверившим в социализм и обманутым им. Обманула его не система, а конкретные люди, которые хоть и были коммунистами, но, как выяснилось, никакого отношения к подлинному коммунизму не имели. Это типичные перерожденцы и циники, для которых такие романтики, каким был Дин Рид (или тот же Че Гевара), всегда были как кость в горле.

К сожалению, таких перерожденцев в наше время стало слишком много. Отсюда и большинство бед сегодняшней России, которую буквально поразил вирус пораженчества. А ведь есть в истории и другие примеры. Взять те же США, где точно такие же пораженческие настроения царили в 1973–1980 годах, когда «либеральные» СМИ вволю потоптались на своих силовых ведомствах (ЦРУ, ФБР, Пентагоне), однако потом к власти пришел Рональд Рейган и быстро заткнул рот «пораженцам». И победа в итоге осталась за ним: он оставил сильную Америку, а своего главного врага, Советский Союз, заставил капитулировать.

«Я умру при большом скоплении народа...»

Игорь Тальков

Певец Игорь Тальков был убит за три месяца до развала СССР, в октябре 1991 года, на глазах нескольких десятков очевидцев прямо во время гала-концерта во Дворце спорта «Юбилейный» в Ленинграде. Говорят, сам артист знал или догадывался о подобном развитии событий еще задолго до дня трагедии, но ничего не предпринимал. Как-то, еще в начале 80-х, он летел на гастроли, и кто-то из музыкантов завел разговор об авиакатастрофах. На что певец сказал: «Не бойтесь со мной летать. В авиакатастрофе я никогда не погибну. Меня убьют чуть позже, при большом скоплении народа, и убийцу не найдут».

Тальков родился 4 ноября 1956 года. Его родители – Владимир Максимович Тальков и Ольга Юльевна Швагерус – еще при Сталине были осуждены и познакомились в лагере, где играли в самодеятельном театре. Там у них родился первенец – сын Владимир (1953). А чуть позже, когда они освободились и поселились в городке Щекино Тульской области, на свет появился еще один сын – Игорь. Оба они пошли в своих родителей – с детства любили театр, музыку. Но поскольку в поселке никаких театров и концертных залов не было, а был только Дом культуры, где редко появлялись заезжие артисты, мальчишки устраивали для себя представления дома – показывали домашние спектакли, причем обязательно с музыкой. Потом, когда они подросли, родители отдали их в музыкальную школу. Причем если Владимиру приходилось учить ноты, то Игорь играл исключительно на слух. И схватывал любое произведение с первого же проигрыша. Его преподаватель даже восхищался им: «Сколько через меня прошло учеников, но такого слуха, как у Игоря, я просто не встречал ни разу». Когда родители Игоря узнали об этом, они немедленно собрали деньги и купили сыну баян «Киров». Этот инструмент был, конечно, тяжеловат для щуплого мальчишки, но более подходящего дешевого

баяна родители не нашли, а дорогой купить не было возможности. К слову, именно музыка однажды помогла братьям в сложной ситуации.

В 1970 году Тальковы получили новую квартиру (до этого они жили в бараке) в соседнем станционном поселке. Однако детвора этого поселка враждовала с мальчишками из района, где раньше жили Тальковы. Поэтому переезжать на новое место братья ни в какую не хотели. Однако родители их все-таки уговорили. А потом ситуация разрешилась самым неожиданным образом. Прознав, что братья Тальковы хорошо играют на музыкальных инструментах – Владимир на гитаре, а Игорь на баяне, – станционные мальчишки пригласили их выступить на вечере. Именно это выступление стало входным билетом для Тальковых в новую компанию.

Еще одной страстью Игоря с детства был спорт. Особенно он любил хоккей, который в 60-е годы стал очень популярен. Скопив денег, он купил себе настоящие наколенники, а на деньги, которые ему подарили на день рождения, еще и хоккейные ботинки с коньками. И практически каждый день в шесть утра, перед тем как уйти в школу, он облачался в свое хоккейное обмундирование и уходил на каток тренироваться. Через час возвращался, завтракал и собирался в школу. Когда в их поселке появилась хоккейная команда, Игорь первым в нее записался и был одним из самых добросовестных игроков – никогда не увиливал от тренировок. А в личном дневнике даже записал тогдашний девиз-мечту: «Умру, но стану хоккеистом». Осуществившись эта мечта Талькова, и его жизнь могла сложиться совсем иначе – не столь трагически.

Другим увлечением Игоря были стихи, которые он стал писать еще в начальных классах средней школы. Его первое стихотворение посвящено маме и подарено ей на 8 Марта. Причем это было не просто короткое произведение из нескольких четверостиший, а целая поэма, уместившаяся на нескольких листах. Потом стихи Игорь сочинял во множестве и даже завел специальные тетради, куда их записывал. С годами эти стихи становились все серьезнее и серьезнее. В одном из них он даже вывел Ленина – вождь мирового пролетариата стыдил подростка Талькова за его природную лень.

Стоит отметить, что в 70-е годы, когда отмечалось 100-летие Ленина, многие молодые люди уже не были столь идеологически зашорены, как их недавние сверстники, и к Ленину относились без

особого почтения. Даже анекдотами про него бравировали. Но Игорь Тальков к таким людям не относился. Из его уст тогда нельзя было услышать ни одного бранного слова не только про Ленина, но и про тогдашнего генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева, про которого анекдотов было еще больше. Был такой случай. Мама Талькова однажды сказала сыну, чтобы он не верил многому из того, что говорит с трибуны Брежнев, на что сын ей заявил: «Мама, если ты еще раз тронешь Брежнева, я убегу из дома!»

В сентябре 1973 года, когда в Чили произошел государственный переворот и к власти пришла военная хунта, Тальков написал песню «Ночь над Чили». Это была его первая политическая песня, которая даже победила на конкурсе художественной самодеятельности.

В старших классах средней школы Тальков уже расстался с мечтой стать хоккеистом и все свое свободное время отдавал музыке. В ноябре 1974 года, когда Игорю исполнилось 18 лет, родители подарили ему магнитофон «Фиалка». Братья стали записывать кассеты с песнями «Битлз», «АББА», «Бони М» и других популярных коллективов. И однажды, наслушавшись этих песен, Игорь вдруг заявил: «Я буду петь!» Брат Владимир в ответ рассмеялся: «Чем же ты будешь петь?», имея в виду то, что голос у Игоря был хриплый – сорвал в детстве. Но Талькова такое отношение только подзадорило. И он всерьез занялся своим голосом. От кого-то услышал о московском враче Стрельниковой, которая поставила голос многим артистам, узнал ее адрес и явился на прием. Та посоветовала Игорю лечить горло. Однако полностью вылечить его он не сумел – так и пел с хрипотцой. Впрочем, вылечил он свое горло полностью, мы бы знали совсем другого Игоря Талькова.

После школы герой нашего рассказа выступал в вокально-инструментальном ансамбле «Былое и думы», который играл по выходным на танцах. А потом был принят в профессиональный ВИА Тульской филармонии «Фанты» в качестве вокалиста. Когда он написал об этом своему брату в армию, тот подумал, что это шутка, – он-то хорошо знал, что петь Игорь никак не мог из-за сорванного голоса. Но ему пришлось поверить в это, поскольку и родители написали ему то же самое. Потом он узнал, что его брат за каких-то пару месяцев освоил и нотную грамоту – ему помогла в этом его

тогдашняя девушка Светлана, которая окончила музыкальное училище имени Даргомыжского в Туле.

Когда Талькову пришла пора идти в армию, он решил «откосить» – уж больно не хотелось ему расставаться ни с любимой девушкой Светой, ни с любимой музыкой. Он поступил учиться на слесаря в Щекинское профтехучилище № 6, учеба в котором давала отсрочку от армии. Однако проучился там недолго и решил сменить место – поступил в педагогический институт (на физико-технический факультет). Тогда же с ним случились первые неприятности на почве политических воззрений.

Как мы помним, в юности Тальков весьма уважительно относился к Ленину и Брежневу – даже не позволял их критиковать собственной матери. Но в середине 70-х его оценки этих людей поменялись на 180 градусов. Почему? По мере взросления воззрения Талькова на происходящее в стране менялись: от восторженного они становились резко отрицательными. Глядя на то, как брежневское руководство всячески избегает каких-либо политико-экономических реформ, по сути законсервировав ситуацию и параллельно возвеличивая генерального секретаря, Тальков превратился в яркого критика этой политики. Тем более что его родители, как мы помним, были из репрессированных, а это значило, что «пепел Клааса» рано или поздно должен был застучать в сердце Талькова.

В итоге летом 1975 года Тальков решился на отчаянный поступок: на центральной площади Тулы стал выкрикивать антиправительственные лозунги, призывая сместить Брежнева с его поста и поставить на его место более решительного и энергичного руководителя из породы реформаторов. Его задержали и привлекли к уголовной ответственности. Перед Тальковым зримо маячила тюрьма за антисоветскую агитацию и пропаганду, однако в дело вмешался известный тульский велогонщик Анатолий Кондратьев, с которым Тальков играл в одном ансамбле. Спортсмен стал обивать пороги высоких кабинетов, доказывая всем, что Талькова надо простить: дескать, парень молодой, вот и погорячился. Это объяснение возымело свое действие: бунтаря простили. Однако после этого он покинул Тулу и перебрался в Ленинград, где поступил в местный институт культуры. Но и там проучился недолго, после чего был «забрит» в солдаты. Служить ему выпало в стройбате в подмосковном Нахабине. В

свободное от службы время Тальков предавался любимому занятию – выступал в армейском ВИА. И опять в качестве вокалиста.

Из армии Тальков вернулся в самом конце 70-х. Со Светланой их отношения к тому времени разладились, и Тальков вскоре познакомился с новой девушкой – Татьяной. Самое интересное, она родилась в один день с ненавистным Талькову Лениным (22 апреля), только на много лет позже (1960). Их встреча произошла 22 июля 1979 года в московском кафе «Метелица». Был Ольгин день, и Татьяна пришла с подругами в кафе отметить их именины. Тальков же пришел туда с друзьями просто отдохнуть. Поскольку их столики оказались рядом, они быстро познакомились. По словам Татьяны:

«Игорь подвалил ко мне и стал гнуть пальцы: «Я музыкант, стоящий на пороге известности...» Я ему не поверила. А его притянули мои восточные глаза, в которых он не увидел привычной доступности. Я полюбила его не с первого взгляда, а с первого слова. О политических репрессиях впервые услышала от него. Я была комсомолкой, а у него мать и отец познакомились в лагере. Когда я поняла, что влюбилась по уши, просто привела его домой и представила маме: «Это Игорь, он у нас будет жить...»

Брак Талькова и Татьяны продлится до самой его гибели, хотя между супругами было много противоречий. Почему же они не расстались? Свою роль сыграло следующее обстоятельство. Когда молодые только поженились, Тальков честно признался своей молодой жене, что хранить ей верность он будет не в состоянии. Дескать, я – артист, и мне нужны будут другие женщины для вдохновения. Но жена мне нужна одна. Как ни странно, но Татьяна приняла эту позицию, что способствовало сохранению их брака.

Свадьбу молодые сыграли в 1980 году. А 14 октября следующего года у молодых родился сын, которого они в честь отца назвали Игорем.

Став женатым человеком, Тальков должен был всерьез озаботиться тем, чтобы обеспечить свою молодую семью. Но с этим как раз было туго – постоянной работы у него не было. Он мечтал стать музыкантом, прославиться, но путь к этому был тернист. В ВИА он идти не хотел, а в рок-группы его не брали – нужды в солистах они не испытывали. А свою группу Тальков не мог собрать по причине полного безденежья. На почве этой неостребованности у Талькова все

сильнее радикализировались и его политические убеждения. В своем личном дневнике за 1982 год он вывел на этот счет следующие строки:

«2 мая: «Богом, правдою и совестью оставленная Россия, – куда идешь ты в сопутствии твоих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников». (Ал. Сухово-Кобылин, 1855 г. Из дневника.)

Прошло 127 лет с момента написания этих строк. И что изменилось? Произошла революция. Ну и что? Все так же, только поменялись воры, грабители, негодяи, скоты и бездельники. Куда же ты теперь идешь, Россия?

12 мая. Что-то случилось. Какая-то усталость, старость, что ли. В 25 лет? Да нет, телом я молод, строен, гибок, по-мальчишески поджар, но душа...

Такое чувство иногда возникает, где-то в глубине сознания, что мне, т. е. моей душе, уже лет 150».

Вот с такими мыслями спустя месяц после этого Тальков покинул дом – отправился в Сочи на заработки. Устроился лидером-вокалистом в один из самых престижных ресторанов гостиницы «Жемчужина». Той осенью в курортном городе проходил очередной конкурс советской песни «Сочи-82», и Тальков решил попытаться счастья. В качестве конкурсной песни взял знаменитый шлягер Яна Френкеля и Расула Гамзатова «Журавли». Песня понравилась всем, даже дикторы, ведущие конкурс, от души расцеловали Талькова. Он был уверен – один из призов его. Увы, но ему ничего не досталось, поскольку все призы уже были заранее распределены среди «своих». Под впечатлением этого провала Тальков написал стихотворение, где излил на бумаге всю свою боль за случившееся.

Этот конкурс был насмешкой над искусством...

Этот конкурс суть бездарностей парад.

Однако пребывание в Сочи не оказалось для Талькова напрасным: его заметил известный испанский певец Мичел, который совершал гастрольный тур по Советскому Союзу, и взял в свой ансамбль. После того как Мичел уехал к себе на родину, из этого ансамбля родился коллектив под названием «Апрель», игравший в стиле джаз-рок. Однако популярность у него была не ахти какая, из-за чего и заработки

были соответствующие – мизерные. Например, Тальков выступал в длинном американском плаще, который ему подарил Мичел. Этот плащ Тальков не снимал даже летом, чтобы не показывать публике свои драные джинсы. А купить новые брюки зарплаты музыканта не хватало.

Во время работы в «Апреле» Тальков едва не погиб. Причем этот случай можно считать неким предвестником будущей трагедии – он тоже произошел на сцене во время концерта. Дело было во время гастролей в Таджикистане, в городе Ленинабаде. Музыканты по неопытности заземлили свою аппаратуру на силовую фазу промышленного напряжения в 380 вольт. Под эту фазу и угораздило попасть Талькова. Он упал, и у него начались конвульсии. Его брат Владимир, работавший в этом же ансамбле, догадался положить Игоря на металлический щит и начал делать искусственное дыхание. Именно это и спасло Талькова. Он очнулся. Но после этой истории он получил сильную психологическую травму и некоторое время даже боялся брать в руки микрофон, просил обмотать его изолентой.

Несмотря на отсутствие какой-либо славы и денег, Тальков продолжал упорно взбираться на «лестницу славы». Причем та среда, в которой ему приходилось вращаться, ему категорически не нравилась. Не даром же осенью 1984 года он сделал в своем дневнике следующую запись:

«Эстрада – большая помойная яма. Как большая помойная яма вмещает в себя кучи грязных отбросов, так наша эстрада вмещает в себя кучи бездарных исполнителей и сочинителей. Одаренные, не залезайте в эту яму, не пачкайте себя».

Как ни странно, но, предостерегая других, сам Тальков упорно лез в эту яму, не боясь запачкаться. Почему? Объяснение находим в астрологии. Тальков родился в год Обезьяны, а про нее в гороскопе сказано следующее: «Обезьяна – большая карьеристка. Хитрое животное при желании может одурачить любого...»

После того как «Апрель» распался, Тальков уехал в Ленинград, где устроился в ансамбль «Калейдоскоп». Стал исполнять в нем песни собственного сочинения, но это дело быстро прикрыли: сказали, что, поскольку Тальков не является членом никакого союза и абсолютно неизвестен, песни, написанные им самим, он со сцены исполнять не имеет права. И Игорю пришлось довольствоваться малым: он отдавал

свои песни другим, более именитым исполнителям. Ситуация не изменилась даже тогда, когда Тальков перешел в ансамбль популярной ленинградской певицы Людмилы Сенчиной. Он полностью переделал репертуар певицы, переработал исполняемые песни, меняя аранжировку. Но когда и там ему не разрешили исполнять собственные песни, ушел.

Его новым пристанищем стал московский музыкальный театр Маргариты Тереховой. Но и оттуда Тальков вскоре ушел. На этот раз – в группу «Электроклуб», где художественным руководителем был Давид Тухманов. Именно в этом коллективе имя Игоря Талькова и прогремело впервые на всю страну. Вместе с солисткой группы Ириной Аллегровой Тальков принял участие в конкурсе «Золотой камертон», проходившем в концертном зале «Олимпийский», и их дуэт получил звание лауреатов. Однако была у Игоря одна слабость, которая мешала ему в его карьере, – страсть к питию. По словам его жены Татьяны:

«Его долго считали профнепригодным, ненастоящим поэтом... А все выплескивалось на меня: Игорь срывался, кричал, убегал из дома, хлопнув дверью... Вечером возвращался с букетом цветов или игрушкой. Я никогда не прятала от него бутылку водки – это проходит только со слабыми людьми. Он выходил из запоя и благодарил меня за понимание... Бывало, появлялся нетрезвым на сцене, некоторые директора после этого даже отказывались с ним работать. В 1987 году, еще за неделю до того, как по телевидению прозвучала песня «Чистые пруды», он ездил устраиваться на работу в таксомоторный парк...»

В том памятном телеэфире Тальков исполнил в собственной аранжировке песню Давида Тухманова «Чистые пруды», которая мгновенно стала всесоюзным шлягером. Она участвовала в конкурсе «Песня-87» и стала лауреатом. С этого момента к Талькову и пришла настоящая слава.

Этот успех привел Талькова к мысли, что теперь он может заняться сольной карьерой, и он ушел из «Электроклуба» в «свободное плавание». Он мог, конечно, и дальше работать в коллективе и даже иметь в нем еще больший успех, но он хотел иного – ковать свою славу на собственных песнях, а не на чужих. Это было главным побудительным мотивом ухода Талькова из популярной группы. Кроме этого, политическая ситуация, складывавшаяся в стране, обнадеживала

Талькова. Дело в том, что с января 1987 года генсек Михаил Горбачев объявил в стране *гласность* и в СМИ начала нарастать кампания по критическому осмыслению советской истории. Правда, критика эта имела одну особенность – заправляли в ней либералы-западники, которые оценивали советскую историю чаще с отрицательной стороны, чем с положительной. Для Талькова, который страдал тем же, это было настоящим клондайком.

За короткое время Тальков создал собственный ансамбль, куда набрал музыкантов из самых разных мест. Кроме него и брата Владимира в ансамбле было еще четыре человека, большинство из которых не знали нотной грамоты. Когда это выяснилось, Тальков выгнал этих людей и набрал новых – уже более профессиональных. Однако если музыкантами они были сильными, то вот единомышленниками многие из них Талькову так и не стали. Он-то считал, что главное в их работе – идея, а они думали только о материальной стороне дела. На этой почве в их коллективе часто случались конфликты. Отсюда и появились разговоры в эстрадной среде, что у Талькова сложный характер.

В 1988 году его позвала в свой Театр песни Алла Пугачева. Тальков с радостью согласился, поскольку под крылом Примадонны можно было добиться еще больших успехов, причем достаточно быстро. Кроме этого, он влюбился в Пугачеву и, видимо, рассчитывал, что и она сможет испытывать к нему такие же романтические чувства. И они могут стать почти как «две звезды» – Пугачева и Кузьмин, а может, даже и круче. Но этого не случилось. Пугачева повела себя с Тальковым достаточно жестко: стала его форменным образом «строить», указывая ему, какие песни ему стоит петь, а какие нет. Игорю это не понравилось, и он от Пугачевой ушел.

Несмотря на то что Тальков по-прежнему был женат на Татьяне, однако, как и обещал в начале их совместной жизни, мог увлечься и другими женщинами (для вдохновения).

Еще в 1983 году Тальков познакомился в ресторане «Прага» с тамошней певицей Мариной Абрамовой. А шесть лет спустя они стали любовниками. По словам М. Абрамовой:

«Близость с Игорем случилась в 1989 году, когда мы поехали на машине его друга – усатого Володи на дачу к другу Игоря, в

Немчиновку. Закусили, поплясали, а потом под пение соловьев все и произошло. В светелке на втором этаже...

Мы поняли, что не можем друг без друга. Сняли трехкомнатную квартиру в Медведково. Прямо под звездами – на 17-м этаже! Для тайных встреч, которые были не настолько частыми, но они были «сочными». Игорь завел себе халат в полоску, в шкафу висели на всякий случай куртка из свиной кожи, несколько рубашек и штаны-бананы. Обычно мы занимались сексом в течение часа без перерыва. Потом Игорь, как был, – без трусов, накидывал рубашку на голое тело или халат и брал в руки гитару. И вот так на койке, скрестив ноги по-турецки, он мне пел свои песни. Просто обожал «Скажи, откуда ты взялась?». Я была первым слушателем «Чистых прудов», «Летнего дождя», «Есаула».

Кстати, он очень любил сочинять на кухне. Пьет кофе и пишет. Бывало, я ему что-то подсказывала по текстам. У нас появился некий ритуал: после исполнения Тальковым «Моя неведомая страсть, моя нечаянная радость...» мы продолжали жарко заниматься любовью...

Не могу сказать, что мы прятались от посторонних. На дачи выбирались, я на все его московские концерты ходила. Ездили в редакцию «Останкино» к диктору Борису Васину и Юрию Николаеву. Они тогда оба крепко зашибали. Мы с ними постоянно пили спирт «Ройял»... Наш бурный роман длился два года, до самой гибели Игорька...»

Однако о гибели Талькова мы расскажем чуть позже, а пока продолжим знакомство с его творческой биографией.

Время, когда звезда Талькова засияла на небосклоне отечественной эстрады, – конец 80-х. Это было время, когда страну уже сотрясали конвульсии скорого распада огромной империи. Уже пролилась первая кровь в Нагорном Карабахе и Оше, уже Борис Ельцин превратился в мученика за идею и целеустремленно шел к своему будущему президентству. Рупор перестройки журнал «Огонек» в русле либеральной *гласности* из номера в номер разоблачал Сталина и пел осанну шестидесятникам, а телевизионная передача «Взгляд» ковала из рок-звезд национальных кумиров. В этом бушующем котле политических страстей варились все, в том числе и Игорь Тальков. Впрочем, ему это было не в диковинку, поскольку он в своем творчестве всегда тяготел к остросоциальной тематике. И хотя

телевидение упорно подавало его как певца лирического (чаще всего крутили «Чистые пруды»), сам он в своих концертах все больший и больший упор делал именно на так называемых песнях протеста. В них Тальков никого не жалел: ни коммунистов, ни комсомольцев, ни своего брата артиста. Например, про Пугачеву написал: «Ты светишь себе, себе и только, холодный твой блеск не греет нисколько. Звезда!..» Или про Андрея Макаревича: «Он когда-то был гоним, мы на него молились...». Хотя версия о гонимости лидера «Машины времени» – это всего лишь красивая легенда, созданная им самим же при попустительстве властей.

Кстати, сам Макаревич тоже не жалел Талькова. В одном из интервью он сказал про Игоря: «При совке, когда большинство музыкантов испытывало трудности в выражении своих творческих взглядов, Тальков пел про «Чистые пруды». А когда наступила перестройка и стало разрешено многое, Тальков тут же стал смелым и запел свои политические песни».

Еще в подростковом возрасте Тальков сочинил панегирик Ленину, но теперь, под впечатлением статей из журнала «Огонек», написал другую песню, само название которой говорило за себя: «Товарищ Ленин, а как у Вас дела в аду?» А в другой песне – «Стоп! Думаю себе...» – пригвоздил к позорному столбу всех советских генеральных секретарей, вместе взятых. КПСС в своих песнях он называл не иначе как КПСС-СС, проводя параллель между коммунистами и нацистами. Назвать эти песни серьезной удачей певца было бы неверно: в них юношеский максимализм автора соседствовал с кликушеством, а то и вовсе с историческим невежеством. Хотя и понять автора было можно: изучать историю по статьям в журнале «Огонек» в те годы было модно. Чтобы понять градус лютой ненависти Талькова к минувшей истории, стоит привести хотя бы некоторые строки из его тогдашних песен. Например, в «Кремлевской стене» певец декларировал следующее:

...Я пулял бы, пулял бы камнями
Прямо в лысины, у, твою мать,
Тем, кто вел страну к разорению
И народ заставлял голодать.
Не пришлось бы кастрировать хронику,

Если б я был кремлевской стеною,
Ведь другой бы была экономика,
И культура была бы иною...

А в песне «Стоп! Думаю себе...» рисовал советскую историю в стиле того же «Огонька» – как цепь сплошных преступлений и недоразумений. Так, сначала страной правил «вождь-тиран» Сталин, под водительством которого «по реке кровавых слез к берегам обмана невезучая страна держала путь». Затем досталось от певца на орехи Хрущеву: «А затем схватил штурвал кукурузный гений и давай махать с трибуны грязным башмаком». Не был обойден вниманием и Брежнев, которого Тальков назвал «пятикратным героем – кумиром дураков», который «грабил бедную страну с бандою министров и высокие награды вешал всем подряд». К настоящей истории (как и к настоящей поэзии) эти декламации не имели никакого отношения – это был типичный агитпроп, только с приставкой «анти». Этакая пэтэушная поэзия, которая плодила даже больше дегенератов, чем кондовая советская пропаганда.

Тех, кто выступал против либерал-перестройщиков и поддерживал так называемых консерваторов, которые видели в перестройке прямую дорогу к развалу СССР, Тальков называл «совками», сочинив на этот счет целую песню с одноименным названием:

Они в создании своем не виноваты,
Их выпестовала власть,
Которой выгодно плодить дегенератов.
Чтоб ненароком не пасть.
Совки, не отдадим мы вам страну!
Совки, мы объявляем вам войну!..

Повторимся, все эти политические сентенции были почерпнуты Тальковым из тогдашней перестроечной прессы, которая была в руках либерал-реформаторов и выполняла конкретную цель: представить всю советскую историю как цепь сплошных преступлений и заставить

советских людей отречься сначала от нее, а потом и от страны. Это была типичная «разводка» ушлых либеральных политтехнологов, которые создавали в стране «управляемый хаос». И Игорь Тальков играл в этом хаосе важную роль – он был чуть ли не единственным эстрадным исполнителем, кто призывал народ к топору. По сути, в его лице на эстраде функционировал «песенный «Огонек», имевший у молодежи не меньшую популярность, чем у взрослого населения одноименный журнал. Тальков решил стать на эстраде самым левым из левых и петь о том, о чем не пел никто.

Все политико-социальные песни Талькова были «залитованы» – то есть получили «добро» в союзном Министерстве культуры, где уже вовсю заправляли либерал-перестройщики, которые тоже были заинтересованы в хаосе (как говорится, ловить рыбку в мутной воде всегда легче). На этой почве с Тальковым неоднократно случались курьезные истории. Например, в 1989 году, когда он выступал в Киеве, его концерт почтили своим присутствием высокие сановники из тамошнего ЦК партии. И были страшно возмущены текстами тальковских песен. Но когда они пришли за кулисы Дворца культуры «Украина», чтобы разобраться с певцом, тот показал им бумагу из Минкульта СССР, где черным по белому было написано, что все его песни разрешены к публичному исполнению.

Проще всего Талькову было в Москве, где либеральные власти почти в открытую взяли курс на антисоветизм и не чинили певцу практически никаких препятствий: транслировали его выступления по I каналу ТВ, предоставляли лучшие площадки, а однажды даже позвали выступать... в КГБ. Тальков выступал во Дворце культуры Комитета госбезопасности на Лубянке и имел большой успех. Особенно хорошо принимали чекисты песню «Россия» – аплодисменты длились несколько минут. Это произведение стало своеобразным гимном «русских патриотов», которые в равной степени ненавидели и Сталина (его они считали тираном и убийцей), и Троцкого (этот проходил по разряду евреев – губителей русского народа).

В начале 90-х стало модным приглашать популярных эстрадных исполнителей сниматься в кино. Тогда считалось, что прежние советские кумиры уже ни на что не годятся, а новые еще только нарождаются. Вот режиссеры и снимали актеров из смежных областей.

Так на большой экран попали Геннадий Хазанов, Валерий Леонтьев, Александр Серов, тот же Игорь Тальков. Последний успел сняться только в двух фильмах: в исторической драме «Князь Серебряный» и боевике «У последней черты». В первом он играл князя Серебряного, а во втором – бандитского главаря. Первый фильм не принес Талькову ничего хорошего: когда он увидел его в готовом виде, то так сильно расстроился от увиденного, что во время премьеры в столичном кинотеатре «Октябрь» обратился к публике с репликой: дескать, простите, люди добрые, за вранье.

Второй фильм Талькова вполне удовлетворил – роль у него действительно получилась. Но итог и здесь оказался печальным: можно смело сказать, что именно эта роль в какой-то мере накликала будущую трагедию. 6 октября 1990 года был снят эпизод, где главный герой фильма (актер Евгений Сидихин) убивает всех бандитов вместе с их главарем, которого играл Тальков. И ровно через год от такого же огнестрельного ранения в грудь Тальков погибает, но уже по-настоящему.

Кстати, это было не единственное мистическое пророчество этой трагедии. Чуть раньше было еще одно.

Примерно за пару лет до убийства гастрольная судьба занесла Талькова в Ленинград. В одной с ним гостинице поселился и известный актер Александр Панкратов-Черный, который снимался там в очередном фильме. И вот однажды певец и актер оказались за одним столиком в ресторане Дома кино и коротали время в неторопливой беседе. И тут к ним подсел известный астролог Павел Глоба (его заметил Панкратов и попросил подойти). Учитывая повышенный интерес, который всегда вызывает у людей астрология, нетрудно догадаться, на какую тему заговорили актер и певец с появлением Глобы – об астрологии.

Слово за слово, но вскоре Тальков стал подтрунивать над Глобой: мол, дурите народ! Астролог, естественно, обиделся и попросил певца назвать дату своего рождения, а также показать ладонь. Когда тот выполнил эту просьбу, астролог мрачно сообщил, что у Талькова есть знак насильственной смерти, причем произойти это должно до его 37-летия. Певец должен погибнуть не своей смертью при большом стечении народа. Тут уже настала очередь смеяться Панкратова, который тоже относился к астрологии с некоторой долей сарказма.

Тогда Глоба взял его ладонь тоже и выдал не менее мрачный прогноз: «Знаки Зодиака у вас с Тальковым разные, а погибнете вы в один день и один час». Панкратов в ответ только отмахнулся: «Типун тебе на язык!»

С тех пор прошла пара лет, и все участники той беседы давно забыли о мрачных предсказаниях астролога. А зря. Поздним вечером 6 октября 1991 года Панкратов возвращался в ялтинскую гостиницу со съемочной площадки фильма «Официант с золотым подносом». Он сидел на заднем сиденье автомобиля «БМВ» и мирно дремал. Когда до гостиницы оставалась ровно половина пути, «БМВ» внезапно подрезали неизвестно откуда вынырнувшие «Жигули», и иномарка на полной скорости врезалась сначала в легковушку, затем в бордюр и, наконец, в росший на тротуаре кипарис. В результате этой аварии Панкратов получил тяжелые травмы: ему пробило голову, были сломаны 9 ребер. В тот же день его доставили в местную больницу. А утром следующего дня, включив телевизор, он узнал, что накануне вечером во Дворце спорта «Юбилейный» в Санкт-Петербурге был смертельно ранен выстрелом в упор Игорь Тальков. Предсказание Глобы сбылось, правда, наполовину. Позднее другая известная предсказательница – Джуна объяснит Панкратову, что от неминуемой гибели его спасло сильное биополе, которого у Талькова, видимо, не было.

Как же погиб Игорь Тальков?

То, что в его гибели была замешана большая политика, было понятно практически сразу. К моменту своей гибели Тальков превратился в настоящего певца-бунтаря, не выбирающего выражений. Причем в схватке между двумя лидерами – генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым и президентом Российской Федерации Борисом Ельциным, певец отдал свои симпатии последнему. И даже решил выступить в роли его... идеолога. В сентябре 1991 года он пишет песню – обращение к Ельцину с характерным названием «Господин президент», где учит того политическому уму-разуму:

Господин президент, назревает инцидент:

Мы устали от вранья, в небе – тучи воронья.

Хватит!

Господин президент, почему Ваш оппонент —
Приступник Горбачев – от Вас по левое плечо на съезде?!
Хватит!..

...Мы хотим Вас попросить поскорее заменить
На отечественный герб ненавистный людям серп и молот.
Верит в Вас, как в Бога,
Изможденная страна,
Коммунизмом пораженная,
Очнувшаяся ото сна...

В этих строчках сквозила наивная надежда певца на «доброего царя». Хотя совсем недавно он сам же пел:

Перестроились, паскуды,
Во мгновенье ока,
И пока они у трона —
Грош цена всем нам!

Впрочем, в Ельцина тогда поверили миллионы советских людей (автор этих строк тоже был в их числе), так что Тальков в этом плане был далеко не одинок. Другое дело, что он с этой своей верой полез в гущу политической свары между Горбачевым и Ельциным и должен был отдавать себе отчет, что этот поступок чреват для него самыми серьезными последствиями. Ведь популярность Талькова среди молодежи была большой, и все его поэтические декламации принимались на веру его поклонниками безоговорочно. По сути, он в тот момент занял место Владимира Высоцкого, но с одним значительным отличием – если знаменитый бард был любим в разных слоях общества (начиная от интеллигентов и заканчивая рабочими), то аудиторией Талькова была в основном молодежь (не зря его называли «певцом пэтэушного розлива»). Однако даже эта узкая направленность творчества певца вызывала беспокойство у его оппонентов – ведь молодежь была двигателем перестройки. Поэтому, видимо, и было принято решение «заткнуть рот» певцу навсегда. Тем более что его

радикализм набирал обороты. После того как он передал свою песню-обращение «Господин президент» лично Ельцину (через его личного врача) и получил его одобрение, Тальков собирался в октябре «обкатать» ее на концертах в Ленинграде, а в ноябре и в Москве. Об этих планах певца тут же стало известно горбачевцам, которые имели своих информаторов в тальковском окружении.

Поздно ночью 3 октября (за три дня до концерта в ленинградском «Юбилейном») домой Талькову позвонил некто неизвестный и посоветовал ему «снизить обороты» своей политической активности. Тальков ответил резко: «Вы мне угрожаете? Вы что, хотите войны? Вы ее получите!» Тем самым певец подписал себе смертный приговор. Бросать вызов государственной машине всегда чревато для смельчаков самыми непредсказуемыми последствиями.

Как гласят результаты официального расследования, поводом к разыгравшейся 6 октября 1991 года в «Юбилейном» трагедии стала очередность выступления артистов. По установившейся с недавних пор на российской эстраде традиции мегазвезды предпочитали выступать последними, пропуская впереди себя менее раскрученных коллег. И когда Тальков узнал, что молодую певицу Азизу собираются выпустить после него, он воспринял это как оскорбление. И бросился выяснять отношения с администратором певицы Игорем Малаховым. Их спор перерос в драку, причем началась она в гримерке артиста, но потом выплеснулась в коридор. Дрались оба Игоря отчаянно, однако сама драка ничего страшного в себе не несла – противники рисковали расквасить друг другу физиономии и не более того. Однако поскольку на дворе стояло начало 90-х, а это было время разнузданного криминала даже в отечественной эстраде, то и Тальков, и Малахов бились не голыми руками, а будучи вооружены: у певца был газовый пистолет, у Малахова – револьвер системы «наган». Именно последнему и суждено было сыграть роковую роль.

Когда к дерущимся бросились люди, стоявшие поблизости, ситуация только усугубилась. Тальков находился под Малаховым, но, вцепившись в него мертвой хваткой, не собирался его отпускать. Подоспевшие к месту драки люди попытались помочь Талькову, обрушив на Малахова лавину ударов. Именно в этот момент Малахов и выпустил револьвер из рук. Прошло еще несколько секунд, и оружие

«заговорило»: кто-то из дерущихся нажал на курок, и пуля пробила левую руку... Игоря Талькова и вошла в сердце, повредив легкое.

Истекающего кровью певца занесли в гримерную. Вызвали «Скорую помощь». А пока она ехала, стали делать певцу искусственное дыхание, что категорически запрещено – при огнестрельном ранении оно не делается. В результате из сердца раненого выкачали последнюю кровь. Когда наконец приехала «Скорая», врачу лишь пришлось констатировать биологическую смерть Талькова и заявить, что никакая помощь певцу уже не поможет.

В эту официальную версию уже тогда мало кто поверил. Не оспаривая саму причину конфликта между Тальковым и Малаховым, скептики были убеждены, что эта ссора намеренно спровоцирована заказчиками убийства Талькова. Чуть позже медсестра, которая присутствовала при перевозке Талькова из «Юбилейного» в больницу, расскажет, что выстрел в певца был произведен профессионалом: пуля пробила артерию и легкие так, что спасти певца было невозможно. Люди только терялись в догадках: кто именно был тем убийцей-профессионалом? Воздыхатель Азизы Игорь Малахов на эту кандидатуру явно не тянул. Как и администратор Талькова Валерий Шляфман, которого обвинили в данном преступлении спустя несколько дней. Ему вменили убийство по неосторожности: дескать, он пытался вырвать из рук Малахова револьвер и случайно нажал на курок. Самое интересное: обвинив Шляфмана, власти спокойно дали ему возможность сбежать в Израиль и только потом объявили в розыск. Все это напоминало обыкновенную «разводку»: в убийстве обвинили не причастных к нему людей, которым пообещали уход от ответственности в обмен на молчание. Так и вышло: сначала обвинение сняли с Малахова, а Шляфману разрешили уехать за кордон, прекрасно отдавая себе отчет, что из Израиля его в Россию никогда не выдадут.

Трагедии и страсти Голливуда

Ребекка Шеффер, Брендон Ли, Николь Браун

По степени своей криминализации постсоветская Россия все больше напоминает собой Америку, где убийство популярных людей давно стало нормой. Например, бедой Америки всегда считались маньяки. Однако до определенного времени они никогда не покушались на жизнь знаменитых артистов. Печальную статистику таких нападений открыл Марк Чэпмен, который в декабре 1980 года убил одного из легендарных Битлов Джона Леннона. В конце того же десятилетия маньяки добрались и до «фабрики грез»: 18 июля 1989 года в Западном Голливуде была убита восходящая звезда экрана Ребекка Шеффер. Убийцей оказался 17-летний юноша Роберт Бардо. Суть преступления выглядела следующим образом.

Бардо влюбился в Шеффер в 1987 году, когда на телевизионных экранах страны демонстрировался фильм с ее участием под названием «Моя сестра Мэй». До этого кумиром Бардо была Саманта Смит, та самая девочка, которая прославилась тем, что в 1983 году съездила в СССР по личному приглашению Юрия Андропова. Бардо настойчиво добивался встречи с Самантой, однако внезапно она погибла в авиакатастрофе. И тогда Бардо нашел себе новую жертву для обожания – Ребекку Шеффер. Влюбленный юноша стал заваливать актрису письмами, страстно изливая ей свои чувства. Эти откровения были настолько пылки, что в 1989 году актриса не сдержалась и прислала своему обожателю фотографию с дарственной надписью: «Моему дорогому Роберту». Лучше бы она этого не делала, поскольку после этого у юноши «крыша» совсем съехала набок.

Бардо внезапно решил, что знаменитость должна принадлежать только ему и никому другому. Узнав через частное детективное агентство адрес актрисы, он тут же отправился в путь. 18 июля он прибыл в Западный Голливуд и с настойчивостью маньяка стал искать в районе Фэрфакс улицу Свитцер и дом Т 120. С нескрываемым возбуждением он обращался к прохожим и, показывая фотографию

Шеффер, спрашивал: «Вы не знаете, где живет эта девушка?» Люди шарахались, но никому из них не пришла в голову простая мысль – позвонить в полицию.

Наконец в одиннадцать часов вечера Бардо нашел нужный дом. Он позвонил по домофону и стал терпеливо дожидаться, когда ему откроют дверь. Шеффер была дома и с нетерпением ожидала прихода знаменитого режиссера Фрэнсиса Форда Копполы, который намеревался предложить ей роль в третьей части «Крестного отца». Поэтому, когда раздался звонок, она бросилась к двери, уверенная, что пришел Коппола. Но едва ее тень мелькнула за стеклом, как внезапно раздался пистолетный выстрел. Пуля попала девушке в грудь, и она, обливаясь кровью, рухнула на пол.

Смертельно ранив актрису, Бардо скрылся с места преступления. Он отправился в Аризону, и в течение нескольких дней полиция не могла установить, кто же совершил это бессмысленное убийство. Вполне вероятно, что убийца мог остаться ненайденным, если бы в это дело не вмешалась родная сестра Бардо. Услышав в теленовостях об убийстве, она сразу связала его со своим ненормальным братом и сообщила о своих подозрениях полиции. Этот звонок и решил судьбу преступника.

А спустя четыре года Голливуд потрясла смерть из разряда нелепых. Ее жертвой стала тоже восходящая звезда «фабрики грез», сын знаменитого Брюса Ли Брендон. Его знаменитый отец внезапно умер в июле 1973 года от острого церебрального отека мозга. Однако его смерть вызвала множество кривотолков, поскольку у многих просто не укладывалось в голове, как виртуоз борьбы кунг-фу, непобедимый каратист по прозвищу Маленький Дракон мог умереть в 33-летнем возрасте от обычного заболевания. Поэтому в ходу были различные версии его ухода, в том числе и мистическая. По ней выходило, что Брюс приобрел в гонконгском районе Коулун Тонг (в дословном переводе – «Пруд девяти драконов») дом, в котором водились злые духи. Они и наложили проклятие на три поколения семейства Брюса Ли. Первым от этого проклятия умер Брюс, вторым должен был пострадать кто-то из его ближайших родственников. Март 1993 года, кажется, подтвердил эту версию – тогда погиб сын Маленького Дракона Брендон. Причем погиб при весьма туманных обстоятельствах.

Брендон родился в 1965 году в Окленде, штат Калифорния. Как и отец, он бредил кунг-фу и кинематографом. Лучшие из его работ – «Разборки в маленьком Токио» (1991) и «Беглый огонь» (1992). По мнению голливудских продюсеров, симпатичного Ли-младшего ждало блестящее актерское будущее, хотя внешне он мало походил на отца (у Брендона был рост 1 метр 82 сантиметра). 1993 год обещал Брендону покорение новых высот. В феврале он приступил к съемкам в мистическом триллере Алекса Пропаса «Ворон», а в апреле ожидалась его свадьба с голливудской звездой Элизой Хаттон. Однако...

«Ворон» снимался по книге Джеймса О'Барра, в которой повествовалось о том, как каждый год в День всех святых на некий город обрушивалась беда: банды подонков врывались в дома граждан и устраивали в них погромы. Однажды их жертвой стал популярный рок-музыкант Эрик Дрэйвен – его сбросили с моста. Через год он выбрался из могилы и отправился мстить убийцам. В роли Эрика и снимался Брендон Ли. Работа длилась полтора месяца, и в начале апреля съемки предполагалось завершить. Но 31 марта в городке Уилмингтон, штат Северная Каролина, произошла трагедия.

В сцене, которую снимали в тот день, герой Брендона, ставший призраком, должен был получить пулю в живот от поставщика наркотиков по кличке Фанбой. Но когда актер, игравший Фанбоя, выстрелил в Ли с расстояния в пять метров, тот упал и больше не поднялся. Заключение медицинского эксперта гласило: актер умер от огнестрельного ранения и большой потери крови. При вскрытии в области позвоночника Брендона было обнаружено нечто, похожее на пулю 44-го калибра.

Кинозрители всего мира испытали шок. В смерти Брендона, как и в гибели его великого отца, было немало загадочного и мистического. Так, в своем последнем фильме «Смертельная игра» Брюс Ли играл актера, который... должен был погибнуть, но выжил на съемочной площадке из-за того, что преступники подменили холостой патрон настоящим! Правда, как установило следствие, Брендона убили не преступники. Перед съемкой злополучной сцены пистолет был заряжен поддельными пулями, похожими на настоящие, с металлическими наконечниками, чтобы можно было достоверно снять стрельбу крупным планом. Затем из оружия извлекли поддельные пули и зарядили холостыми патронами. Однако из-за недосмотра

реквизитора в затворе оружия остался один металлический наконечник. По роковому стечению обстоятельств, на съемочной площадке не оказалось консультанта по стрелковому оружию – он ушел домой за несколько минут до трагедии. Поэтому никто из присутствовавших не стал настаивать на том, чтобы Брендон надел бронежилет (по правилам актер, в которого стреляют с расстояния меньше десяти метров, обязан надевать защитные средства).

Список мистических примет, предшествовавших гибели Брендона Ли, на этом не исчерпывался. Как сообщил позднее журнал «Пипл», как-то Брендон сказал другу детства, что предчувствует: он умрет неожиданно, как и отец, и обязательно на съемочной площадке.

Далее. Прочитав сценарий «Ворона», в котором его герой воскресал из мертвых, Брендон решил влезть в «шкуру» мертвеца. Он обложился мешками со льдом и несколько минут лежал без движения, представляя себе, что он умер.

Еще до гибели Брендона у «Ворона» сложилась репутация «проклятого» фильма. Например, из-за несчастного случая с электропроводкой получил серьезные увечья строитель декораций. Потом вдруг загорелся грузовик. Через несколько дней обиженный на что-то скульптор фильма разогнался на своей машине и врезался в строительные декорации. Остальное доломал мощный ураган.

Многие обвиняли во всех этих несчастьях продюсера фильма Дженнифер Рот. Ее поистине преследовал злой рок. Так, в июне 1982 года актер Виктор Морроу и двое ребят погибли на съемках другого ее фильма, после чего Голливуд вынужден был установить жесткие правила безопасности в кинопроизводстве. Как выяснилось после гибели Брендона Ли, эти меры оказались не столь жесткими. Кстати, мать Брендона – Линда Ли – подала в суд на компанию, снимавшую «Ворона», обвинив ее в смерти сына. Но судебная тяжба длится до сих пор.

Как же сложилась дальнейшая судьба фильма, где Брендон успел сняться в половине материала? Съемки его продолжились. Оставшиеся сцены с участием Брендона спустя три месяца удалось отснять с помощью компьютерной графики. Для этого продюсер Прессман выложил еще 8 миллионов долларов. Премьера «Ворона» состоялась 19 мая 1994 года. Три недели подряд фильм не выходил из пятерки самых кассовых, собрав за это время 33 миллиона долларов (конечный

итог – 50,7 млн). Не меньший успех сопутствовал «Ворону» и за пределами Америки. В мировом прокате фильм собрал 43,3 миллиона долларов, установив тем самым своеобразный рекорд: при затратах около 20 миллионов долларов он принес прибыль более 70 миллионов. Причем без всякой рекламы! Не считая, конечно, смерти Брендона Ли...

Кстати, у Брюса Ли есть еще один официальный ребенок – дочь Шеннон. Она стала оперной певицей. Однако в 1997 году, вопреки желанию матери и отчима, Шеннон бросила оперную карьеру и ушла в кино. Ее первым фильмом стал боевик «Проникнуть к орлам», в котором она сыграла роль «крутой» каратистки. Стоит отметить, что большинству приемов кунг-фу, которыми так виртуозно владели ее отец и брат, Шеннон выучилась за два месяца до съемок. И хотя ее дебют не стал настоящей сенсацией, главного Шеннон все-таки добились – вновь привлекла внимание публики к своему семейству. Сумеет ли она стать вровень со своим отцом и братом и, главное, удастся ли ей избежать проклятия, наложенного когда-то на их семью злыми духами, покажет ближайшее будущее.

Тем временем в 1994 году Америку потрясло очередное убийство – была зверски убита жена некогда популярного спортсмена, а ныне киноактера Орентэла Джеймса Симпсона, или Оу-Джея, как зовут его в Америке. Власти обвинили в этом преступлении самого Симпсона, и в январе следующего года в окружном суде Лос-Анджелеса состоялся судебный процесс над ним, за которым наблюдало более 80 процентов населения страны, чего в Америке давно уже не происходило. Однако прежде чем рассказать о перипетиях этого процесса, стоит хотя бы кратко познакомиться с биографией главного обвиняемого – Симпсона.

Орентэл родился в 1948 году в черном гетто Сан-Франциско. Его детство было безрадостным. Мать работала в больнице за нищенскую зарплату, отец сбежал еще до рождения ребенка. Предоставленный самому себе, юный Джей водил дружбу с самой отъявленной шпаной из банды «Персидские воины» и имел все шансы погибнуть от ножа или сгнить на тюремных нарах. Однако судьба оказалась к нему более благосклонна, чем ко многим его сверстникам из черного гетто. В середине 60-х Симпсон поступил в Университет Южной Калифорнии и стал выступать за его футбольную команду. В 1967 году он был ее ведущим игроком, и во многом именно его игра позволила этой

команде завоевать тогда первое место в чемпионате высших учебных заведений США.

В том же году Симпсон устроил и свою личную жизнь, женившись на Марксрайт Уитли. С этой женщиной он проживет 12 лет, в этом браке родится трое детей (правда, один из них погибнет в результате несчастного случая в возрасте 1 года и 11 месяцев).

Ранняя женитьба и рождение детей не помешали Симпсону продолжить свою успешную спортивную карьеру. В 1968 году он получил престижный приз «Хэйсман Трофи» как лучший игрок университетской команды, после чего на него обратили внимание тренеры профессиональных команд. В том же году он подписал контракт с клубом «Буффало Биллс», где стал выступать под номером 1.

Карьера Симпсона в профессиональном спорте была стремительной и принесла ему не только любовь и обожание миллионов американцев, но и огромные деньги. В 1973 году он стал лучшим игроком сезона, пробежав более 2 000 успешных ярдов. Однако в конце 70-х Симпсон почувствовал усталость и решил покинуть большой спорт: отыграв сезон в команде «Сан-Франциско, 49», он ушел в тележурналистику.

В 1978 году Симпсон познакомился с 20-летней белой красавицей Николь Браун, которая сначала была его любовницей, а в 1982 году стала официальной женой. В этом браке у них родились двое детей: дочка Синди и сын Джастин. Завершив футбольную карьеру, Симпсон работал спортивным комментатором на двух телеканалах, а также весьма успешно снимался в кино. Его кинокарьера началась еще в 1974 году, когда он стал сниматься в своих первых боевиках, самым известным из которых был «Огневая мощь» (1978) Майкла Уиннера. В начале 80-х Симпсон имел реальную возможность сыграть роль в ставшем затем культовым фильме «Терминатор», но дорогу ему перешел Арнольд Шварценеггер. В 1988–1992 годах Симпсон снимается в двух комедиях: «Голый пистолет» и «Голый пистолет – 2 1/2. Запах страха» Дэвида Цукера и детективе Ричарда Дэнаса «Не спрятаться». Помимо кино Симпсон также снимался в рекламных роликах и самую большую популярность приобрел, рекламируя апельсиновый сок, за что был удостоен от соотечественников прозвища Джуйс (Сок).

Однако в безоблачный портрет всенародного любимца пресса периодически выплескивала черные краски. Например, газетчики утверждали, что в доме Симпсонов не все ладно и Оу-Джей частенько поколачивает свою красавицу жену. Таких случаев было насчитано восемь, однако ни разу Симпсона не удалось привлечь к ответственности. Девятый случай произошел в конце 1989 года и имел самый большой резонанс.

В новогоднюю ночь 1989 года в полиции Лос-Анджелеса раздался телефонный звонок из фешенебельного района Brentwood (там же ушла из жизни Мэрилин Монро), с улицы Банди-Драйв. Звонила Николь Симпсон, которая взволнованным голосом сообщила, что муж грозит ее убить. Полиция выехала на место и, как оказалось, поспела вовремя, так как Симпсон был в невменяемом состоянии и уже успел сильно избить свою жену.

Состоявшийся вскоре суд приговорил Симпсона к двум денежным штрафам (200 долларов он должен был заплатить за дебош, а 500 долларов пожертвовать в пользу приюта для женщин, пострадавших от бытового насилия) и заставил его отработать 120 часов на общественных работах. Несмотря на огласку этого скандального события, семья Симпсонов не распалась и продолжала существовать еще три года. И только в 1992 году Николь наконец подала на развод и вскоре стала свободна.

Как выяснилось, сам Симпсон считал этот развод досадным недоразумением и даже после него продолжал добиваться благосклонности своей бывшей супруги. Связующей нитью между ними оставались дети, с которыми Николь никогда не запрещала ему видеться и участвовать в их воспитании. Был момент, когда людям, которые наблюдали за Симпсоном и Николь со стороны, казалось, что эта семья имеет все шансы вновь воссоединиться – так близки были их отношения. Например, 16 марта 1994 года вся семья Симпсонов присутствовала на премьере нового фильма с участием Оу-Джея «Голый пистолет – 33 1/3. Последний удар» и внешне ничто не напоминало об их разводе. Однако, как оказалось, это было мнимое благополучие.

Николь была красивой женщиной и даже в бытность свою женой Симпсона не испытывала недостатка внимания со стороны других мужчин. А после того, как она оказалась свободной, это внимание

стало особенно назойливым. Но Николь это только льстило, она флиртовала направо и налево, как бы пытаясь наверстать упущенное. Многие, знавшие ее, отмечали такую деталь: буквы на номерном знаке ее белого автомобиля «Феррари» читались как «опазываю на свидание». Ее лучшая подруга Кора Фишман позднее расскажет, что Николь и ее знакомая Фэй Резник чуть ли не каждый день приглашали к себе мужчин для занятий групповым сексом. Финансовые дела обеих женщин обстояли не самым лучшим образом, а постоянный прием кокаина требовал немалых денег. Вот они и завлекали в свои сети похотливых мужиков, а затем обирали их. Однако весной 1994 года Фэй Резник угодила в реабилитационную клинику и Николь осталась одна. В это время на одной из своих тренировок в спортзале она и познакомилась с 25-летним Рональдом Гольдмэном, темноволосым красавцем, который работал официантом в ресторане «Меззалуна».

Симпсон догадывался о вольном образе жизни своей бывшей жены и, как ни странно, продолжал ее ревновать. Причем сам он отнюдь не являлся образцом добродетели и имел новую любовницу – 28-летнюю топ-модель Полу Барбьери. И хотя никаких прав на Николь он уже не имел, его желание обладать ею было столь сильным, что порой он просто не находил себе места. Так продолжалось до рокового дня 12 июня 1994 года.

В тот день в шесть часов вечера Симпсон вместе с Николь посетили школьный концерт, в котором выступала с танцами их дочь Синди. После концерта в ресторане «Меззалуна» был заказан праздничный ужин, однако Симпсон на него почему-то не пошел. Видимо, он знал, что у Николь с одним из официантов этого заведения начался роман. Симпсон сел в свой роскошный «Роллс-Ройс» и отправился перекусить в один из ближайших «Макдоналдсов».

В половине девятого вечера Николь вернулась из ресторана домой на Банди-Драйв, однако там она внезапно обнаружила, что забыла в «Меззалуне» свои очки. Вполне вероятно, что она сделала это специально, чтобы таким образом вызвать к себе своего любовника Рональда Гольдмэна. Позвонив ему по телефону в ресторан, она попросила его привезти злополучные очки. И парень, несмотря на предупреждение своего хозяина, отправляется в свой последний путь. Больше никто не видел живым ни его, ни Николь, так как в тот же

вечер оба были зверски зарезаны прямо на парадных ступеньках дома Николь.

13 июня в 12.10 соседка, привлеченная лаем собаки, обнаружила их трупы и вызвала полицию. Копы, в свою очередь, первым делом допросили Симпсона. На вопрос полицейских, что он делал в период с 22.00 до 23.00 прошедшей ночью (в это время произошло убийство), тот ответил, что безвылазно находился у себя дома, в шести минутах ходьбы от дома Николь (их дома разделяло 3 километра 200 метров).

Однако вечером того же дня в руках полиции появились первые серьезные улики, ставящие под сомнение показания Симпсона. На месте преступления и на дорожке, ведущей от автомобиля к его дому, были обнаружены пятна крови, которые по своей группе были идентичны группе крови подозреваемого. Кроме этого, в саду возле дома Симпсона была найдена окровавленная перчатка на правую руку, а ее левая пара была обнаружена на месте преступления. После этого сыщики тотчас могли предъявить Симпсону обвинение в убийстве, но они решили повременить и в течение трех последующих дней собирали дополнительные улики. Наконец 17 июня адвокату Симпсона Шапиро сообщили, что все собранные улики указывают на участие в этом убийстве его клиента. Сам Симпсон в это время жил в доме своего приятеля Аля Коулинга, и, как только весть об этом обвинении дошла до них, оба сели в автомобиль Коулинга «Форд Бронко» и пустились в бег. Полицейские бросились в погоню.

Эта погоня длилась около полутора часов. Причем с 18.50 американское телевидение включило ее прямую трансляцию и миллионы граждан США, затаив дыхание, наблюдали за всеми перипетиями на главной автостраде Лос-Анджелеса. Наконец в 20.45 в доме своей матери, к которой он заехал, чтобы проститься, Симпсон был арестован и вскоре помещен в одну из камер главного полицейского управления Лос-Анджелеса. 18 июня его отправили в одиночку центральной окружной мужской тюрьмы, где он и находился до суда.

Предварительное следствие по этому делу продолжалось более полугода, и за это время было собрано достаточно доказательств вины Симпсона. Эти доказательства были предъявлены суду присяжных, который открылся 23 января 1995 года в Лос-Анджелесе. Перед его началом Симпсон сделал беспроигрышный, по его мнению, ход,

заявив, что заплатит 500 тысяч долларов тому, кто наведет следствие на след истинного убийцы его бывшей жены.

Среди 12 присяжных (их выбирали из 800 претендентов) оказалось 9 чернокожих граждан США, 2 белых и один латиноамериканец (десять человек из них были женщины). Этим людям, как и полагается, отбирали очень тщательно и долго. Суду требовалось, чтобы они не имели в прошлом никаких контактов с участниками процесса и не успели составить собственного мнения по этому делу. Буквально за несколько недель до начала суда всех их наглухо изолировали от внешнего мира, поселив в гостинице, название которой было строго засекречено. Во время этого «сидения» им не разрешалось встречаться с родными и близкими, смотреть телевизор, вся почта тщательно проверялась. За исполнение гражданского долга им платили символическую сумму в 5 долларов, поэтому уличить их в денежной корысти было невозможно.

Со стороны обвинения на процессе выступили 9 человек во главе с заместителем окружного прокурора Масией Кларк. Со стороны защиты – 8 человек во главе с главным защитником Джонни Кохрэнном. Как писала в те дни американская пресса, в отношении своих защитников Симпсон не скупился на затраты и платил им по 20 тысяч долларов в день.

Сначала со стороны обвинения выступил шофер Алан Парк, которого Симпсон вызвал в тот роковой день 12 июня к себе на дом для того, чтобы тот отвез его в аэропорт (Симпсон собирался улететь в Чикаго). Шофер рассказал, что он приехал к дому Симпсона в 22.22 и позвонил в дверь. Однако ему никто не открыл. Шофер обратил внимание, что в доме погашен свет. Все говорило, что хозяина дома нет. Однако уезжать, не выполнив заказ, Парк не решился и продолжал периодически звонить в дверь, надеясь, что ему кто-нибудь откроет. Так продолжалось до 11 часов вечера. Именно в это время шофер увидел, как с другой стороны к дому крадущейся походкой приблизился мужчина, разглядеть которого он не сумел. Однако, как только Парк вновь позвонил в дверной звонок, дверь отворилась и на пороге появился Симпсон. Он извинился перед шофером и сообщил, что крепко спал, поэтому не слышал звонков.

Вывод обвинения: все это время Симпсон не спал, а был на Банди-Драйв, где совершил убийство своей бывшей жены и ее

любовника.

Однако защита тут же предъявила собственные аргументы против этого обвинения. Убийство произошло в 22.15, но в 22.20 соседи Симпсона видели его автомобиль «Роллс-Ройс» на стоянке возле дома. Далее, по словам соседа Симпсона актера Като Кэлина, с 21.00 до 21.37 они вместе с Симпсоном ходили за гамбургерами. Правда, ели они их порознь. Однако Кэлин заявил, что, расставшись с ним, Симпсон ушел к себе домой.

Кроме этого, защита имела на руках еще одно доказательство: между 22.00 и 22.1 °Симпсон звонил по мобильному телефону своей любовнице Поле Барбьери. И хотя в тот момент ее дома не оказалось, однако телефонная станция зафиксировала этот звонок. После этого неудачного звонка Симпсон взял клюшку для игры в гольф и несколько минут играл во дворе. Именно в это время на Банди-Драйв происходила резня, поэтому быть там Симпсон никак не мог.

Следом за этим сторона обвинения сообщила, что перчатки, найденные возле дома Николь и возле дома Симпсона, являются одной парой. А на той, что была найдена на месте преступления, имеются следы крови, которая идентична по группе крови Симпсона. Более того, эта же кровь найдена на бедре Николь и под ногтями на ее руках. Эти аргументы были бы убийственными для любого другого подсудимого, но не для Симпсона.

Его защита парирует: с анализами крови не все ясно, так как какой-то фермент не подходит по группе ни одному из убитых, а также и самому Симпсону. И этой экспертизой нельзя пренебречь, так как ее делал известный в мире генетик Юрий Верлинский из Чикагского университета. По мнению защиты, полицейский, взявший пробы крови, полдня в июньскую жару носил ампулы в кармане, а это могло существенно исказить результаты анализов.

– И вообще, – заявил главный защитник Джонни Кохрэн, – мой подзащитный страдает от артрита и многочисленных травм, полученных им на футбольном поле, и поэтому просто физически не способен был убить двух человек, один из которых молодой мужчина 25 лет!

Тем временем обвинитель предъявляет еще одно доказательство: на убитой обнаружено несколько волосков Симпсона. И вновь защита парирует: прибывшая к месту происшествия полиция, осмотрев тела

убитых, накрыла тело Николь одеялом из ее дома. Но ведь Симпсон когда-то жил в этом доме, спал в нем и, вполне вероятно, укрывался именно этим одеялом.

Еще одним аргументом попытался воспользоваться черный обвинитель Крис Дарден. Он предложил прямо в зале суда померить Симпсону найденные на месте преступления и в его доме перчатки. Тот согласился, стал их надевать, но они хоть и налезли на его руки, однако с большим трудом. «Тесноваты», – торжествующе произнес Симпсон, пробивая тем самым еще одну брешь в доводах своих обвинителей.

Следом выступил другой обвинитель – детектив Марк Фрумэн, который первым прибыл к месту происшествия 12 июня и нашел злосчастную перчатку. Однако сразу после его выступления защита вдруг заинтересовалась: не является ли он в душе расистом и не хочет ли преднамеренно ошельмовать чернокожего Симпсона? «Я никогда не был расистом!» – твердо ответил Фрумэн. Как оказалось, именно такого ответа от него и ждала защита. Едва это произошло, как суду были предъявлены аудиокассеты с записью одного интервью, которое Фрумэн дал несколько лет назад некой преподавательнице колледжа Лоре Мак-Кини. В нем он признавался, что не любит чернокожих и порой избивает их при арестах. Во время всего своего интервью Фрумэн произнес слово «ниггер» 41 раз! «И этот человек представляет сегодня сторону обвинения?!» – торжествующе заявила защита.

Можно сказать, что именно с этого момента весь процесс круто изменил направление и инициатива перешла в руки защиты. Джонни Кохрэн произнес пламенную речь в защиту Симпсона и заявил, что все это дело подстроено полицейскими-расистами. И хотя разумные головы утверждали, что подобная фальсификация, имея она место на самом деле, потребовала бы координированного участия двух десятков людей и добиться их абсолютной слаженности в такой короткий срок практически невозможно, их доводы были как глас вопиющего в пустыне. Между тем во время выступления Кохрэна одна из присяжных даже разрыдалась.

Стоит отметить, что в те дни в Америке мнения по поводу виновности Симпсона разделились по расовому признаку: 77 % белых американцев против 18 % считали его виновным, тогда как 72 % негров против 20 % думали, что он ни в чем не виноват. А ведь, как мы

помним, в числе 12 присяжных, решавших судьбу Симпсона, 9 человек были чернокожими. Поэтому многие наблюдатели еще в самом начале процесса высказывали предположение, что Симпсона вполне могут оправдать. У всех на памяти еще были события 1992 года, когда в том же Лос-Анджелесе несколько полицейских избили негра Родни Кинга за нарушение дорожных правил. Жюри присяжных, в котором 10 человек были белыми, оправдало полицейских, и в городе тут же вспыхнули негритянские бунты. В результате погибло и было ранено около сотни человек. После этого полицейских судили повторно и на этот раз приговорили к различным срокам тюремного заключения. Симпсон был гордостью чернокожего населения Америки, и если бы его осудили после зажигательной антирасистской речи Кохрэна, это могло вызвать новую вспышку недовольства среди негров.

3 октября 1995 года вся Америка замерла в ожидании окончательного вердикта по делу Симпсона. Сам президент США Билл Клинтон прервал свою работу в Овальном кабинете Белого дома и пошел смотреть прямую трансляцию по ТВ в кабинет своего секретаря. И вот наконец было оглашено решение присяжных: Симпсон не виновен по всем пунктам обвинения. Причем это судьбоносное решение было выработано ими за 4 часа, хотя сам процесс растянулся на долгих 8 месяцев. На нем выступило 133 свидетеля, было предоставлено 1100 вещественных доказательств, протоколы суда уместились на 45 тысячах страниц.

После оглашения этого вердикта белая Америка впала в шок, черная, наоборот, ликовала. Семья убитого Рона Гольдмэна разрыдалась в зале суда, Гольдмэн-старший заявил: «День убийства моего сына был самым кошмарным днем моей жизни. День этого вердикта – второй такой же кошмар».

Уже на следующий день многие американские газеты вышли с заголовками типа: «Это Правосудие или Американский Кошмар?» В многочисленных статьях отмечалось, что Симпсон, имевший на своих счетах 100 миллионов долларов, просто откупился от правосудия (на одних адвокатов он истратил 10 миллионов). Какой простой американец, вопрошали газеты, мог бы позволить себе подобное?

Тем временем в фешенебельном Brentwude, куда Симпсон вернулся после суда, все дома и заборы были увешаны плакатами с надписями: «Виновен» и «Добро пожаловать в район проживания

брентвудского мясника». Симпсону дали понять, что его пребывание здесь нежелательно. Он тут же съехал из своего особняка и временно поселился в другом аристократическом месте – Беверли-Хиллз, на вилле своего старого друга, шефа телекомпании Эн-би-си Дона Олмейера. Там он и прожил, как в заточении, две недели, после чего решил наконец выйти на люди. Однако, прежде чем это сделать, он с помощью одного голливудского гримера изменил свой облик: ему наклеили густую бороду, а на нос водрузили очки. Только после таких мер предосторожности Симпсон решился выйти на улицу и остаток ночи провел в одном из дорогих ресторанов.

Стоит отметить, что в начальный период заточения Симпсона в тюрьме его любовница Пола Барбьери верно ждала его,нося ему передачи. Но в мае 1995 года они поссорились во время очередного свидания и Пола сошлась с голливудским магнатом Ионом Петерсом. Однако Симпсон буквально одолел ее телефонными звонками из тюрьмы, и сердце Пола дрогнуло: они помирились. Поэтому, когда Симпсона оправдали и он вышел на свободу победителем, многим казалось, что его союз с Полой должен вполне закономерно завершиться законным браком. Но увы... Симпсон внезапно увлекся моделью Гречен Стокдейл, рекламировавшей нижнее белье известной голливудской фирмы «Фредерикс». Пола прознала про эту связь и тут же указала Симпсону на дверь.

В конце января 1996 года на американском видеорынке появилась кассета Симпсона «Интервью», в которой он настаивает на том, что убийство его бывшей жены – дело рук колумбийской наркомафии. Мол, та хотела убрать какого-то свидетеля, но перепутала адреса и в результате порешила невинных. Однако даже не слишком разборчивые телекомпании отказались рекламировать этот видеофильм, полагая его неправдоподобным. Зато выход другого произведения, также посвященного этому громкому преступлению, вызвал в США небывалый ажиотаж. Речь идет о книге прокурора Кристофера Дардена (он выступал обвинителем на процессе) под названием «В подробностях». Книга была названа так отнюдь не случайно: в ней подробно воспроизводились обстоятельства убийства 12 июня 1994 года.

По версии Дардена, в тот роковой вечер Симпсон тайком пробрался к дому Николь и заглянул в окно. Его бывшая жена

хлопотала по дому, явно ожидая гостя. Николь зажгла свечи, а Симпсон прекрасно знал, что это верный признак того, что его бывшая супруга собиралась заняться сексом. Приступ звериной злобы нахлынул на Симпсона, и он уверенным шагом двинулся к входной двери дома. Зная о том, что видеосистема «интерком» не работает, он смело нажал на кнопку звонка. Услышав его трель, Николь, как была в легком черном платье, бросилась открывать, твердо уверенная, что это пришел ее любовник. А когда она осознала свою ошибку, было уже поздно. Едва дверь отворилась, Симпсон ударил женщину кулаком в лицо, а затем, не давая ей опомниться, выхватил заранее припасенный нож и полоснул им по лицу жертвы. Обливаясь кровью, Николь рухнула на пол, а убийца нагнулся над ней и четыре раза пронзил клинком. В это самое мгновение он внезапно услышал, как скрипнула входная калитка и кто-то вошел в сад. «Это тот, кого она ждала», – догадался Симпсон и спрятался за дверью.

Это действительно был Рональд Гольдмэн, 25-летний официант из «Меззалуны». Уверенным шагом он шел к своей любовнице, не подозревая, что Николь уже мертва и через несколько секунд ему тоже суждено отправиться следом за ней. Как только он подошел к двери, та внезапно отворилась, и с ножом в руке выскочил Симпсон. Последовало несколько молниеносных ударов в грудь и живот, и Гольдмэн упал. Симпсон нагнулся и привычным движением перерезал ему горло. После этого он подошел к Николь и, хотя она была уже мертва, резким движением отрезал ей голову, достав ножом до самого хребта. Так, по мнению прокурора Кристофера Дардена, совершилось это убийство, всколыхнувшее всю Америку.

Еще одна версия этого преступления была высказана в суде, однако доказать ее не удалось. Выглядела она следующим образом.

В тот роковой вечер шофер Алан Парк видел на стоянке возле дома Симпсона два автомобиля. Один из них был «Роллс-Ройс», марку второй машины он не разглядел. Однако в час ночи вернулась из кинотеатра дочь Симпсона от первого брака Арнелл, которая никакой второй машины на стоянке уже не застала и поэтому спокойно поставила свой черный «Сааб» на пустующее место. Таким образом, если Парк ничего не напутал, в промежуток времени между 22.22 и часом ночи на стоянке находилась загадочная машина, владелец которой в дальнейшем так и не объявился. Поэтому была высказана

версия, что она могла принадлежать сообщнику Симпсона, который вполне мог совершить это убийство. Затем он вернулся в дом Симпсона (сигнализация в доме в тот вечер была почему-то отключена), переоделся в другую одежду и уехал на загадочном автомобиле. Именно этого человека Алан Парк мог видеть в тот вечер крадущимся к дому Симпсона. Однако кто именно был этим человеком, следствию установить так и не удалось.

За прошедшие годы имя Симпсона периодически появлялось в американской печати, в основном в связи с какими-нибудь новыми скандалами. Взять свежий случай: весной 2001 года его имя всплыло в связи с участием в съемках... порнухи. Якобы под впечатлением любительского порнофильма, снятого актрисой Памеллой Андерсон и музыкантом Томми Ли и его прибыли в 56 миллионов долларов, Симпсон решил снять нечто подобное. Пригласив в номер отеля «Мьюини» в Майами двух путан, Симпсон предался с ними самому разнузданному сексу. Эту оргию через отверстия в стене снимал известный порнорежиссер Питер Дейви. На все про все у порнодельцов ушло около трех часов и 20 тысяч долларов (включая гонорар путанам и покупку микрокамер). Правда, концовка фильма была смазана. Дело в том, что в начале шестого утра в номер Симпсона постучал портье и сообщил, что за его окнами кто-то следит. Оу-Джей выглянул в окно и на самом деле увидел на противоположной улице спины двух убегающих мужчин. «Проклятые папарацци!» – закричал Симпсон и бросился в погоню за мужчинами. Однако пока он спускался вниз, их уже и след простыл. А через день эта история всюду гуляла по страницам американской прессы. Но, говорят, Симпсона это совсем не испугало: он намеревался снимать продолжение своей любительской порнухи, но теперь уже на Багамах. Сейчас Симпсон сидит в тюрьме, приговорен к 33 годам лишения свободы.

По прозвищу Артист Сергей Шевкуненко

Кинематограф не случайно называют Великим обманщиком. Но было бы сильным заблуждением считать, что кино обманывает только зрителей, рисуя перед ними вместо реального мира вымышленный. Еще чаще оно обманывает и самих актеров, увлекая их в опасное путешествие по лабиринтам своего заэкранья, где грань между реальной жизнью и вымыслом становится настолько тонкой, что многие актеры перестают эту грань отличать. И если жернова кинематографического молоха с легкостью перемалывают судьбы многих взрослых актеров, то юных звезд он губит еще быстрее.

История, которую я хочу рассказать, по-своему уникальна и практически не имеет аналогов в летописи российского кинематографа. Она рассказывает о том, как подававший большие надежды актер волею судьбы угодил в тюрьму и довольно быстро добился славы и признания совсем в другой среде – уголовной. Последней ступенькой, на которую сумел забраться в преступной иерархии этот бывший актер, была должность «положенца», которая предшествует самому высокому титулу в уголовной среде – вору в законе. Имя этого человека – Сергей Шевкуненко.

Шевкуненко родился в семье творческих работников: его отец, Юрий Александрович, был известным драматургом, пьесы которого шли во многих театрах страны, мама, Полина Васильевна, в молодые годы была актрисой. В 1938 году она поступила в ГИТИС, однако из-за начавшейся вскоре войны не смогла его окончить (ушла после третьего курса). Она устроилась работать актрисой в Театр Красной Армии, где судьба и свела ее с Шевкуненко, который в то время проходил службу в армии в качестве актера ЦТКА (он перед этим окончил Воронежское театральное училище). В 1942 году молодые поженились, а спустя три года, 17 июля 1945 года, на свет появился первенец – дочь Ольга.

Осенью 1952 года семья Шевкуненко вернулась на родину из Германии (супруги играли в драмтеатре при Группе советских оккупационных войск) и устроилась в труппу Московского драмтеатра (Спартакoвская улица, 26). Однако если Полину актерская стезя вполне

устраивала, то Юрий в ней разочаровался и с головой ушел в литературу. Он стал выступать во многих печатных изданиях с рецензиями, посвященными театру и кино. В 1955 году Юрий поступил на заочное отделение Литературного института имени Горького. А в октябре следующего года его пригласили в качестве старшего редактора с окладом в 1410 рублей на главную киностудию страны «Мосфильм». Покровителем Шевкуненко в этом случае выступил режиссер Московского драмтеатра Валентин Невзоров, с которым Юрий подружился, работая в труппе актером. В середине 50-х Невзоров ушел из театра в кинематограф и в 1956-м решил пополнить отечественную киноленинскую собственным фильмом на эту тему – «Семья Ульяновых». И в качестве помощника в написании сценария (он базировался на пьесе Ф. Попова «Семья») взял Шевкуненко. А когда работа была завершена, рекомендовал Юрия руководству «Мосфильма» на должность старшего редактора.

На новом месте Шевкуненко достаточно быстро освоился, обзавелся полезными знакомствами и приложил руку к созданию многих известных кинофильмов. Среди них: «Поединок» (1957) и «Накануне» (1959) Владимира Петрова, «Ветер» (1958) Александра Алова и Владимира Наумова, «Капитанская дочка» (1959) Владимира Каплуновского, «Неотправленное письмо» (1961) Михаила Калатозова и др. Кроме этого Шевкуненко продолжал выступать в печати с критическими статьями, а также писал пьесы для театров. Вся эта деятельность приносила ему неплохой заработок, который позволял молодой семье с оптимизмом смотреть в свое будущее. Каких-нибудь несколько лет назад они ютились в скромной комнатке в Новоконюшенном переулке, но после того как Юрий перешел работать на «Мосфильм», семья получила ордер на куда более просторную квартиру в новом доме напротив киностудии – улица Пудовкина, дом 3, куда они переехали вчетвером (с ними еще жила 65-летняя мама Юрия Александровича Елена Васильевна). Все эти обстоятельства позволили Полине Шевкуненко уйти из театра и целиком посвятить себя домашнему хозяйству. А спустя какое-то время супругам пришла мысль завести второго ребенка. И хотя в августе 1959 года Полине Васильевне исполнилось 40 лет, будущих родителей это не испугало. В итоге 20 ноября того же года на свет появился мальчик, которого назвали Сергеем.

Радость родителей новорожденного была безмерной. Например, отец мальчика, вдохновленный этим событием, написал пьесу «Сережка с Малой Бронной», которая стала поводом для появления песни с аналогичным названием, ставшей шлягером в исполнении Марка Бернеса.

Между тем служебная карьера главы семейства продолжала идти ввысь. В январе 1960 года Шевкуненко занял кресло главного редактора 2-го творческого объединения «Мосфильм» с окладом в 2000 рублей. Прошло всего-то ничего – восемь месяцев, и Шевкуненко получил новое повышение – стал директором этого объединения. И его оклад вырос еще на тысячу рублей. Следом за главой семьи сюда же потянулись и его родственники. Сначала на киностудию пришла Ольга. Летом 1962 года она окончила среднюю школу № 74 Ленинского района Москвы и в июле того же года была принята на «Мосфильм» в качестве ученицы монтажера 1-го разряда. Девушка быстро завоевала в новом коллективе авторитет: вошла в редколлегию стенной газеты, была принята в ряды ВЛКСМ. В 1963 году ее включили в агитационную бригаду на очередных выборах в местные Советы.

Так продолжалось до марта 1963 года, пока над головой Юрия Шевкуненко внезапно не сгустились тучи. Руководство студии обвинило вверенное ему объединение в низкой эффективности и наказало его директора понижением по службе. И Юрий Александрович вновь вернулся в кресло исполняющего обязанности главного редактора 2-го объединения. Говорят, это понижение сильно ударило по самолюбию Шевкуненко. Переживания, сопутствующие этому, привели к развитию болезни века – раку. И совсем недавно пышущий здоровьем мужчина превратился в глубокого старика. Развязка наступила в конце 1963 года. 20 ноября в семье было торжественно отмечено 4-летие самого младшего представителя семейства – Сергея, а спустя месяц Юрий Александрович скончался. По роковой случайности Шевкуненко ушел из жизни на 44-м году – в том самом возрасте, в котором два года назад умер и его близкий друг Валентин Невзоров. Так некогда благополучная семья Шевкуненко в одночасье потеряла свою главную опору.

Именно потеря кормильца вынудила Полину Васильевну снова устраиваться на работу. В декабре того же 63-го она написала

заявление с просьбой оформить ее на «Мосфильм». Учитывая тот авторитет, которым пользовался все эти годы на студии ее муж, отказать женщине не посмели. И 2 января 1964 года Полина Шевкуненко была принята на главную киностудию страны в качестве ассистента режиссера 1-й категории. И сразу была включена в состав съемочной группы фильма Эльдара Рязанова «Дайте жалобную книгу» с месячным окладом в 130 рублей. А за 4-летним Сережей взялась присматривать его бабушка Елена Васильевна.

По словам тех, кто знал эту семью, Сергей с малых лет рос чрезвычайно талантливым ребенком. В четыре года он уже умел читать, в восемь – осилил двухтомную «Сагу о Форсайтах». Как ни странно, но в отличие от большинства своих сверстников, которые буквально бредили кино и мечтали стать актерами, у Сергея такой мечты не было. И это при том, что и мама, и его старшая сестра Ольга имели самое непосредственное отношение к кинематографу и трудились на «Мосфильме». Мама, как мы помним, работала с Эльдаром Рязановым (на «Жалобной книге» и «Берегись автомобиля»), а Ольга в качестве монтажера (к февралю 1964 года она прошла путь от монтажера 1-го разряда до 6-го) принимала участие в работе над несколькими хитами, в том числе монтировала «Андрея Рублева» А. Тарковского. Но Сергея в те годы кино мало привлекало. Он больше хотел стать военным, чем артистом, и его родственники эту мечту в нем поддерживали, поскольку хорошо были знакомы с изнанкой актерской профессии. Однако жизнь рассудила по-своему.

Увлечение Сергея литературой отнюдь не означало, что он рос домашним ребенком. Большую часть времени он все-таки проводил во дворе на улице Пудовкина по соседству с «Мосфильмом», где считался неформальным вожаком. У него и прозвище среди сверстников было соответствующее – Шеф. Поначалу оно звучало иначе – Шева, как производное от его фамилии, но потом, когда в Сергее все ярче стали проступать лидерские качества, предпоследняя буква поменялась сама собой, а последняя вовсе отпала за ненадобностью. Шевкуненко его прозвище нравилось: верховодить он действительно любил. Так было и в родном дворе, и за его пределами: даже в пионерском лагере для детей киношников «Экран» под Загорском Сергей всегда был в эпицентре внимания. А когда тамошние вожатые попытались

приструнить не по годам делового паренька, он попросту... сбежал из лагеря в Москву.

О своих дворовых амбициях Сергей забывал только в стенах родного дома. Здесь безусловным авторитетом пользовалась его старшая сестра Ольга, к которой мальчик был сильно привязан. Поскольку их мать большую часть времени проводила на работе (моталась со съемочными группами фильмов «Да и нет», «Весна на Оudere», «Бег иноходца», «Дубровский», «Путь в бездну», «Возвращение «Святого Луки» по экспедициям, из-за чего и отпуска у нее обычно выпадали на конец года – на ноябрь и декабрь), воспитанием Сергея занималась именно Ольга, которая была старше своего брата на 14 лет. Но эта большая разница в возрасте совершенно не отражалась на их взаимоотношениях. Глядя на них, мать не могла нарадоваться: в редких семьях, где росли брат и сестра, было такое взаимопонимание между детьми, как это было в семье Шевкуненко. Но эта идиллия длилась недолго.

Летом 1967 года Ольга надумала поступать во ВГИК и уволилась с «Мосфильма». Экзамены она сдала успешно и уже в сентябре стала студенткой сценарного факультета. К тому времени в стране свои последние дни доживала хрущевская «оттепель». Длилась она недолго – чуть меньше десяти лет, однако след в жизни общества оставила незабываемый. Только при ней страна впервые за долгие годы вздохнула полной грудью. Оживление отмечалось во всех сферах жизни, в том числе и в кинематографе. Появилась целая плеяда молодых талантливых режиссеров, которые в своих работах попытались выйти за рамки набившего оскомину «социалистического реализма» и показать окружающую их жизнь такой, какой она была на самом деле. Однако после смещения Никиты Хрущева в октябре 1964 года приказало долго жить и его детище. Новое руководство взяло курс на подавление дарованных «оттепелью» свобод. Как итог появились запрещенные фильмы (тот же «Андрей Рублев» лег на полку на пять лет), книги, спектакли. И центр жарких диспутов о политическом переустройстве страны переместился с широких площадей на малогабаритные кухни. Не стало исключением и семейство Шевкуненко: Полина Васильевна и Ольга часто собирали у себя дома коллег из творческой среды, и жаркие дебаты на политические темы иной раз продолжались до рассвета.

Между тем, будучи студенткой ВГИКа, Ольга влюбилась. Ее избранником стал Семен Галкин. Он был из интеллигентной еврейской семьи, которая тоже не отличалась большой лояльностью к властям. Как и многие советские евреи, Галкины с конца 60-х стали вынашивать планы отъезда из страны на свою историческую родину – в Израиль. Однако необходимые условия для этого созрели только в начале следующего десятилетия.

Все началось 24 февраля 1971 года, когда в центре Москвы, прямо напротив Кремля, несколько десятков евреев захватили приемную Верховного Совета СССР и потребовали от советских властей разрешения покинуть страну. Поскольку к этой акции были привлечены зарубежные корреспонденты, уже вечером того же дня о ней стало широко известно за границей. И советское руководство побоялось применять к «захватчикам» репрессии. Более того, в Кремле немедленно собралось Политбюро и обсудило возникшую проблему. Большинство высказалось за то, чтобы разрешить всем желающим лицам еврейской национальности эмигрировать из страны. Правда, с одним условием: они должны были заплатить своеобразный оброк – как плату государству за те деньги, которые оно потратило на их образование, бесплатную медицину и т. д. Деньги получались солидные – несколько тысяч рублей, но будущих отъезжантов это не испугало. И уже во второй половине 1971 года из страны уехало около сотни человек, в том числе и достаточно знаменитых. Речь идет об эстрадном певце Жане Татляне, кинорежиссере Михаиле Калике, художнике Михаиле Шемякине, оперном певце Михаиле Александровиче. В следующем году к этой плеяде присоединился и поэт Иосиф Бродский.

Именно в 1972 году разрешение на отъезд получили Ольга и Семен Галкины. Супруги эмигрировали в Израиль, а чуть позже перебрались оттуда в США.

Отъезд Ольги больнее всего ударил по ее младшему брату. Это событие стало тем рубежом, после которого жизнь Сергея Шевкуненко медленно пошла под откос. Незадолго до этого из жизни ушла его бабушка Елена Васильевна, а с уходом из дома сестры он потерял самого близкого человека, который все это время опекал его и направлял по жизни. И мама Сергея прекрасно это понимала. Да и как было не понять, когда после отъезда Ольги у Сергея все пошло

наперекосяк: он стал плохо учиться, связался с дурной компанией и был взят на учет детской комнатой милиции. Мать забила во все колокола, стала лихорадочно искать любую возможность, чтобы не дать сыну скатиться в пропасть.

Как мы помним, большой мечты сниматься в кино у Сергея никогда не было. Но, когда в его жизни начались проблемы переходного возраста, мама именно в кинематографе увидела ту спасительную соломинку, которая могла бы отвести сына от дурного. И Полина Васильевна чуть ли не собственноручно привела его на съемочную площадку. Произошло это в самом начале 1973 года. В те дни на «Беларусьфильме» режиссер Николай Калинин задумал экранизировать дилогию Анатолия Рыбакова «Кортик» и «Бронзовая птица» и усиленно искал исполнителей на главные детские роли. По большому счету шансы получить роль у Шевкуненко были. Правда, роль одну из многих, но отнюдь не главную. Однако автор дилогии Рыбаков был когда-то дружен с его отцом Юрием Александровичем, что во многом предопределило дальнейший ход событий. Но бесспорно и другое: не будь Сергей талантлив, вряд ли протекция автора книги сыграла бы решающую роль в его утверждении на роль Миши Полякова.

Съемки «Кортика» и «Бронзовой птицы» велись параллельно весной – осенью 1973-го в Гродно и Вильнюсе. По мнению многих участников съемок, Шевкуненко довольно скоро справлялся с ролью и совершенно не тушевался в присутствии маститых актеров, занятых в картине: Зои Федоровой (она была другом их семьи), Эммануила Виторгана, Михаила Голубовича, Романа Филиппова и других. А актеров-сверстников, которых в картине было большинство, Шевкуненко и вовсе переигрывал почти во всех сценах фильма. Поэтому отнюдь не случайно, когда в самом начале июня 1974 года состоялась премьера «Кортика», именно на долю Шевкуненко выпал самый большой успех. Как принято говорить в подобных случаях, на следующий день он проснулся знаменитым.

Практически каждое десятилетие советский кинематограф выдавал на-гора одного, двух, а то и сразу нескольких детей-звезд. В 50-е это были Олег Вишнев («Васек Трубачев и его товарищи»), Слава Муратов («Последний дюйм»), Паша Полунин («Судьба человека»), в 60-е – Вова Семенов («Нахаленок»), Коля Бурляев («Иваново

детство»), Сеня Морозов («Семь нянек»), Сережа Тихонов («Деловые люди»), Лина Бракните («Три толстяка»). Парадоксально, но факт: впоследствии только двое из этой когорты детей-звезд избрали кино своей профессией – Николай Бурляев и Семен Морозов. Остальные выбрали другой путь: кто-то стал библиотекарем (Бракните), кто-то военным (Муратов), кто-то таксистом (Полунин). А судьба некоторых почти в точности повторила судьбу нашего героя Сергея Шевкуненко.

Сережа Тихонов проснулся знаменитым в 1963 году, когда сыграл «вождя краснокожих» в комедии Леонида Гайдая «Деловые люди». Затем были роли еще в двух фильмах: «Сказка о Мальчише-Кибальчише» и «Дубравка». Больше некогда талантливый актер-подросток в кино не снимался. В киношных кругах ходили разные версии на этот счет. Например, говорили, что Сергей связался с дурной компанией и по этой причине его не взяли во ВГИК. Спустя несколько лет Сергей погиб: якобы во время одной из разборок кто-то из недругов толкнул его под трамвай. По другой версии, он погиб в автомобильной катастрофе вскоре после того, как вернулся из армии в начале 70-х.

Не менее трагично сложилась судьба и Володи Семенова. После «Нахаленка» он снялся еще в нескольких фильмах, однако, когда подрос, его шарм и обаяние, которые так нравились режиссерам, исчезли. И парню дали от ворот поворот. За свою недолгую жизнь Семенов сменил множество профессий, но к какому-то одному берегу прибиться так и не смог. В итоге он стал бомжем и умер в 2004 году в абсолютной нищете и забвении.

С середины 70-х на небосклоне советского кинематографа зажглось имя еще одного юного дарования – 14-летнего Сережи Шевкуненко. После триумфальной премьеры «Кортика» о нем прочно утвердилось мнение как о талантливом юном актере, и предложения сниматься в других картинах посыпались как из рога изобилия. Однако из всего вороха предложений он выбрал одно, которое импонировало ему больше всего, – приключенческую картину Вениамина Дормана «Пропавшая экспедиция». В апреле 1974 года Сергей закончил работу над «Бронзовой птицей», а спустя полтора месяца отправился на Урал, где проходили съемки «Экспедиции».

В новой работе повзрослевший Шевкуненко играл своего сверстника – таежного проводника Митю, сопровождающего

геологическую экспедицию профессора Смелкова, разыскивающую золото на реке Ардыбаш. В отличие от двух предыдущих картин, где герою Шевкуненко приходилось больше говорить, чем действовать, в новом фильме все было наоборот – здесь его герой говорил мало, зато активно действовал: он стрелял, скакал на лошади, взбирался на крутые горные кручи. И, по мнению большинства, с ролью справился блестяще. Говорят, на съемках Сергей был тайно влюблен в Евгению Симонову, и вполне вероятно, именно эта юношеская влюбленность сыграла положительную роль в его игре: в присутствии дамы сердца он хотел выглядеть не хуже своих более взрослых партнеров. Увы, но эта любовь оказалась безответной. Симонова была старше Сергея на четыре с половиной года, и у нее на съемочной площадке был другой кавалер – ее будущий супруг Александр Кайдановский.

Когда Сергей снимался в «Экспедиции», его мать была спокойна – она видела, что сын увлечен съемками и не думает ни о чем дурном. Однако осенью 1974-го работа над картиной была благополучно завершена, и у Сергея вновь появилась масса свободного времени. Он уже закончил 8 классов 74-й средней школы и дальше продолжать учебу не захотел. Тогда, используя свои связи на «Мосфильме», Полина Васильевна устроила сына учеником слесаря в механический цех киностудии. Первый рабочий день Шевкуненко на новом месте датирован 26 марта 1975 года.

Несмотря на то, что для 15-летнего Шевкуненко был установлен укороченный рабочий день (6 часов), большого интереса к работе он не проявлял. Это было странно, учитывая, что новое место поднимало Сергея в глазах его сверстников: во-первых, он единственный среди них работал, во-вторых, зарабатывал неплохие для подростка деньги – 60 рублей. И все равно Шевкуненко чувствовал себя неуютно. Разгадка этого явления крылась в самом коллективе, куда пришел Шевкуненко. Там к нему относились без того уважения, к какому он привык в дворовой компании, а порой и вовсе пренебрежительно. Прозвище Артист, которым наградили парня в цехе, звучало в устах осветителей и слесарей язвительно: эй, Артист, принеси то, эй, Артист, принеси это. Естественно, ни о каком рвении со стороны Шевкуненко после подобных шуточек и речи быть не могло. А тут еще и киношная карьера юного артиста пошла под откос.

В декабре 1975 года на экраны страны вышла «Пропавшая экспедиция». К тому времени Дорман уже работал над продолжением фильма – «Золотая речка», где собирался сохранить тот же актерский костяк. И только одного человека он в новый проект не взял – Сергея Шевкуненко. Режиссер, наслышанный о проблемах юноши, просто не захотел взваливать на себя лишнюю обузу и дал сценаристам команду избавиться от Мити. И те отправили парня учиться в город. Когда об этом узнал Шевкуненко, ничего, кроме злости, он не испытал. К тому времени он уже по-настоящему заболел кинематографом, который позволял ему ярко выделяться среди сверстников, быть на целую голову выше большинства из них. И вот теперь эту возможность у него отнимали. Но быть одним из многих Шевкуненко явно не хотел. Он был эгоцентриком по натуре, человеком, который считал, что все внимание окружающих должно быть направлено исключительно на него. Для любого артиста такой характер – большое подспорье в профессиональной карьере. Но, поскольку Шевкуненко от актерской профессии отлучили, он решил наверстать упущенное хотя бы в той среде, где его продолжали понимать и ценить – в дворовой компании. Ведь взрослые с таким упорством и настойчивостью записывали его в «плохие мальчики», что он искренне поверил, будто это его единственное призвание. И попадись ему хоть однажды на пути толковый педагог, направь он бьющую через край энергию парня в нужное русло, судьба Шевкуненко могла сложиться совсем по другому сценарию. Но таких людей, увы, не нашлось. А родная мама была слишком загружена работой и другими проблемами, чтобы уделять собственному сыну достаточно внимания. Поэтому на все его последующие поступки стоит смотреть именно сквозь эту призму.

Без сомнения, отлучение Шевкуненко от кинематографа во многом произошло по его собственной вине. Будь он по характеру рассудительным и самокритичным парнем, вполне мог бы трезво разобраться в случившемся и сделать правильные выводы. Но он, к сожалению, был человеком импульсивным, из тех, кто сначала совершает поступки, а потом начинает думать, правильно он поступил или нет. Да и возраст у него был такой, когда такая черта, как самокритичность, людям почти несвойственна. Поэтому, вместо того чтобы задуматься о своем будущем, он пошел самым легким путем – еще сильнее озлобился. С этого момента взрослый мир стал для него

тем средоточием зла, с которым он стал всеми силами бороться. И любого, кто пытался его перевоспитать (в том числе и собственную мать), он стал считать своим врагом.

Стоит отметить, что к подобной позиции Сергей пришел не сразу. И немалую роль в этом сыграла его киношная карьера. А начался этот процесс еще несколько лет назад, когда он общался с друзьями сестры – весьма критически настроенными к советскому строю людьми. Но тогда он был еще совсем юным, чтобы задумываться о неблагоприятной ситуации в обществе, где слова и дела очень часто расходились друг с другом. Когда же Сергей окунулся в мир кино, процесс осмысления действительности пошел еще быстрее. Волею судьбы Шевкуненко выпало играть в фильмах с ярко выраженной идеологической окраской. Он играл вожака пионеров, который помогал своим старшим товарищам комсомольцам и коммунистам разоблачать матерых врагов революции. Однако цинизм ситуации заключался в том, что едва на съемочной площадке заканчивалась работа, как те же актеры, которые пять минут назад играли коммунистов, легко травили... анекдоты про Ленина. Для 15-летнего подростка, каким в ту пору был Шевкуненко, это было шоком. Потом он к этому привык, а чуть позже и сам стал поступать так же. А когда пришло время, с такой же легкостью преступил и закон.

Еще будучи школьником, Сергей имел первые опыты с алкоголем. Тогда в молодежной среде было модным «раздавить» в компании парутройку бутылок портвейна и отправиться на поиски разного рода сомнительных приключений. Когда же Шевкуненко устроился работать на «Мосфильм», возлияния стали регулярными – среди тамошних работяг было много любителей «зеленого змия», которые старались приобщить пацана к изнанке трудовой жизни, в том числе и к так называемой прописке – когда первая зарплата пропивалась в родном коллективе.

Несмотря на все «художества» Шевкуненко, руководство киностудии не торопилось выгонять его с работы. Этому были свои объяснения. Во-первых, руководители студии продолжали чтить память его уважаемого отца и с таким же уважением относились к его вдове. За те десять лет, что Полина Васильевна работала на «Мосфильме», ничего плохого про нее не то что сказать, даже подумать было нельзя. Она продолжала трудиться ассистентом

режиссера и работала с такими корифеями советского кинематографа, как Александр Столпер («Четвертый», 1972), Сергей Юткевич («Маяковский смеется», 1974) и др. Ее творческая карточка была буквально испещрена благодарностями. А в одной из характеристик, данной ей для поездки в творческую командировку в ГДР, отмечалось: «За время работы на студии тов. Шевкуненко П. В. зарекомендовала себя как скромный и честный человек, исполнительный и добросовестный работник, к любой порученной работе относится с большой ответственностью. П. Шевкуненко пользуется доверием и уважением в съемочном коллективе. Дисциплинированна, морально устойчива...»

Еще одна причина, по которой студия не торопилась расставаться с Сергеем, – тогдашние законы, которые обязывали руководителей всеми мерами перевоспитывать трудных подростков, а не выкидывать их на улицу. Но переделать Шевкуненко было уже невозможно. Единственное, на что хватало его начальников, – вкатывать ему выговоры за прогулы. Так было дважды: 9 июня, когда Сергей в 8 утра ушел с работы на свадьбу к двоюродной сестре, и 23 июня, когда он ушел с работы в час дня, не поставив об этом в известность своих начальников. Вот почему, когда на «Мосфильм» пришел запрос из 76-го отделения милиции по поводу Шевкуненко, его начальники выдали ему убойную характеристику. В ней отмечалось: «Шевкуненко С. Ю. работал без желания. Уходил с рабочего места (прогуливал). Проявлял грубость к матери и взрослым работникам цеха. На замечания старших не реагировал».

Единственным местом, где Сергей чувствовал себя легко и свободно, была дворовая компания, где он продолжал верховодить. Вообще, Москва начала 70-х считалась хулиганским городом. Хулиганы водились в ней и десятилетие назад, однако в масштабе огромного города их все-таки было не так много, как в следующем десятилетии. В 70-е годы хулиганов расплодилось в столице, как тараканов. В основном это были дети из простых и неблагополучных семей, родившиеся аккурат в короткий промежуток хрущевской «оттепели» (конец 50-х – начало 60-х). Пока их родители дни напролет трудились, пытаясь обеспечить семье достаток выше среднего (именно в те годы мечта о красивой и достойной жизни стала в советском обществе преобладающей), дети были предоставлены самим себе.

Многие из них посещали различные кружки и секции, однако были и такие, кто находил радость в криминальном времяпрепровождении. Такие подростки собирались в «бригады» и с помощью кулаков наводили «порядок» у себя в районе, а также на прилегающих к нему территориях. Драки с участием подростков в Москве в 70-е годы приобрели массовый характер. Я в те годы жил в районе Курского вокзала (улица Казакова) и хорошо помню те «махьяны» (на тогдашнем молодежном жаргоне так называли массовые драки). Наш район враждовал с районом Сыромятников, и на этой почве периодически устраивались побоища. В качестве оружия обычно использовались очень популярные в те годы солдатские ремни.

Конечно, милиция пыталась бороться с хулиганством, однако полностью искоренить его не могла, поскольку у этого явления была питательная почва – низкая культура, безотцовщина, алкоголизм. Пик хулиганства в СССР пришелся на 1966 год, когда было зафиксировано рекордное количество преступлений по этой статье – 257 015. В следующем десятилетии хотя и произошло снижение преступлений подобного рода, однако не настолько, чтобы пребывать в успокоенности. Так, пик хулиганства в 70-х пришелся на 1973 год – 213 464. В отдельных городах СССР эта проблема становилась поистине вселенской – например в Казани, где молодежные группировки переродились в настоящие банды и начали убивать людей. В конце 70-х по этому поводу были проведены широкомасштабные чистки в МВД Татарии, а суд над одной из таких банд («Тяп-Ляп») широко освещался в печати.

Вообще пропаганда в те годы делала все от нее зависящее, чтобы отвлечь молодежь от хулиганства. Тот же кинематограф тоже в этом активно участвовал: в конце 70-х было снято несколько фильмов на эту тему, а один из них – «Несовершеннолетние» – в 1977 году стал лидером проката, собрав на своих сеансах 44 миллиона 600 тысяч зрителей (1-е место). Но палка оказалась о двух концах: прокат за счет подобного рода фильмов пополнял государственную казну баснословными прибылями, а идеологический эффект антихулиганских фильмов равнялся нулю – молодежь почему-то выбирала себе в кумиры не положительных персонажей, а их антиподов. В результате в те годы в советском кинематографе появился молодой антигерой, который в чем-то был похож на героя нашего

рассказа. Молодой актер, игравший этого антигероя, был настолько обаятелен, умен и завораживающе циничен, что невольно привлекал к себе внимание зрителей, уставших от засилья на советских экранах кондовых комсомольских секретарей и передовиков-стройотрядовцев. Звали этого актера Леонид Каюров. Однако если наш герой, играя в кино положительных пионерских вожаков и таежных подростков, помогавших большевикам, в итоге стал преступником, то Каюров, создававший диаметрально противоположных персонажей – хулиганов («Несовершеннолетние»), пособников бандитов («Следствие ведут знатоки», дело № 13 «До третьего выстрела»), трудных подростков («Последний шанс»), стал в итоге священником, настоятелем одного из подмосковных храмов. Воистину неисповедимы пути господни.

Но вернемся в Москву 70-х. Район улиц Пудовкина и Мосфильмовской в те годы тоже считался хулиганским, и добропорядочным гражданам ходить по вечерам там было опасно. А верховодил мосфильмовской шпаной Сергей Шевкуненко. Парадоксально, но скажи в то время любому советскому мальчишке об этом, он поднял бы говорившего на смех. Ведь Шевкуненко был кумиром детворы, снявшись в роли правильного пионера Миши Полякова. Но такова была изнанка кинематографа: на экране актер мог представлять в образе благородного рыцаря, а в жизни быть чуть ли не исчадием ада. Нечто подобное произошло и с нашим героем.

Осенью 1975 года Сергей в очередной раз угодил в милицию за участие в групповой драке. Дело отправили в комиссию по делам несовершеннолетних при исполкоме Гагаринского райсовета. Как ни странно, узнав об этом, руководство «Мосфильма» попыталось выручить парня, хотя легче было его попросту утопить, учитывая те неприятности, которые он успел доставить студии. Тем более что на ней Шевкуненко уже не работал с 27 июня. Однако студия протянула Сергею руку помощи: в комиссию было отправлено ходатайство, где отмечалось, что руководство студии готово взять парня на поруки. Не получилось. В середине ноября 75-го на «Мосфильм» пришел ответ из комиссии, где сообщалось, что ходатайство отклонено. А в январе 1976 года на студию пришло еще одно письмо, где была поставлена точка в затянувшемся споре: «За кражи, драки и злоупотребление спиртными напитками направить Шевкуненко С. Ю. в СПТУ для трудных подростков».

По советским меркам, спецучилище – это аналог колонии. Для большинства подростков попасть туда – настоящая беда. Но бедой для Шевкуненко попадание туда не стало. Амбиций в нем было выше крыши, постоять за себя он умел, поэтому свалившиеся на него там невзгоды он перенес если не легко, то, во всяком случае, без излишней трагедии. Как итог – уже спустя пару месяцев он умудрился и там стать неформальным лидером. И его эгоцентризм получил очередную подпитку в виде обожания и восхищения окружающих. Увы, но ни к чему хорошему это опять не привело.

В училище Шевкуненко проучился всего ничего – неполных четыре месяца. После чего угодил в еще более строгое учреждение – колонию. С одной стороны, приключившаяся история выглядела до глупого банально. Но с другой – все происшедшее стало закономерным итогом того, что происходило в судьбе Шевкуненко все предыдущие годы.

28 марта 1976 года Шевкуненко вместе с приятелем распили бутылку портвейна, после чего мирно разошлись. Однако по дороге домой, в одном из дворов на улице Пудовкина, Шевкуненко внезапно заметил собачника, выгуливавшего свою овчарку. Поскольку Сергея дома тоже ждал пес такой же породы, он стал заигрывать с собакой. Чем вызвал неудовольствие со стороны ее хозяина. Тот в грубой форме потребовал, чтобы «парень убирался туда, куда шел». В противном случае пригрозил спустить на него свою собаку. Последняя угроза особенно сильно оскорбила Шевкуненко, и он полез в драку. Победа в этом поединке оказалась за бывшим артистом. Но, на его беду, собачник оказался человеком злопамятным – в тот же день сел и написал заявление в 76-е отделение милиции. Однако даже появление этого документа еще не было поводом к крутым переменам в судьбе Шевкуненко. Ведь на трезвую голову тот мог разрешить проблему с оскорбленным собачником полюбовно. Но не вышло. В те дни в стране началась очередная кампания по борьбе с хулиганством, и органам правопорядка необходимо было «гнать план». И Шевкуненко, который был на особом счету у органов, что называется, попал под горячую руку. Ситуацию могло спасти ходатайство за Шевкуненко его коллег-кинематографистов, но они, наученные горьким опытом, сочли за благо не вмешиваться. В итоге на Сергея было заведено уголовное дело, на основании которого Гагаринский суд Москвы вынес ему свой

вердикт – один год лишения свободы по статье 206 часть II УК РСФСР (хулиганство).

По установившейся в те годы в СССР традиции фильмы с участием запятнавших себя артистов или режиссеров из проката изымались. Однако в случае с Шевкуненко эта традиция была выполнена лишь наполовину. Два его дебютных фильма – «Кортик» и «Бронзовая птица» – действительно были положены на полку до лучших времен, а вот последняя картина – «Пропавшая экспедиция» – шла не только в кинотеатрах, но и демонстрировалась на голубых экранах. И премьера ее по ТВ состоялась аккуратно в те самые дни, когда Шевкуненко уже сидел в тюрьме по первой ходке – в феврале 77-го. Эта премьера здорово помогла Сергею – к нему и до этого зэки относились нормально, но после демонстрации фильма зауважали еще сильнее.

Год тюрьмы – не самый суровый срок даже для 17-летнего юноши. Однако страшным было другое – эта судимость ложилась несмываемым пятном на биографию Шевкуненко. И если бы не хлопоты матери, которая после освобождения сына пустила в ход все свои связи и устроила его осветителем на «Мосфильм», Шевкуненко пришлось бы здорово помучиться в поисках достойного места работы.

В качестве осветителя Шевкуненко принимал участие в съемках нескольких картин. Кто знает, но, может быть, глядя на то, как снимаются молодые актеры, Шевкуненко тоже втайне мечтал встать на их место. Ведь то прекрасное время, когда он сам выходил под свет софитов на съемочную площадку, еще не успело забыться – с момента съемок «Пропавшей экспедиции» минуло всего три года. Но мечты Шевкуненко были несбыточными, поскольку ни один режиссер давно уже даже в мыслях не держал взять его в свою картину хотя бы в завалящий эпизод. Будь жив его отец, у которого при жизни было много влиятельных друзей, он наверняка бы вмешался в судьбу сына. Но отца давно не было в живых, а те, кто некогда ходил у него в друзьях, теперь, после отъезда его дочери за границу, зареклись переступать порог дома семьи Шевкуненко. В итоге, даже при наличии мамы-режиссера и трех фильмов, где он играл главные роли, Сергей Шевкуненко своим человеком в мире кино так и не стал. Как, например, другой его ровесник – Андрей Ростоцкий.

Андрей происходил из киношной семьи: его отец Станислав Ростоцкий был известным режиссером, мама, Нина Меньшикова, – популярной актрисой. Во многом именно благодаря своим родителям Андрей с малых лет увлекся кинематографом и проблема выбора будущей профессии перед ним не стояла – только кино. И сниматься он начал, еще будучи подростком, на киностудии, где трудился его отец, – имени Горького. Причем роли у него, как и у Шевкуненко, были сплошь положительные. В одном фильме он играл десятиклассника, в другом – молоденького лейтенантика и т. д. Однако еще на заре его киношной деятельности, когда Андрей учился на первом курсе ВГИКа, его карьера могла закончиться. Из-за частых съемок он пропускал много занятий, и вгиковское руководство решило отчислить его из института. Но худшего так и не произошло. По одной из версий, от отчисления Ростоцкого уберег приз, врученный ему на институтском фестивале за роль в фильме «Это мы не проходили», по другой – вмешался его отец, который имел большой вес не только на студии имени Горького, но и в Союзе кинематографистов СССР. К сожалению, у Сергея Шевкуненко таких заступников не оказалось. А тут еще в киношном мире грянула новая трагедия, которая поставила окончательный крест на возможности Шевкуненко вернуться в кинематограф.

В течение года Шевкуненко балансировал на грани между тюрьмой и волей. И в 1978 году окончательно перечеркнул все надежды близких и друзей на свое счастливое возвращение в нормальную жизнь. И опять все получилось до глупого банально. В тот злополучный день Сергей выпивал в компании таких же, как и он, рабочих киностудии. Когда в бутылках еще плескалось вино, скудная закуска внезапно иссякла. Время было позднее, и достать продукты было негде. Но именно Шевкуненко решил проявить смекалку, вновь бравируя перед сослуживцами своей ролью неформального лидера. Дескать, вам бы только за мамкины юбки держаться, а я все могу. И на глазах изумленных событыльников Шевкуненко действительно смог. Взял и взломал студийный буфет, унеся оттуда закуски на несколько десятков рублей. Расплата не заставила себя долго ждать. Очередная выходка Шевкуненко была квалифицирована как грабеж, и ее виновник отправился в тюрьму уже не на 12 месяцев, а на все четыре года (статья 89 УК РСФСР).

Шевкуненко вышел на свободу осенью 1981 года.

Между тем даже вторая судимость Шевкуненко еще не поставила окончательный крест на его судьбе. В тюрьме Шевкуненко показал себя примерным заключенным и был выпущен на свободу досрочно, через год после заключения под стражу. Это досрочное освобождение помогло матери Сергея вновь ходатайствовать перед руководством «Мосфильма», где к ней продолжали относиться с уважением (одно время она даже исполняла обязанности инспектора генерального директора киностудии), о восстановлении сына на работе – 8 декабря 1981 года его снова приняли на студию в качестве осветителя 2-го разряда. Правда, в штат сразу не зачислили, а дали ему двухмесячный испытательный срок. И что сделал Шевкуненко? Он вновь совершил преступление, тем самым собственноручно похоронив последнюю хрупкую надежду на возвращение к нормальной жизни.

Говорят, на ход событий в значительной мере повлияла трагедия, которая произошла в Москве 11 декабря. В тот день в своей собственной квартире на Кутузовском проспекте была убита выстрелом в голову звезда советского кинематографа Зоя Федорова. К герою нашего рассказа эта женщина имела самое непосредственное отношение: она давно дружила с Полиной Шевкуненко и, сама познавшая тюремные университеты (она несправедливо сидела в тюрьме с конца 40-х до середины 50-х), искренне сочувствовала судьбе Сергея. И именно благодаря ее вмешательству того снова взяли на «Мосфильм» осветителем после второй отсидки.

Гибель Федоровой больно ударила по Сергею. Но еще сильнее его оскорбили последующие события, когда чуть ли не на следующий день после убийства его вызвали в милицию, где суровые оперативники стали допытываться, что он делал в день трагедии. «Вы что, озверели? – пытался защищаться Шевкуненко. – Зоя Алексеевна была мне как мать!» Но его никто не слушал – бывшему зэку не доверяли. И еще какое-то время его продолжали проверять на причастность к этому преступлению. Именно в те самые дни Сергей и сорвался.

Выйдя на свободу, Шевкуненко связался с не самыми законопослушными гражданами, что вполне объяснимо. Еще несколько лет назад в друзьях у него ходили сплошь дети знаменитых киношников, которые жили с ним по соседству на улице Пудовкина либо учились в одной школе. Но по мере все новых и новых

криминальных загибов Сергея эти друзья один за другим от него уходили. И когда в очередной раз он вышел на свободу, из бывших товарищей рядом с ним почти никого не осталось – разве один-два, не больше. Да и те хотя и поддерживали с Сергеем дружеские отношения, однако жили уже другой жизнью: учились во ВГИКе, переженились. Наблюдая за их благополучной жизнью, Сергей в душе наверняка завидовал им, но в то же время прекрасно понимал и другое – что ему туда дорога закрыта навсегда. А амбиций у него было выше крыши. И он не мог позволить, чтобы его бывшие друзья разъезжали на дорогих авто по фестивалям и выставкам, а он сшибал бы пятаки на опохмелку. Поэтому побудительных мотивов к очередному преступлению у него могло быть несколько. Тут и злость на власти за обвинение в убийстве чуть ли не единственного друга его семьи, и желание не выглядеть в глазах своих бывших товарищей сирым и убогим.

Очередное преступление Шевкуненко совершил 24 января 1982 года. В тот день он в компании троих новых приятелей (двоих мужчин 31 года от роду и 21-летней женщины) коротал время за выпивкой. В ходе посиделок один из собутыльников проговорился о том, что на Брестской улице живет его знакомая – женщина из разряда зажиточных. Сказано это было вскользь, но Шевкуненко за эту фразу ухватился. Именно он, уточнив, что хозяйка в данный момент дома отсутствует, и предложил нанести даме незапланированный визит. На вполне резонное добавление, что женщина живет на 8-м этаже, Шевкуненко ответил, что эту проблему он целиком берет на себя. «И вообще, вам ничего делать не придется – все сделаю я сам!» – подвел последнюю черту под этим разговором бывший артист. Так, собственно, все и вышло.

Пока двое подельников дожидались их на улице, Сергей и его напарник, который знал хозяйку, вошли в подъезд. Они поднялись наверх, где Шевкуненко при помощи приятеля пробрался на балкон подъезда, а оттуда, как заправский верхолаз, перелез на балкон нужной квартиры. Разбив стекло балконной двери, Шевкуненко открыл ее и проник в жилище. Там он находился около часа. Этого времени ему вполне хватило, чтобы упаковать в два полиэтиленовых пакета имущества на общую сумму в 725 рублей 50 копеек. Причем в пакет полетело все: от двух платьев по 160 рублей, лисьей шапки за 150 рублей, хрустальных фужеров и рюмок за 54 рубля до набора

олимпийских рублей, бутылки водки за 5 рублей 30 копеек, бутылки рижского бальзама за 4 рубля и кошелька за... 20 копеек. С этим добром вся компания отправилась на квартиру приятеля-наводчика на улицу Пудовкина отмечать благополучно завершённое дело. В качестве горячительного были использованы трофеи – рижский бальзам и водка.

Над раскрытием этого преступления сыщикам не пришлось долго ломать голову. Удача сама пришла к ним в руки. Распродажей вещей занялась та самая 21-летняя поделница Шевкуненко, которая стала сбывать хрусталь и одежду жертвы разным людям. Одна из них, судя по всему, и явилась в милицию. 29 января поделницу задержали. Но она не сразу раскололась – целую неделю водила следствие за нос, уверяя, что вещи к ней попали от неизвестных людей. Однако обмануть следствие все равно не удалось. И, как говорится, «птичка запела».

По злой иронии судьбы Шевкуненко арестовали в тот самый день, когда истек его испытательный срок и он был зачислен в штат осветителей «Мосфильма» – 8 февраля. Вечером он вернулся с работы домой, где его уже ждали сыщики. Сергея привезли в 123-е отделение милиции, которое обслуживало ту самую улицу, где произошло преступление. Там Шевкуненко предъявили обвинение сразу по двум преступлениям: ограбление, а также хранение и употребление наркотиков. Последнее обвинение появилось после того, как у Шевкуненко обнаружили 0, 62 грамма гашиша. Сам Сергей на суде будет утверждать, что наркотик ему подбросили сами милиционеры. Где находится истина, сейчас уже не разберешь, но стоит отметить, что такой оперативный ход, как подбрасывание задержанным компрометирующих вещей (оружие, наркотики), широко применялся и в ту пору.

4 февраля 1983 года в Киевском райсуде состоялся открытый процесс по делу Шевкуненко и трех его поделников. Больше всех получил наш герой, который, как это принято говорить в уголовной среде, «пошел паровозом», то бишь был главным. И получил за это четыре года тюрьмы. Его поделники отделались более мягкими наказаниями.

Почти все последующее десятилетие Шевкуненко провел за решеткой, увеличивая свой срок новыми преступлениями. Видимо,

после того, как он отчаялся сделать карьеру в кинематографе, Шевкуненко поставил себе целью достичь высот в другой области – криминальной. И пути назад у него уже не было, поскольку власти окончательно определили его в стан злостных рецидивистов.

В 80-е тюремные ходки Шевкуненко следовали одна за другой: в 1983 году, едва освободившись, он снова угодил в тюрьму за кражу (4 года), из неволи попытался бежать, но был пойман и получил к прежнему сроку новый – 1,5 года. По свидетельству очевидцев, часть этих сроков Шевкуненко получил несправедливо – только потому, что не нравился своим независимым характером тюремным властям. Мол, те склоняли Шевкуненко к сотрудничеству, но он отвечал неизменным отказом, за что и получал новые сроки. В его личном деле имелась лаконичная формулировка на этот счет: «не вставший на путь исправления».

Однако по мере роста сроков росли влияние и авторитет Шевкуненко в уголовной среде. Его организаторские способности, дерзость и недюжинный ум не остались незамеченными в неволе и позволили их обладателю значительно подняться в уголовной иерархии, несмотря на то, что начинал он свою уголовную карьеру с не самой уважаемой среди рецидивистов касты «бакланов» – хулиганов. Шевкуненко никого не боялся – ни лагерного начальства, ни самих зэков. О его характере говорит следующая история. Однажды на зоне объявился вор в законе, который захотел прибрать всю власть над осужденными в свои руки. Шевкуненко решил проверить подноготную этого вора. Он послал запрос на волю и вскоре узнал, что новоявленный вор в законе – обыкновенный шнырь. Об этом немедленно было сообщено всем зэкам. Этот поступок едва не стоил Шевкуненко жизни. Ночью обиженный вор с двумя приближенными напали на Артиста и попытались заколоть его заточками. Шевкуненко было нанесено шесть проникающих ранений, но он каким-то чудом сумел вырваться и отбил от нападавших с помощью других заключенных. Шевкуненко угодил в госпиталь и в течение нескольких дней был на грани между жизнью и смертью. Но в тот раз Артисту удалось обмануть Костлявую – он выжил.

Пока Шевкуненко безвылазно сидел на зоне, в стране успели смениться сразу три генеральных секретаря. Когда он сел в 1983 году, в Кремле правил Юрий Андропов, через год его сменил Константин

Черненко, а в марте 85-го, когда и он ушел из жизни, у руля страны встал Михаил Горбачев. При нем началась перестройка, и именно она вновь реанимировала имя актера Сергея Шевкуненко. На протяжении долгих лет два главных фильма в его недолгой киношной карьере – «Кортик» и «Бронзовая птица» – были запрятаны в самые дальние запасники Гостелерадио. В июне 1986 года, когда Шевкуненко все еще находился в тюрьме, эти фильмы снова запустили в эфир. И опять Сергею помог его «крестный отец» в кинематографе – писатель Анатолий Рыбаков, но на этот раз невольно. Тем летом ему исполнилось 75 лет, и телевизионное руководство устроило демонстрацию фильмов по его произведениям. В числе прочих были показаны и две телеверсии с участием Шевкуненко.

В 1988 году Шевкуненко вышел из тюрьмы в очередной раз, правда, теперь уже инвалидом II группы (у него был обнаружен туберкулез). В Москву его не пустили, и ему пришлось податься в Смоленск. Там он почти год провалялся в больнице. Выйдя из нее, встретил в Москве 20-летнюю красавицу Елену. И достаточно легко сумел произвести на нее хорошее впечатление. Стоит отметить, что для этого ему не пришлось пускать в дело беспроигрышный козырь – свое пусть давнее, но все же отношение к кинематографу. О том, что Сергей снимался в кино, Елена узнала спустя год после их знакомства – Шевкуненко в разговоре случайно проговорился о «Кортике». После нескольких месяцев встреч молодые поженились. В те дни казалось, что впервые на небосклоне Шевкуненко, до этого сплошь затянутом тучами, засветило солнце. Увы, это было очередной иллюзией. Прошлая жизнь, в которую Сергей уже успел врасти всеми своими корнями, не собиралась его отпускать.

2 декабря 1989 года Сергея опять арестовали. По словам его жены, арест мог быть подстроен. Якобы днем, когда она была одна в доме, пришел неизвестный мужчина и передал ей пакет для Сергея. Не проверяя его содержимое, Елена занесла пакет в комнату, надеясь вручить его мужу, как только он вернется. Но едва Шевкуненко появился в доме, как буквально следом за ним в квартире появилась милиция. И обнаружила в принесенном пакете пистолет.

По другой версии все выглядело иначе. По ней выходило, что Шевкуненко отнюдь не собирался «завязывать» со своим преступным прошлым и вел двойную жизнь. Частенько наведываясь в Москву, он

большую часть времени проводил в игорном заведении при «Мосфильме», которое открыл... тамошний прапорщик пожарной части. Шевкуненко слыл там одним из ведущих «катал» и профессионально обыгрывал завсегдатаев «катрана» в карты.

И все же игра в карты выглядела невинной забавой в сравнении с тем, чем в дальнейшем пришлось заняться Шевкуненко. Избежав наказания за хранение оружия, летом 1990 года он отправился в Тольятти, где стал участником одной из кровавых разборок в среде местной «братвы». Правда, участником пассивным – в тот момент, когда его подельник расстреливал своих конкурентов, бывший артист держал их на мушке. Поэтому, когда на месте побоища внезапно объявились оперативники, Шевкуненко успел отбросить пистолет подальше, тем самым спасая себя от серьезного наказания. За это его якобы тогда и арестовали. Суд приговорил Сергея к тюремному заключению сроком на один год (статья 218 УК РФ).

В 1991 году Шевкуненко освобожден, но уже через 49 дней вновь угодили за решетку. На этот раз за кражу икон. И в этом деле имеется масса темных пятен. По словам самого Сергея, вместе со своим приятелем, который работал на «Мосфильме» и был страстным собирателем антиквариата, он отправился в Суздаль за иконами. Таковых другом было куплено несколько штук в одной из деревень, однако большой ценности они не представляли. Но довести их до Москвы не получилось. На первом же посту ГАИ друзей тормознули и, обнаружив иконы, задержали. Затем на обоих было заведено уголовное дело, в ходе которого главным обвиняемым стал... Шевкуненко, которому дали 3 года тюрьмы. А его приятель был отпущен на свободу. Все перипетии этого дела явно указывали на то, что вся эта история затевалась исключительно для того, чтобы упечь за решетку именно Шевкуненко. Версий на этот счет может быть несколько, но большинство знакомых Сергея склоняется к одной. Согласно ей, Сергей принадлежал к старой плеяде воровских авторитетов, которые не шли ни на какие сделки с властями. За что и страдали. В криминальных войнах начала 90-х таких непримиримых либо долбали постоянными тюремными сроками, либо просто убивали. Герою нашего рассказа суждено было пройти через оба этих варианта.

В 1994 году Шевкуненко вышел на свободу – как оказалось, в последний раз. К тому времени он уже успел завоевать значительный

авторитет в преступной среде и достиг больших высот, став «положенцем». Эта ступень в уголовной иерархии предшествует званию вора в законе, и Шевкуненко в ближайшем будущем реально претендовал на получение этого звания. И все, кто знал Сергея, не были удивлены этим его «взлетом». Сложись у него когда-то судьба в кинематографе, он бы и там наверняка не прозябал на вторых ролях и имел все шансы стать настоящей звездой. Например, такой же, как Александр Абдулов, Николай Еременко или Дмитрий Харатьян. Но поскольку из кино его выбросили, Шевкуненко избрал своим полем деятельности криминальную сферу, где и дослужился до звания, равного званию народного артиста на гражданке.

Вернувшись в Москву, Шевкуненко прописался по адресу матери: улица Пудовкина, дом 3, корпус 1, квартира 25. Адрес у него был старый, но жизнь изменилась кардинально. Каких-нибудь десять лет назад Шевкуненко чувствовал себя изгоем общества. В то время как его бывшие друзья из числа золотой молодежи делали себе стремительные карьеры и жили припеваючи, ему приходилось воровать кошельки за 20 копеек и распивать не самое дорогое вино, заедая его дешевой закуской. Теперь же все стремительно поменялось. Из некогда бывшего изгоя Шевкуненко в одночасье превратился в короля, разъезжавшего по городу в огромном «кадиллаке». А многие из тех, кто некогда ходил в кумирах, вдруг превратились в людей второго сорта. Особенно сильно это ударило по работникам кинематографа, которые после развала некогда великой страны в одночасье оказались выброшенными на обочину жизни. Некоторые из них переживали настоящие трагедии. Так, например, было с актером Георгием Юматовым, который на склоне лет убил человека. Все случилось случайно.

В начале марта 94-го у Юматова умерла любимая собака, и он попросил помочь похоронить ее молодого дворника. С ним же он затем устроил поминки по четвероногому другу. В ходе застолья дворник позволил себе разглагольствовать о теперешней нищенской доле бывшего фронтовика и бывшей кинозвезды Юматова, на что тот так разгневался, что схватил со стены охотничье ружье и застрелил обидчика. От сурового наказания бывшего актера спасло его фронтовое прошлое – накануне очередного Дня Победы Юматова освободили, оценив его действия как самооборону.

В дни, когда вся страна следила за ходом этого громкого дела, Шевкуненко был далек от этого. Он входил в преступную элиту города, и все заботы его были связаны именно с этим. В том сценарии, который выписала для него сама Жизнь, это была его главная роль, к которой он так долго шел и которой так настойчиво добивался. Под надзор его «бригады» отошла вся прилегающая к улице Пудовкина территория. Люди Шевкуненко специализировались на рэкрете, похищении заложников, угонах автомобилей, торговле наркотиками (сам Шевкуненко якобы крепко «сидел» на кокаине). Кроме этого, они контролировали ряд крупных объектов на прилегающих территориях, в том числе элитный спортклуб на Мосфильмовской улице, и занимались махинациями в сфере приватизации жилья.

По словам людей, которые видели Шевкуненко в те годы, внешне он ничем не напоминал преступного главаря. Никаких малиновых пиджаков, толстенных золотых цепей и печаток он отродясь не носил и руки не «распальцовывал». И единственной претензией к нему со стороны правоохранительных органов было то, что он как поднадзорный нарушал режим – появлялся у себя дома позже 22.00. На этой почве у него однажды возник конфликт с милицией. Участковый, несколько раз не обнаружив Шевкуненко дома в установленные часы, вызвал его в отделение, где попросил написать заявление. Сергей написал, после чего был вызван в суд для разбирательства. Вот там он единственный раз сорвался. Заявил, что ему легче заплатить судьям штраф на несколько лет вперед, чем соблюдать предписанный режим. «А еще легче, – заявил он, покидая суд, – кинуть вам гранату, чтобы вы от меня наконец отстали». Однако жизнь распорядилась по-своему: 11 февраля 1995 года убили самого Шевкуненко. Почему это произошло, существует несколько версий.

Согласно одной из них, интересы бывшего артиста пересеклись с интересами «казанской» группировки, которая по силе и влиянию всегда считалась одной из самых «крутых» в столице. Не привыкшая уступать, эта группировка всерьез «наехала» на Шевкуненко и вынесла ему смертный приговор. По другой версии, бригада Шевкуненко стояла как кость в горле у силовых ведомств, которые тоже имели свои интересы при дележе Москвы на сферы влияния и пытались приручить многие преступные группировки. Видимо, Шевкуненко приручить им так и не удалось.

Судя по всему, Сергей догадался о том, что его собираются убить, еще на пороге своего подъезда, куда он подъехал около двух часов ночи. Он бросился внутрь и успел забежать в лифт. В этот миг в дверях показался его преследователь. Раздался выстрел, но двери лифта успели закрыться, и пуля угодила в металлическую обивку двери (след от выстрела сохранился до сих пор). Лифт повез жертву на 6-й этаж, а киллер бросился вдогонку по лестнице. Техника оказалась быстрее. Шевкуненко подбежал к двери собственной квартиры и успел открыть ее ключом. Однако в спешке забыл вытащить ключ из замочной скважины. В коридоре его встретила мать, которой он крикнул, чтобы она вызывала милицию. Полина Васильевна успела взять в руки телефонную трубку, когда на пороге возник киллер (он воспользовался ключом, забытым в дверях). Расправа заняла несколько секунд. Сначала убийца выстрелил в женщину, а когда с криком «Что ты делаешь, сука?!» к нему бросился Шевкуненко, разрядил пистолет и в него. Смертей могло быть и больше – от пули киллера вполне могла погибнуть и молодая жена Сергея Елена. Однако накануне она поссорилась с мужем и уехала ночевать к маме. Эта ссора спасла ей жизнь.

Принято считать, что кино способно воплотить самые немислимые истории. Однако реальная жизнь порой выписывает такие сюжеты, которые не придут в голову даже самому изощренному сценаристу. Примером этому может служить судьба Сергея Шевкуненко. Человек, без сомнения, наделенный огромным талантом, он мог бы при счастливом стечении обстоятельств сделать прекрасную карьеру в кинематографе. Для этого у него были все предпосылки: талант, внешность, характер. Но судьба распорядилась по-своему. Шевкуненко ушел в другую крайность – в криминал, где и сумел воплотить те мечты, которые ему не удалось осуществить на съемочной площадке. Он и там сумел стать звездой, пускай и с приставкой «анти». Правда, сияла эта звезда недолго. Но кто сказал, что в кино происходит иначе? Ведь многие кинозвезды сгорают еще быстрее, и судьбы некоторых из них складываются не менее трагично, чем судьба героя нашего рассказа – Сергея Шевкуненко.

Пули для боксера Олег Коротаев

В годы становления бандитского капитализма в России погибли десятки спортсменов, среди которых одним из самых именитых был боксер Олег Коротаев. Он родился 4 сентября 1949 года в Свердловске. Отец будущего боксера, Георгий Иванович, был рабочим, затем стал директором промтоварной базы, мать, Инна Александровна, работала на оборонном заводе контролером ОТК. Кроме Олега в семье рос еще один сын – Михаил, который был на несколько лет младше Олега.

Коротаев с детских лет рос чрезвычайно спортивным мальчиком. В двенадцать лет он записался в хоккейную секцию «Спартак» и гонял шайбу целых два года. Но в 1963 году он посмотрел по телевизору чемпионат СССР по боксу и заболел уже этим видом спорта. Год спустя по тому же «ящику» он наблюдал Олимпийские игры, на которых чемпионом стал знаменитый советский боксер Валерий Попенченко. Олег по-настоящему влюбился в этого спортсмена, стал собирать все статьи о нем, следить за его жизнью вне ринга. А потом взял и сам записался в боксерскую секцию. Было ему в ту пору 14 лет. Параллельно со спортом Олег успевал еще учиться и работать: с шестнадцати лет он пошел работать на завод автоматики монтажником, учился в вечерней школе и тренировался.

Первым тренером Коротаева был Анатолий Богданов – он тренировался у него полгода. А потом двоюродный брат Олега, видя, что тот увлекся боксом серьезно, посоветовал ему перейти к другому тренеру – Александру Волкову, о котором в спортивных кругах Свердловска было самое высокое мнение. Первая встреча Коротаева с Волковым произошла 14 февраля 1965 года, а уже со следующего дня начались регулярные тренировки.

Коротаев довольно быстро стал одним из лучших учеников Волкова и уже через год, в 1966-м, вошел в юношескую сборную РСФСР, стал серебряным призером чемпионата России (до 70,5 кг). Еще через год он перешел во второй средний вес, до 74 кг, но на первенстве России в 1967 году его постигла неудача – он занял только 3-е место. Но это не помешало в следующем году пригласить Олега в

молодежную сборную. В отборочных поединках он нокаутировал сначала чемпиона России, а потом сломал нос еще одному своему противнику. И его послали на молодежный чемпионат во Львов. Выиграв два поединка нокаутом, Коротаев пробился в финальную часть турнира. Однако выступить там ему не дали – сняли с турнира, поскольку он выступал в среднем весе.

В 1969 году Олег поступил в столичный Институт физкультуры и стал тренироваться у тренера Георгия Джерояна. В том же году Коротаев поехал на первенство СССР в Ригу, но потерпел там неудачу. Первый бой он выиграл нокаутом, во втором должен был встречаться с рижанином из «Даугавы», но не вышло – у Коротаева на носу вскочил прыщ, и врач соревнований снял его с поединков. Олег сильно переживал, поскольку был в отличной форме и мог вполне стать чемпионом страны.

О том, каким Коротаев был в повседневной жизни, вспоминает К. Копцев:

«Однажды, еще в студенческие годы, мы втроем гуляли на Красной площади: Олег, Гена Васильев и я. Спустились к Историческому музею и слышим женские крики. Оглянулись и видим, что, как теперь говорят, лица кавказской национальности издеваются над девушкой. Олег и говорит им: «Не трогайте девушку. Оставьте ее в покое». Берет ее за руку, чтобы увести, а один джигит, возможно, подумав, что задето его национальное достоинство, решил ударить Олега. В ту же секунду он лежал на асфальте. Остальные джигиты бросились на нас, и тут Олег себя проявил во всей красе. Не любил хамства. Поработал он здорово. Собственно говоря, и мы с Геной Васильевым ему помогали, не стояли в стороне. В итоге забрали нас в милицию. Мы и не пытались убежать, потому что правда была на нашей стороне. Правда правдой, но когда, уже в отделении, привели одного из пострадавших, оказалось, что у него расколота челюсть. Дежурный тут же спрашивает у Олега: «Куда кастет дел? Так можно только кастетом ударить». С трудом удалось его убедить, что это кулаком сделано. А пострадавших в отделение привезли человек пять, остальные разбежались. Но главное, что девушка, как бывает в таких случаях, как-то выпала из поля зрения, и мы уже вроде не защитниками оказались, а простыми хулиганами. Результатом этого

происшествия стала постановка вопроса об отчислении Олега из института. Но в итоге все обошлось...»

Осенью 1970 года Коротаев впервые отправился за рубеж – на Кубу, на боксерский «Кордова Кардина». Сборная СССР вылетела туда 14 октября. Как будет вспоминать сам Коротаев, до этого дня в столице стояла холодная осенняя погода, но снега еще не было, и в тот момент, когда спортсмены вышли из зала аэропорта Шереметьево и шли к трапу самолета ИЛ-62, который должен был через 17 летных часов доставить их в столицу Кубы Гавану, вдруг пошел первый снег. Он шел большими пушистыми хлопьями, мягко и нежно падая на лицо, и это было хорошим, добрым предзнаменованием. Снег как бы прощался, провожал боксеров и желал удачи в знойной тропической Гаване. Стоит отметить, что всего в турнире «Кордова Кардина» вместе с нашей страной приняли участие 14 стран. наших спортсменов поселили в двухместных, очень хороших и уютных номерах престижной гостиницы, во дворе и парке которой были расположены два больших плавательных бассейна.

Турнир проходил в огромном спортивном дворце, который напоминал собой перевернутую ракушку и вмещал 25 тысяч зрителей. Среди последних был и лидер Кубы Фидель Кастро, который очень симпатизировал советскому полутяжу (боксеру полутяжелого веса) Олегу Коротаеву. А у того на турнире наступил настоящий звездный час. В первом поединке он встречался с боксером из ГДР Куртом Андерсом и довольно легко его одолел. На первых же минутах матча Коротаев применил хитрость – специально открыл свое лицо для удара справа. Андерс клюнул на эту уловку, быстро ударил справа прямым, но Коротаев ударил правой прямой еще быстрее и сильнее. Андерс рухнул, так и не сообразив, что произошло. Так наш боксер выиграл свой первый поединок на турнире, не потратив сил и энергии.

Следующим соперником Коротаева был кубинский боксер Луис Вега. Не стоит, наверное, говорить, что вся поддержка многотысячной публики, заполнившей арену-«ракушку», была на стороне кубинца. Русскому желали поражения, причем скорого. Но все вышло иначе. Вега с первых же секунд поединка бросился в атаку, пытаясь выбить соперника с центра ринга. Но Коротаев центра не уступал. Он стал финтами прощупывать кубинца и обманывать, а у того было столько сил и энергии, что он не стал сбавлять напора и все время атаковал. В

конце концов Коротаев поймал его в атаке и два раза быстро ударил левой сбоку. Вега упал и тяжело стал подниматься. После счета 8 рефери разрешил бой продолжить. Но для Коротаева все стало уже ясно – «распечатав» кубинца, он был уверен в своей скорой победе. И не обманулся. В конце первого раунда он сильно ударил левой в область печени – Вега осел на ринг, и судья снова открыл счет. И весь второй и третий раунды Коротаев бил и работал только по корпусу. А когда соперник был измотан этими ударами, Коротаев нанес ему неожиданный удар в голову. Вега рухнул на ринг без чувств. Сила удара была настолько велика, что сам он подняться был не в состоянии, его положили на носилки и унесли.

Два дня спустя Коротаев встретился в финале с кубинским боксером Луисом Вальерой. На последних Панамериканских играх этот боксер показал себя во всей красе – все свои поединки выиграл нокаутом – и стал настоящим любимцем всей Кубы. Однако уже в первом раунде Коротаев буквально «забил» его, в итоге отправив в нокаут. Вальера упал как подкошенный, и рефери из ГДР открыл счет. Когда он досчитал до 6, Вальера с трудом поднялся, при счете 8 рефери остановил бой и, не объявляя нокаут, развел боксеров по углам. Он хотел прекратить бой, чтобы тот не кончился более глубоким нокаутом. Но кубинские тренеры и руководители вступили с ним и главным судьей в переговоры и добились продолжения поединка. Рефери согласился. Вальера к тому времени успел немного восстановиться и сразу же бросился вперед под крики своих тренеров и болельщиков. Коротаев это предвидел, но, зная, в каком кубинец состоянии, не стал его сразу добивать, а обманными движениями рук и ног заставил раскрыться и уже в атаке ударил справа прямым. Вальера рухнул, причем на этот раз окончательно. В итоге рефери прекратил счет, едва его начав, и пригласил врача. Далее послушаем самого О. Коротаева:

«Кубинца подняли и отнесли в свой угол. Его попытались усадить на стул, но он не смог сидеть, он все время падал. Тогда его положили на носилки и унесли с ринга. Кубинцы и все, кто находился в зале, устроили мне овацию. Я посмотрел в ложу, туда, где находился Фидель Кастро, – там все стоя аплодировали. Значит, бой мне удался, значит, все было так, как я хотел. На награждение мы вышли втроем, Вальеры не было, его приводили в чувство врачи. После финала кубинцы

устроили дружеский ужин для всех участников, тренеров, представителей и судей. На ужине были вручены главные призы турнира «Кордова Кардина». Главный приз получил полулегковес Торрес (Куба), приз за волю к победе Вараздат Багдасаров (СССР) и за лучшую технику приз дали мне (Серебряная ваза). Я был очень и очень рад и доволен, как будто я стал олимпийским чемпионом. Президент Федерации бокса Кубы Альберто, вручая мне кубок, сказал, что они сожалеют о том, что видели меня мало на ринге, но запомнили хорошо. Он также сказал, что я очень понравился Фиделю. Я это уже знал, так как после финального боя Фидель в сопровождении Рауля Кастро и членов правительства, которые были с ними во дворце спорта на финальных боях, пришли к нам в раздевалку, и через переводчика я тогда впервые разговаривал с руководителем Кубы, легендарным Фиделем...»

В 1971 году Коротаев отправился на чемпионат Европы по боксу, который проходил в Мадриде. Коротаев приехал туда в прекрасном настроении, рассчитывая на успешное выступление. Однако у тренера сборной Анатолия Степанова (кстати, на заре своей спортивной карьеры он снялся в кино – сыграл роль боксера Юрия Рогова в фильме «Первая перчатка»), видимо, было иное мнение. Они давно не ладили с Коротаевым, и теперь, на чемпионате Европы, эта неприязнь обрела свои ясные очертания – тренер усадил Коротаева на скамейку запасных, а вместо него выпустил на ринг дублера – боксера Метелева. В итоге тот проиграл оба боя – болгарину Георгиеву за явным преимуществом и югославу Мате Парлову нокаутом.

Вспоминает О. Коротаев: «Степанов разметал все мои надежды. Возможно, кто-то скажет, вот, мол, не стал олимпийским чемпионом, а теперь ищет крайних, и вообще, нехорошо жаловаться, умная задница никому не нужна... Однако я уверен в том, что именно этот человек нанес огромный вред не только мне, но и всему нашему боксу. Он загубил многих. Поэтому я решаюсь сейчас говорить об этом. Здесь скромность жертв выглядит укрывательством негодяя. Единственное, что я не могу понять до сего дня, почему так долго этот «старший тренер СССР» доминировал среди настоящих тренеров, среди подлинных специалистов, ученых, каковым был, скажем, мой тренер Георгий Ованесович Джероян. Без всякого сомнения, за Степановым кто-то стоял, но кто? Начну с того, что Степанов был взяточником,

причем изобретательным. Вот пример. Перед Олимпийскими играми вызывает он Володю Чернышова, талантливого боксера, и говорит ему: «Значит, так: напишешь, что тренируют тебя Анатолий Степанов и его брат Геннадий – поедешь на Олимпиаду, не напишешь – не поедешь». А как написать такое боксеру, который всем обязан своему настоящему тренеру, который стал вторым отцом? Что, ради поездки на Олимпиаду пойти на предательство? А как жить после этого? Как смотреть в глаза тому, кто в тебя вложил свою душу, часть своей жизни? Как самому быть с такой мерзостью внутри? В результате на Олимпиаду вместо него, и это несмотря на то, что Володя был чемпионом Союза, Европы, Степанов взял покладистого Юру Нестерова. Юра к тому же возил Степанову икру ведрами, я это знаю, потому что когда Юра приезжал в Москву, то останавливался у меня в доме, и его взаимоотношения со Степановым не были для меня тайной...»

Когда сборная вернулась из Мадрида, Коротаев стал готовиться к летней Спартакиаде народов СССР. Однако фортуна и в этом случае от него отвернулась. На одной из тренировок в Кисловодске он получил серьезную травму – разрыв связок правой ноги плюс вылез наружу мениск. Поначалу думали, что все пройдет, но этим чаяниям не суждено было сбыться. Спартакиаду Коротаев вынужден был пропустить и лечь на операцию. 12 июля 1971 года ее сделал ученик знаменитого врача Зои Мироновой Юрий Башкиров. Если раньше порванную связку заменяли искусственной, то Башкиров поступил иначе – взял из-под колена сухожилие, которое не выполняет важных функций, перетянул вместо связки и закрепил. Операция прошла удачно, однако Коротаев надолго выбыл из тренировочного процесса, взяв в руки костыли. И тут на горизонте вновь возник Степанов, которому, видимо, не давало покоя его поражение на чемпионате Европы. Он поднял вопрос в Спорткомитете о том, что карьера Коротаева-боксера закончилась. В итоге, пока спортсмен лежал в больнице, ему снизили стипендию – вместо 300 рублей он стал получать 200. Кроме того, его предупредили, что если в октябре, на международном турнире в Минске, он не сможет боксировать, то его лишат и этих денег и спишут в инвалиды. А когда Коротаев так и не смог принять участие в минских соревнованиях, санкции перенесли на декабрь – на международный турнир.

Турнир в Ленинграде начался 1 декабря. О том, как он проходил, рассказывает О. Коротаев:

«В конце ноября я приехал в Ленинград, двигаться еще как следует не мог, но у меня было безвыходное положение, и 1 декабря я вышел на ринг. В первом же бою жребий свел меня с сильнейшим боксером Европы румыном Ионом Селишем, который в полуфинале в Мадриде боксировал с Мате Парловым. В первом раунде мне удалось нанести ему сильный удар в голову, нокдаун, а во втором раунде я его нокаутировал.

Второй бой я провел с Сашей Читалкиным из «Даугавы», членом сборной СССР. Характер боя был тот же. В первом раунде у Саши нокдаун, а во втором нокаут. Наконец, финал. К тому времени я умирал от болей в ноге, но отказаться от финала не мог, тем более что в финале я должен был встретиться с Метелевым, с тем самым Метелевым, которого вместо меня Степанов поставил выступать на чемпионате Европы. Степанов хотел всем доказать, что он был в Мадриде прав, не дав мне выступить, он не хотел упустить этот шанс. И вот бой. Я на время забыл о боли и своего соперника просто разорвал. Нельзя не сказать о поведении Степанова, наблюдавшего за нашим поединком. Когда Метелев, пропустив первый сильный удар, упал на помост, Степанов подбежал к рингу и закричал: «Вставай, сволочь! Паразит, вставай! Бей Коротаева! Трус, блядь, сука, вставай!» Как только он ни называл несчастного боксера, который находился в нокдауне. А ведь Метелев считался протеже Степанова. Своих – и то не жаловал, когда затрагивались его интересы. Я мог нокаутировать Метелева еще в первом раунде, но мне хотелось, чтобы это произошло эффектно, красиво, и я своего добился во втором раунде – ударом по печени я Метелева нокаутировал. Это так красиво смотрится – левой снизу. Он не смог подняться, прибежали врачи, санитары и на носилках унесли его с ринга...»

Спустя две недели – 14 декабря 1971 года – Коротаев в составе сборной СССР отправился в столицу Болгарии город Софию для участия в очередном международном турнире. Причем Степанов братья его не хотел, но после того, как Коротаев блестяще выступил на турнире в Ленинграде, невключение его в состав сборной выглядело бы по меньшей мере странно.

Болгарскую сборную в то время тренировал наш тренер Борис Никаноров, который прекрасно знал про убойные способности Коротаева. А первый бой тот должен был проводить с новичком болгарской сборной, которого готовили к предстоящей Олимпиаде. Видимо, пожалев парня, Никаноров прислал к Коротаеву гонца, который объяснил: мол, наш боксер парень молодой, ему всего 22 года, мы его готовим к Олимпиаде и, зная о твоих способностях, с поединка снимаем. А то разок стукнешь как следует, и на Олимпиаду некого будет ставить». Самое интересное, но Коротаеву в то время тоже едва исполнилось 22 года. Короче, так Олег «влегкую» заработал победное очко.

Второй бой он отбоксирил с другим болгаринцем, который был постарше его и считался опытным бойцом. Однако это не убергло его от поражения – Коротаев нокаутировал его уже во втором раунде. Третьим противником Олега волею судьбы стал кубинец Карильо (спустя несколько месяцев на Олимпиаде-72 он станет серебряным призером XX Олимпийских игр, в финале уступив Мате Парлову). Этот бой тоже оказался скоротечным, поскольку Коротаев нокаутировал Карильо уже в первом раунде.

Наконец, финал. Там Коротаеву достался румынский боксер со звучной фамилией Моня. По словам Коротаева, тренер Степанов очень надеялся на то, что он проиграет (!) этот поединок и тем самым спасет его репутацию в глазах чиновников из Спорткомитета. Но Коротаев ему такой «подарок» не преподнес, нокаутировав и Моню (правда, в третьем раунде). Как расскажет позднее сам Коротаев: «По возвращении с турнира в Москву у Степанова в Спорткомитете уже начались неприятности серьезные. Трон под ним закачался...»

И все же Степанов тогда в кресле старшего тренера удержался. И вскоре нашел повод отыгаться на Коротаева. Перед Олимпиадой прошло первенство страны, где Коротаев, как чемпион СССР предыдущего года, должен был выступать без отборочных соревнований. Но Степанов не включил его в состав сборной команды, которая отправилась в Голландию на турнир «Тюльпанов», и Олегу пришлось ехать на зональные соревнования в Ростов. Там ему пришлось провести три тяжелых боя: два он выиграл нокаутом, а один по очкам. В этих боях Коротаев так разбил обе руки, что они распухли, как футбольные мячи. Приехал в Москву лечиться, но руки никак не

хотели заживать. И в таком состоянии он вынужден был участвовать в финальных соревнованиях зоны. Первый бой – с Александром Анфимовым – он с трудом, но выиграл. Второй поединок – с братом Анфимова Николаем – тоже осилил, хотя и по очкам (выиграть нокаутом не позволили раны на руках). В финале Коротаев бился все с тем же Николаем Анфимовым. Бился грамотно и вполне мог победить. Но за 40 секунд до конца боя Анфимов головой рассекает ему бровь. Степанов немедленно бросился к врачу соревнований, и тот под его нажимом снял Коротаева с боя. Чемпионом Союза стал Николай Анфимов. А спустя несколько месяцев Коротаева ждала беда куда более серьезная.

В августе 72-го Коротаев в составе сборной СССР проходил тренировочные сборы в Кисловодске перед поездкой на Олимпийские игры в Мюнхен. А тренером сборной был все тот же Степанов. Хотя все могло быть иначе. После того как весной Коротаев успешно выступил на международном турнире в Югославии, в Спорткомитете вновь встал вопрос о совместном существовании двух этих людей в рамках сборной. В итоге было решено убрать Степанова, чтобы он не мешал Коротаеву готовиться к Олимпиаде. Но тут случилось неожиданное. Тренер Георгий Джероян, чьим воспитанником был Коротаев, внезапно отказался встать у руля сборной, сказав, что может быть лишь консультантом. Поскольку время поджимало, а других достойных кандидатов на пост главного тренера больше не нашлось, было решено пока оставить Степанова.

Далее послушаем рассказ самого О. Коротаева: «У моего товарища был день рождения, и он нас – кроме меня еще троих ребят – пригласил в воскресенье (20 августа. – Ф. Р.) к себе в гости на дачу. Возвращались на машине, и спустило колесо. Запаски в машине не оказалось. Мы вернулись на дачу, вызвали другую машину и опоздали к отбою на полчаса. Тут Степанов и отомстил мне и моему тренеру Джерояну. Раздул из мухи слона, позвонил в Спорткомитет, чуть ли не до ЦК партии дошел, что, дескать, Коротаев организовал умышленное нарушение режима подготовки к Олимпиаде. Он преподнес это как диверсию врага народа. Из Спорткомитета пришла телеграмма, чтобы Степанов принял меры. Но никто не думал, что этот человек под мерами будет понимать однозначно репрессии. Что же он придумал? А придумал он ни больше ни меньше, как предложить руководству

Спорткомитета страны на подпись приказ, который гласил: «Олега Коротаева дисквалифицировать навечно, снять с него все звания, лишить наград и стипендии, тренера Коротаева Г. О. Джерояна лишить звания заслуженного тренера СССР, ходатайствовать перед Министерством народного образования о ликвидации его ученой степени доктора наук и лишить права заниматься тренерской и педагогической практикой». Все были ошеломлены. На это и был у Степанова расчет. Знаете, говорят ведь: «Клеветайте, клеветайте – что-нибудь да останется». И осталось. В Спорткомитете подписали приказ: меня дисквалифицировать, снять меня со стипендии, снять с очереди на квартиру, и Березюка для отвода глаз Степанов написал, чтобы дисквалифицировали, дескать, не одного Коротаева. Трегубову, Соколову и Зариктуеву – предупреждение, тренерам – выговор. Вот так и растоптал этот человек еще одну мою мечту, мечту стать олимпийским чемпионом. Вместо меня поехал Коля Анфимов...»

Стоит отметить, что на той Олимпиаде советская сборная по боксу выступила крайне неудачно, и Степанова все-таки отстранили от работы. Пусть такой ценой, но справедливость восторжествовала. Коротаеву аннулировали дисквалификацию, вернули звание мастера спорта международного класса, восстановили стипендию, правда, квартиру так и не дали. Зато разрешили выступать на ринге.

В 1973 году Коротаев отправился на чемпионат Европы, который проходил в Белграде. В первом же бою судьба свела Олега с серебряным призером прошлогоднего ЧЕ немцем Заксе. Коротаев нокаутировал его уже во втором раунде мощным ударом по корпусу. Второй бой, на этот раз с болгаринном, Коротаев тоже выиграл. После чего судьба свела его с давним знакомым, национальным героем Югославии Мате Парловым. Ажиотаж вокруг этого поединка был фантастический. Вся страна болела за своего боксера, и боксировать в такой обстановке Олегу психологически было очень сложно. Да разве только на ринге? Еще за день до боя к Коротаеву на улице подходили югославы и, показывая ему газету с его фотографией, говорили: «Мате Парлов – бух!» То бишь: бойся – наш Мате тебя убьет. На что Коротаев отвечал: «Нет, это я – бух!» Югославы только смеялись. О том, как проходил поединок, лучше послушать рассказ самого Коротаева:

«Судья дал команду: «Бокс», и бой начался. Парлов под крики болельщиков бросился на меня. Я один раз уклонился, второй,

подергал его немножко обманными движениями и решил проверить его на удар. Подготовил Парлова к удару, развернул его так, как мне было нужно, и в конце первого раунда нанес нокаутирующий удар в голову правой. Мате упал, а я стал в угол. Вижу, что нокаут, а про себя думаю: «Я же говорил, что нокаутирую Парлова во втором раунде (такое заявление Коротаев сделал на пресс-конференции. – Ф. Р.), а получилось в первом». А на ринге был судья Вольф, и он, видимо, испугался той мертвой тишины, которая повисла в зале. Он постоял чуть-чуть над Парловым, потом подходит ко мне: «Зайдите в угол». А я в самом углу стою. Опять идет не спеша к Парлову и начинает счет сначала: «Раз... два... три...» Снова ко мне идет: «Покажи перчатки». Мы потом просматривали запись боя и подсчитали – 28 секунд считал Вольф, кроме того, гонг дали раньше времени. Парлов еле-еле смог подняться и сесть на стул.

Мне в перерыве мой секундант говорит: «Олег, добей его сразу, не тяни». И я мог бы его добить, но я хотел, чтобы он поплыл вначале, чтоб удар прошел красиво и эффектно, мне не хотелось просто забивать его. Он был левшой, а я работал в правосторонней стойке, стоило мне подцепить его левую руку – и бей, однако, на мой взгляд, в настоящем боксе такого не должно быть, чтобы работать на ринге, как в уличной драке, – лишь бы ударить. Поэтому я чуть подзадержался с ударом, хотел красиво закончить. И тут бац – Парлов головой разбивает мне бровь. Сразу же подскочил врач и снял меня с боя. Победу присудили Парлову. На пресс-конференции ему потом пришлось выслушать много неприятных слов, которые высказывали журналисты, в свой адрес. Олимпийский чемпион не должен себя так вести на ринге, не по-спортивно, применять запрещенные приемы. У меня был в Югославии из журналистской среды товарищ, звали его Михаил Николаевич, так он мне сказал: «Если бы Мате проиграл чемпионат Европы в Белграде, его бы убили. Турнир вообще не стоило проводить в Белграде. Мате – земляк Иосифа Тито». Потом Тито подарил Парлову «Мерседес» за чемпионство. А когда на награждении мы стояли рядом с Парловым на пьедестале, я ему не подал руки. На банкете у мэра Белграда посыльный от Тито вручил мне маленький сверток, в котором была коробочка, в ней еще одна коробочка, и в последней были две пепельницы, одна с золотым ободком, другая с серебряным. И надпись: «Олегу Коротаеву, с уважением. И. Б. Тито».

Да, со спортивной точки зрения начало 73-го для Коротаева сложилось неудачно. И единственным утешением ему стало то, что он нашел себе жену Татьяну. Она была экономистом по образованию, работала на хорошей должности и получала неплохие деньги. И какое-то время даже содержала мужа, у которого дела в спорте шли не самым гладким образом. Так продолжалось до ноября, пока Коротаев не съездил на чемпионат СССР в Вильнюс и не выиграл там золотые медали.

В конце марта 1974 года Коротаев участвовал в очередном чемпионате СССР. Мог стать чемпионом, но сам все испортил. В те дни его жена вот-вот должна была родить, и, естественно, все мысли Олега были об этом. Он только и думал, как бы поскорее вернуться в Москву и застать рождение ребенка. А тут, как назло, на турнире случилась накладка: судьи по ошибке отдали очки не Коротаеву, а его противнику Соколову. Потом разобрались и решили перенести разбирательство на другой день. Но Коротаев не стал ждать его итогов, собрал вещи и улетел в Москву к жене. В итоге победу отдали Соколову.

18 апреля Коротаев улетел на очередной международный турнир – в Югославию. Именно в эти самые дни его жена и родила. Это был мальчик, которого тоже называли Олегом. Еще до поездки на турнир Коротаев дал наказ родственникам, чтобы без него они Татьяну из роддома не забирали. Те наказ выполнили. И, едва вернувшись в Москву, боксер сам отправился в роддом и забрал домой жену и первенца. Правда, привез их не в какие-нибудь хоромы, а в тесную комнатку в коммуналке, где проживало пять семей (Коротаевы ютились в одной комнате шестером (!): их трое, а также сестра Татьяны с мужем и сыном.)

В конце 1974 года Коротаев участвовал в своем последнем чемпионате мира. В первом поединке он бился с венесуэльцем Санчесом и выиграл его нокаутом. Плюс заработал здоровенный фингал, который Санчес поставил ему, ударив головой. Но даже несмотря на огромную гематому, наплывшую на глаз, Коротаев выиграл и второй поединок. В третьем ему достался куда более серьезный соперник – американец Леон Спинкс. Это был сильный боксер, которого все опасались и считали главным претендентом на чемпионское звание. Характерно, что тренеры советской сборной еще

за несколько часов до боя вслух говорили, что в этом бою победит не кто иной, как Спинкс. Услышав это, Коротаев решил: умру – но бой выиграю. И ведь выиграл. Уже в первом раунде он послал Спинкса в нокдаун. В третьем был зафиксирован второй нокдаун, после чего судья решил остановить бой. Но американцы заявили протест, и поединок решено было продолжить. О чем американцы вскоре сильно пожалели. Коротаев так разозлился, что саданул Спинка в челюсть, и тот рухнул как подкошенный. Судья зафиксировал нокаут. Когда Спинкса подняли под руки, он с трудом передвигал ноги и еле добрел до своего стула.

В финальном поединке судьба свела давних соперников: Олега Коротаева и югослава Мате Парлова. Тот, наученный горьким опытом полуторагодичной давности, не стал ждать, когда Коротаев свалит его с ног нокаутом, шнуровкой перчатки попал ему точно в гематому у виска. У Олега потекла кровь, и судья засчитал победу техническим нокаутом Парлову. Коротаеву досталось серебро турнира.

В январе 1975 года Коротаев в последний раз съездил в Америку на матч США – СССР. Провел там три боя. В первом победил боксера, который потом был дублером Сильвестра Сталлоне в фильмах про Рокки. Во втором встретился с Леоном Спинксом. Дважды послал его в нокдаун, но судьи присудили победу американцу (видно, не хотели огорчать земляков Спинкса – матч проходил на его родине в Сент-Луисе). Третий бой Коротаев провел с Дэвисом и выиграл его нокаутом. На радостях отправился отметить победу к своим друзьям-эмигрантам, о чем немедленно было доложено руководству сборной. И Коротаева из команды отчислили. Несмотря на то, что он до этого семь лет достойно защищал честь сборной на всех соревнованиях. И на чемпионат Европы в том году его уже не взяли. И никакие прежние заслуги не помогли. А ведь Коротаев был пятикратным чемпионом СССР, призером чемпионата мира и финалистом чемпионата Европы. В 196 боях он победил 187 раз, и невероятно, но в 160 боях он отправил своих соперников в нокаут. Такого результата нет НИ У ОДНОГО боксера в мире.

В конце 1975 года Коротаев отправился на военные сборы в Коврове (послали от института). После них поехал на турнир в честь освобождения Белграда в Югославию. Причем выступал там в тяжелом весе. Провел два поединка и в обоих победил нокаутом. А

вскоре после возвращения на родину на Коротаева завели уголовное дело. Что же произошло?

После того как Коротаева «отцепили» от сборной, его решили послать на сборы перед первенством «Профсоюзов». Боксер отказался: он семь лет был в сборной, больше, чем кто-либо, а тут ему предлагали, словно новичку, сборы второразрядного соревнования. Чтобы заглушить обиду, Олег пустился во все тяжкие: связался с темными личностями, кутил в ресторанах. На том и погорел.

Как-то в ресторане гостиницы «Варшавская», что возле метро «Парк культуры», Коротаев надумал «снять» путану. Дав ей деньги, он отправил ее в номер, а сам задержался. Однако девушка по дороге к месту назначения нашла себе более выгодного клиента – бизнесмена из Западной Германии. Увидев это, Коротаев бросился в погоню. Он настиг воркующую парочку в лифте и, не говоря ни слова, «припечатал» своим пудовым кулаком сначала бизнесмена, а потом и путану. После чего поднял иностранца за грудки и приказал ему выворачивать карманы. Тот беспрекословно подчинился, отдав Коротаеву всю имеющуюся у него наличность – целую «котлету» баксов. Путана потом будет рассказывать, что боксер вышел из лифта чрезвычайно довольный и, потрясая долларами, сказал: «Ну, оплатить оркестр хватит!..»

Этот инцидент так и остался бы неразглашенным (иностранец счел за благо не заявлять в милицию), если бы накануне его Коротаев не отметился бы точно таким же образом в другом питейном заведении – ресторане «Русь». Причем там под его пудовые кулаки угораздило попасть не какому-нибудь иностранцу, а... сыну министра внутренних дел СССР Игорю Щелокову! Поэтому на момент драки с иностранцем за Коротаевым уже охотилась милиция, и, едва он вернулся из «Варшавской» домой, как его тут же и повязали. Во время обыска у него нашли наркотики и «боеприпасы» – сувенирный патрон, подаренный боксеру американским полицейским в знак уважения.

Самое интересное, но даже несмотря на то, что за арестом Коротаева стояли весьма влиятельные люди, нашлись и такие, кто попытался помочь боксеру. Под их давлением уголовное дело на него было закрыто. Но затем кто-то из «доброжелателей» накатал анонимное письмо в адрес XXV съезда КПСС (он проходил в феврале 1976-го), и дело возбудили снова. Коротаева поместили в СИЗО,

правда, разрешили в последний раз выступить в первенстве страны, поскольку проходило оно на родине боксера – в Свердловске (конец марта), и он таким образом мог в последний раз навестить родных. Прямо из КПЗ его отвезли к самолету, который и доставил боксера на турнир. Однако выступить на должном уровне Коротаеву помешало здоровье – у него началась ангина, да такая сильная, что из ушей боксера шел гной. В полуфинале – 26 марта – он должен был биться с Квачадзе, у которого до этого уже неоднократно выигрывал. Тренеры и организаторы чемпионата поставили вопрос о том, чтобы Коротаев пропустил этот бой и выступил в финале (28 марта). Передышка дала бы ему возможность хоть немного выздороветь. Но тренеры Квачадзе выступили против. И бой состоялся. Вот как о нем вспоминает В. Агеев:

«Квачадзе поначалу побаивался Олега, а он своеобразный был боксер, с хорошей защитой, и вот Олег его бил, бил, бил, хотел побыстрее уже в первом раунде закончить бой, но спешка в таком деле плохой помощник, хотя, конечно, она была оправданна – когда ты едва стоишь на ногах и из ушей хлещет гной, тут волей-неволей будешь спешить. Как бы там ни было, а у Олега все никак не мог пройти сильный удар. И где-то к концу второго раунда он выдохся, и тут Квачадзе стал выходить потихоньку из защиты, отвечать ударами, и в итоге судьи отдали победу Квачадзе...»

Стоит отметить, что после этой победы у Квачадзе пошел рост – он стал чемпионом Европы, участником Олимпийских игр и так далее. А звезда Коротаева закатилась – состоявшийся вскоре суд приговорит его к 5 годам тюремного заключения.

В начале 80-х Коротаев освободился, однако в спорт больше так и не вернулся. Стал заниматься какими-то темными делами, благо друзей в уголовном мире у него после отсидки прибавилось. Как итог: в 1985 году Коротаев сел во второй раз, и снова за драку. Впрочем, в той истории тоже были свои «белые пятна», но решающего значения они уже не имели. Через три года он вышел и занялся бизнесом.

24 июня 1989 года едва не стало последним днем на земле для Коротаева. О том, что же произошло, вспоминает К. Копцев:

«В тот день мы провожали Славу Николаева, нашего общего друга. Олег был за рулем. И вот в тоннеле под площадью Маяковского мы на полном ходу врезались в стоявший без движения «Мерседес»,

который, будучи в подпитии, бросили на дороге африканские дипломаты. Это было в четыре часа утра. В машине нас было четверо. За Олегом сидел Юра Вольвич, друг Славы Николаева, боксер из Шауляя, я впереди, Слава за мной. При ударе лобовое стекло сняло с моей головы скальп. Остальные пострадали еще больше. Особенно Юра Вольвич. Ему разбило все лицо. Перенес множество операций на глазах, пластику делали шесть раз. Досталось ему... Славе Николаеву все ребра перекушило... А у Олега едва легкие не оторвались. Вот такая это была страшная авария... Отвезли меня и Олега в Боткинскую, Славу и Юру в Склифосовского. Позже Олега перевели в легочное отделение, в мемориальную палату, где Ленин лежал после выстрела Каплан... Но должен сказать, что кроме физических страданий были и другие, не менее страшные последствия этой аварии. Против Олега возбудили очередное уголовное дело. Он-то за рулем был! Спасибо сестре – это она нашла эксперта, который доказал, что Олег не виноват в аварии, а виновны африканцы...»

Стоит отметить, что в первые часы после аварии положение Коротаева было критическим – его жизнь висела на волоске. И когда к нему в больницу примчались жена Татьяна и друг Николай Космин (позднее именно он напишет биографию боксера), врачи им честно обо всем рассказали. Вот как об этом вспоминает Космин:

«Вдвоем с Татьяной мы побывали во всех палатах, в предпоследней мы нашли того, кого так долго искали. Он лежал один, на какой-то твердой, обернутой клеенкой кровати, все его лицо и тело были залиты кровью, даже тусы, единственное, что оставалось на нем, были насквозь ею пропитаны. От этого ужасного зрелища волосы на моей голове стали живыми. Что касается моей спутницы, то она как вошла, так и осталась стоять у порога, боясь поверить своим глазам. Мне понадобилось все мужество, чтобы приблизиться к неподвижному телу умирающего, а может быть, уже умершего чемпиона – по его бездыханному виду я склонялся ко второму. И о чудо! Он дышал! Но как дышал! Я приложил ухо к груди – при каждом редящем вздохе в ней, как кипяток в раскаленном самоваре, что-то рвалось и шипело. «Легкие! – пронзила меня догадка. – Разорваны легкие! Он умирает».

– Таня, ты побудь здесь, а я сейчас, – сказал я как можно спокойнее, глядя в стеклянные глаза жены чемпиона, и вышел из

палаты...»

Космин нашел медсестру и буквально заставил ее вызвать к умирающему Коротаеву врачей. Причем ему пришлось пойти на хитрость: он сказал, что больной является... членом ЦК. Не сделай он это, Коротаев бы точно умер: день-то был выходной. Как только дежурная сообщила об этом по телефону наверх, на их этаж сбежались чуть ли не все лечащие врачи. Но спасли боксера не они, а главврач Аркадий Львович, который собственноручно сделал ему инъекцию и распорядился немедленно везти больного на рентген. После чего под руководством того же Аркадия Львовича Коротаеву откачали кровь из легких. В результате жизнь боксера была спасена.

Выйдя из больницы, Коротаев вновь вернулся в бизнес. Среди его друзей были разные люди: писатель Юлиан Семенов, космонавт Валерий Леонов, а также знаменитый Вячеслав Иваньков – вор в законе, известный как Япончик. По версии газеты «Иностранец», среди друзей Коротаева был и другой известный авторитет преступного мира России – Федор Ишин по кличке Бешеный. 6 августа 1993 года он погибнет в Москве от рук наемных убийц вместе с Амираном Квантришвили.

Между тем в ноябре 1992 года Коротаев внезапно улетает в Америку. По некоторым сведениям, его отъезд был связан с некой угрозой, исходившей из Свердловска. В этом городе он родился, там остались многие его друзья и, по всей видимости, враги его друзей. Некоторые из его хороших знакомых погибли. Первым из них стал Ефим Ласкин, убитый в 1991 году. 26 октября 1992 года в Екатеринбурге (бывший Свердловск) был убит еще один друг Коротаева – Олег Вагин.

Глава туристической фирмы «Голден классик» Анна Шмулевич заключила с Коротаевым фиктивный брак, чтобы он мог получить грин-карту (удостоверение, дающее право на работу) и остаться в США. Благодаря этому Коротаев стал вице-президентом «Голден классик» и занялся туристическим бизнесом. Одновременно он представлял интересы Ассоциации профессионального спорта России и уже в качестве вице-президента Всемирной боксерской ассоциации помогал нашим спортсменам, которые приезжали в США на турниры.

В Америке Коротаев прожил год и два месяца. 12 января 1994 года он погиб в Нью-Йорке от руки неизвестного. В сводках 60-го

полицейского участка района Бруклин после этого отметили: «12 января 1994 года в 4 часа 45 минут гражданин РФ Олег Коротаев, 1949 года рождения, вышел из ресторана «Арбат» на Брайтон-Бич... с неизвестным лицом мужского пола. Предположительно, данное лицо произвело выстрел в затылок Олега Коротаева. Потерпевший скончался на месте...»

В интервью газете «Известия» заместитель руководителя специальной группы по борьбе с организованной преступностью в штате Нью-Йорк Грег Сташук объяснил, что характер убийства не вызывает сомнений: «Действовал наемный убийца, который мог находиться только рядом с ним. Судя по всему, этот человек (если только это был один человек) не вызывал у Коротаева подозрений. Возможно, что они даже сидели за одним столом. И только оказавшись на безлюдной ночной улице, убийца спокойно достал пистолет и выстрелил Коротаеву в затылок».

По словам Сташука, никто из жителей близстоящих домов не сообщил полиции ничего вразумительного... Такое единодушие в показаниях связано с тем, что подавляющее большинство бывших советских, населяющих этот район, не желают сотрудничать с полицией. «Кодекс молчания» диктует так называемая русская мафия, костяк которой составляют выходцы из Советского Союза. Эта организация в 1994 году насчитывала около тысячи активных членов и в отличие, скажем, от итальянских кланов не признавала принципа сфер влияния.

Говорят, незадолго до смерти Коротаев позвонил домой в Москву. В последнее время он часто звонил, торопил взрослого сына с приездом в Нью-Йорк, говорил, что у него все в порядке. По всей видимости, он не догадывался о нависшей над ним опасности.

Между тем у друзей Коротаева сложилось совсем другое мнение о его гибели. Вот что сказал бывший боксер Виктор Агеев: «Никакой тайной жизни у Олега не было, он был открытый человек. Слишком открытый. Эта нелепая шумиха в газетах по поводу его криминальных связей... Я недавно был в Америке и ездил в тот ресторан, возле которого Олега убили. Что же там случилось? Сидел парень с девушкой. Олег, как рассказывали очевидцы, встал, подошел к парню, что-то ему сказал, и они вышли на улицу. Четвертый час ночи. Мало ли – не так Олег посмотрел, не так сказал... Они вышли на улицу, и

больше ни тот ни другой в ресторан не вошел. А девушка сразу же вышла из ресторана, села в машину и уехала вместе с парнем. Так что ни с какой мафией он связан не был, и никто его смерть не заказывал. Потому что Олег достаточно известный человек, и о нем обязательно должны что-то такое сверхъестественное разнести...»

18 января 1994 года в русскоязычной газете «Новое русское слово» появился некролог на смерть О. Коротаяева. В тексте говорилось, что спортсмен погиб по воле несчастного случая. На следующий день забальзамированное тело погибшего в гробу, обитом деревянным каркасом, было перевезено в Россию из США.

21 января в Москве на Ваганьковском кладбище состоялись похороны знаменитого спортсмена. Его похоронили прямо у входа на погост, напротив могилы братьев Квантришвили.

P.S. В июле 2002 года российские СМИ сообщили, что сын Олега Коротаяева 28-летний Олег осужден за вымогательство. Якобы он тянул деньги из бывших партнеров отца по бизнесу. Лефортовский суд столицы приговорил Коротаяева-младшего к полутора годам тюремного заключения.

...И тогда пришел киллер Владислав Листьев

Слава этого человека началась в годы горбачевской перестройки, а в годы ельцинского капитализма по-русски он достиг вершины своей популярности. В течение нескольких лет блистая на российском телевидении, этот человек наглядно подтверждал истину, что в звезды можно выбиться даже в столь смутные времена. Увы, но вознеся этого человека на вершину славы, смутные времена его и убили. Почему? Об этом и будет наш следующий рассказ.

В. Листьев родился в 1956 году в Москве в рабочей семье: его родители – Николай Иванович и Зоя Васильевна – работали на заводе. Первые полтора года своей жизни Владислав вместе с родителями провел в полуподвальном помещении, на так называемой стрелке (район Краснохолмского моста, Москвы-реки и Обводного канала). Затем семья Листьевых переехала в другое место, а в 1965 году надолго вселилась в только что отстроенный дом на Перекопской улице. Вот как вспоминает об этом их соседка В. Черных:

«Я увидела Владюшку во дворе. Мальчик стоял и охранял холодильник. Подошла к нему, разговорились, и выяснилось, что мы будем жить в соседних квартирах – я в сорок четвертой, а они в сорок пятой. Этой семьей любовались все соседи – Зоя Васильевна и Николай Иванович были очень красивой парой, а Владюшка рос очень культурным, вежливым и серьезным...»

За два года до переезда Листьев пошел в первый класс средней школы. Учился он средне, а круглым отличником был по одному предмету – физкультуре. В итоге в 1971 году он был переведен в спартаковскую легкоатлетическую школу-интернат имени братьев Знаменских и начал заниматься в группе заслуженного тренера СССР Николая Голованова.

Вспоминает В. Улыбин: «Я хорошо помню, как Владик появился в школе. Все ребята были уже достаточно крепкими, хорошо развитыми, могли выдерживать любые нагрузки. А тут – худенький, немного нескладный мальчик, которому до нашего уровня, мягко говоря,

далековато. Но за какой-то год-полтора он все наверстал с лихвой и превратился в очень сильного, серьезного соперника.

Однажды мы бегали в манеже. И на нашу дорожку неожиданно, прямо под ноги, выскочил парень – «шестовик». Они с Владом столкнулись. Естественно, стали выяснять отношения, ситуация накалилась... В общем, чтоб не драться в зале, они пошли разбираться в туалет. Я, конечно, следом – не бросать же друга в беде! Тем более что тот парень был повыше и посильнее Владика – у «шестовиков» руки крепче, силы были неравные. Когда я увидел, с каким упорством Владик дерется, то просто оторопел! У его соперника уже кровь из носа шла, и вообще было понятно, кто на самом деле сильнее. Но я хоть и понимал, что двое на одного – нехорошо, все-таки бросился на подмогу. В итоге мы разбили в туалете умывальник, но «шестовика» все-таки завалили...

Между тем, что сразу бросилось в глаза – врожденная интеллигентность Владика. Для нас, несколько грубоватых, это было необычно. Но за внешней мягкостью была такая сила характера – на зависть многим! В любом соревновании он выкладывался до конца. Поэтому почти всегда был первым. А если его побеждали (что случалось крайне редко), то сильно переживал, хотя внешне старался этого не показывать. А потом тренировался с невероятным упорством, даже с остервенением! И в конце концов добивался своего...»

Коронными дистанциями Листьева были 1500, 3000 метров и 3000 метров с препятствиями (стипель-чез). Он был победителем на Московском и Всесоюзном кроссах, призером соревнований Центрального совета «Спартак», Всесоюзных соревнований среди юношей и юниоров. В 1978 году на розыгрыше Кубка СССР Листьев победил в беге на 1500 метров. Кстати, до сих пор не побиты рекорды МГС «Спартак», установленные Листьевым на дистанциях 3000 метров и 2000 метров с препятствиями, и юниорский рекорд Москвы в беге на 3000 метров с препятствиями.

Вспоминает В. Улыбин: «Мы приехали в Одессу, на чемпионат СССР по легкой атлетике среди юниоров. Владик в дороге заболел ангиной. Нужно было бежать две тысячи метров с препятствиями, а система соревнований была такая, что выставить запасных игроков нельзя. А он к началу соревнований не мог даже говорить! Но на старт все-таки вышел, только закутал шею в большой теплый шарф. Все

болели за него как никогда! И вот он преодолел яму с водой, какое-то еще препятствие, остаются последние метры... В это время кто-то из наших ребят что есть силы заорал на весь стадион: «Ангина, давай!» Владик прибавляет скорости и приходит первым!.. Ни одной победе мы так не радовались. А к нему с тех пор так и приклеилось это прозвище – Ангина...»

Однако не стоит думать, что только спортом единым жил в те годы Листьев. Он, к примеру, собирал значки и сочинял стихи.

Что касается отношений Листьева с девушками, то позднее он сам признается, что всегда был человеком очень влюбчивым. С девушками знакомился легко и всегда имел у них успех. А первый поцелуй достался ему в Пярну, где он отдыхал у родственников и познакомился с девушкой с красивым именем Регина. По его же словам: «Пошел провожать ее. В подъезде – поцеловал, и у меня от этого поцелуя так закружилась голова, что я чуть не упал. Я такой, наверное, очень восприимчивый – что к сигаретам, что к женщинам... Потом я обезумел, я оборвал все цветы под окнами (это, напомним, в Эстонии, где палисаднички, где все красиво) и швырнул их в ее окно. Дело было ночью. Вдруг я вижу, как из темноты вылетают мои цветы. Оказывается, я не заметил, что окно открыл ее отец. В общем, смываться пришлось...»

Между тем отношения с Региной оказались скоротечными – уложились ровно во время пребывания Листьева на каникулах. А первое серьезное увлечение случилось во время учебы в спортивной школе-интернате. Девушку звали Лена, и она заметно выделялась среди других девчонок – выдающихся спортивных результатов не показывала, но была моральным лидером. Всегда держалась уверенно, свободно и независимо. И надо было такому случиться, но в нее угораздило влюбиться не только Листьева, но и его друга Улыбина. Девушка же никак не могла выбрать из них кого-то одного, чем весьма драматизировала ситуацию. В итоге вчерашние друзья превратились в соперников. И хотя они не ссорились, однако их отношения стали натянутыми. В конце концов все разрешилось само собой. Лена наконец сделала свой выбор в пользу Листьева, а Улыбин не стал мешать их счастью и молча отошел в сторону.

Между тем, когда Листьеву еще не исполнилось 18 лет, в семью пришло несчастье – в возрасте 42 лет внезапно умер его отец. Вот как

об этом вспоминает родственница Листьева – жена двоюродного брата его отца Роза Михайловна Листьева: «Настоящей причины его смерти никто не знает до сих пор. В тот день он, как обычно, пришел с работы, ничего не объяснил, только сказал: «Я отравился». Видимо, что-то случилось у них на заводе, но ни тогда, ни много позже никто так и не смог объяснить, что же все-таки там произошло. Зоя пыталась спасти мужа, ему промывали желудок, конечно, вызвали «Скорую»... Но врачи не успели. С тех пор Владислав стал единственной надеждой и опорой для овдовевшей матери...»

А вот что вспоминает по этому поводу соседка Листьевых по лестничной площадке В. Черных: «После смерти Николая Ивановича им пришлось нелегко. Зоя Васильевна работала копировщицей в проектной организации, зарплата – рублей 80, не больше. Приходилось считать каждую копейку. Но она делала все, чтобы сын ни в чем не нуждался. Брала работу на дом, сидела ночи напролет. Она была прекрасной кулинаркой и рукодельницей – у них в квартире всегда был идеальный порядок. Влад рано женился и стал жить отдельно. Но маму никогда не забывал. К любому празднику всегда дарил ей цветы...»

Первой женой Листьева стала та самая Лена, с которой судьба свела его в спортивной школе-интернате. Он женился на ней, когда был студентом международного отделения факультета журналистики МГУ. Было это в середине 70-х. Однако этот брак просуществовал всего лишь несколько лет и распался. Причем инициатором разрыва был Листьев. Его жена не хотела развода и всячески препятствовала ему. К примеру, она неоднократно приходила жаловаться в ректорат МГУ на своего мужа, просила воздействовать на него по общественной линии. Из-за этих «сигналов» Листьеву даже «закрыли» практику на Кубе. Однако эти «походы», видимо, еще больше ожесточили Листьева против жены и окончательно убедили его в правильности того, что он делает. А тут еще подоспела новая любовь: во время Олимпиады-80 он познакомился со студенткой МГУ (она училась на филфаке) Татьяной, которая вскоре стала его второй женой. Вот что она рассказывает об этом: «На Олимпиаде мы с Владом работали в одной группе переводчиков. Между нами сразу что-то возникло. Наверное, это была любовь. С тех пор мы больше не расставались. Жили у моих родителей, в материальном плане сильно

нуждались. Мы оба тогда заканчивали университет и получали по 40 рублей стипендии. Из этих денег Влад еще платил алименты своей первой жене, с которой никак не мог развестись...

В 80-м первая жена Влада ждала ребенка, и по закону Влад не мог подать на развод, пока малышу не исполнится годик. Впрочем, это обстоятельство лишь временами омрачало нашу жизнь. Мы умели радоваться и тому, что у нас было. Медовый месяц провели в глухой деревушке под Ленинградом, часто выбирались на дачу, отдыхали однажды в Прибалтике. Нам очень хотелось побыть вдвоем. В тот период мы увлеклись фотографией. Помню, ставили камеру на стопку книг и дурачились перед объективом.

Счастливым тогда было время. Единственное, что порой выводило нас из равновесия, – первая жена Влада. Куда она тогда только не звонила, пытаясь вернуть мужа... И мы не могли из-за этой женщины оформить свои отношения.

У нас было уже двое детей, когда Влад наконец получил развод и мы расписались. Поздравить пришли самые близкие друзья и родственники. Никаких машин с куклами, конечно. Ведь фактически мы были женаты уже три года.

Наш первый ребенок родился в 82-м. Имя ему мы недолго выбирали. Решили: раз отец – Влад, быть и сынишке Владом... Мне до сих пор об этом больно вспоминать. Наш сын сильно болел. Безднадежно. Это время было самым тяжелым в нашей жизни. Пять с половиной лет надежд и отчаяния... Я бы не выжила в этой ситуации, если бы не поддержка мужа. (Отметим, что в 1982 году Листьев устроился работать на Всесоюзное радио в отдел инновещания. – *Ф. Р.*)

Рождение в 83-м году второго нашего ребенка – Саши – забот, конечно, прибавило, но вместе с тем принесло и моральное облегчение. Влад тоже ожил, много помогал. «Спи, – говорил мне ночами. – Я сам покормлю мальчиков». У нас в доме до сих пор полно фото, где Влад кормит детей...

В 87-м мы пережили самое страшное, что только могут пережить родители, – потерю старшего сына. В нашей жизни начался тяжелый период. Влад загулял. Что было причиной, сказать не берусь. Скорее, навалилось все разом: болезнь и смерть Владика, сложные жилищные условия – в двухкомнатной квартире нас жило семеро, нагрузки на службе – тогда Влад работал на инновещании...

Один запой следовал за другим. Остановиться Влад уже не мог. Он часто не ночевал дома, порой даже не звонил. Я, обезумев от тревоги, бегала по улицам – искала его, обзванивала всех знакомых и даже бюро несчастных случаев. Ужасное было тогда состояние. Но потом Влад возвращался, винился, и я прощала...»

В середине 87-го целую группу работников иновещания (в том числе и Листьева) пригласили работать на телевидение. Тогда в Молодежной редакции запускалась новая информационно-публицистическая передача «Взгляд», и Листьеву досталось место одного из ведущих.

Вспоминает Э. Сагалаев: «Когда мы задумывали передачу «Взгляд», мы хотели в какой-то мере повторить феномен ливерпульской четверки, которая стала и символом, и рупором своего поколения. Поэтому мы воспринимали эту команду как нечто единое целое, хотя у каждого из четверых была своя роль: у Листьева с Любимовым – выразителей интересов элитарной молодежи, причем Влад был подеммократичней, попроще, повеселее. У каждого в передаче было свое амплуа и свое прозвище. Влада так и звали – Влад. Я его для себя называл гусаром... усы, несколько жен, кажущаяся тогда легкость в поведении и в мыслях. Такое вот шаловливое дитя.

Я бы слукавил, если бы сказал, что уже тогда рассмотрел в нем звезду... Был момент, когда он просто висел на волоске – стоял вопрос об увольнении, отлучении от эфира в силу, так сказать, плохой дисциплины...»

Уволить Листьева собирались в 1989 году, когда его слава ведущего «Взгляда» была уже в самом разгаре. Он уже написал заявление об уходе, только дату на нем не проставил. В то время на душе у него было горько: не ладились дела по службе, разваливалась и вторая семья. По словам его жены Татьяны: «Ощущение защищенности не покидало меня все десять лет нашей совместной жизни, несмотря на то, что последние годы мы с Владом жили просто как друзья. Видимо, наши отношения уже исчерпали себя. Влад стал надолго исчезать из дома, возвращался, снова уходил...

По-моему, он – человек, который долго не мог задерживаться на одном месте. Ему нужны были перемены. Наши друзья тоже удивлялись, что мы так долго прожили вместе. К счастью, даже расставшись, мы сумели сохранить теплые, сердечные отношения...»

Примерно в середине 89-го в жизни Листьева появилась еще одна близкая женщина – 25-летняя Альбина Назимова, художник-реставратор. Они познакомились в ее мастерской на Масловке, куда Влад случайно заглянул вечером в компании друзей. По словам самой Альбины, в тот первый вечер они не произвели друг на друга никакого впечатления. Но Листьеву понравилась атмосфера мастерской, и он стал частенько туда заглядывать. Между тем в их судьбах оказалось много общего: в частности, они успели дважды обзавестись семьями, и у обоих на момент знакомства семейная жизнь трещала по швам. Короче, довольно скоро между ними вспыхнул роман, который весьма благотворно повлиял на обоих, но особенно – на Листьева. Благодаря влиянию Альбины он бросил пить, более того – закодировался.

Вспоминают его коллеги по работе.

Э. Сагалаев: «И вот произошло в его жизни нечто, к чему я отношусь с огромным уважением: человек сумел посмотреть на себя со стороны, оценить ситуацию, увидеть альтернативу: под забором или в том деле, которое счастливо выпало на его долю... Листьев не просто сделал себя сам, он совершил огромное, титаническое усилие над собой, он изменил себя, свою жизнь...»

А. Политковский: «С той поры, как Влад закодировался, он стал для приятельских застолий потерянным человеком. Помню, как-то собрались хорошей компанией у меня дома – с женами, с семьями, как полагается. Накатили мы бутылочку-другую, на душе сразу потеплело, все расслабились. Все, кроме Влада. Он спиртного ни грамма в рот не берет – ни шампанского, ни пива. Вы представляете, каково компании сидеть за одним столом с абсолютно трезвым человеком? Уже и разговор не очень стройный, и все не столько других слушают, сколько сами сказать стараются... А рядом кто-то сидит и трезвым взглядом за тобой наблюдает...»

Изменения в личной жизни благотворно сказались и на творческом потенциале Листьева. В только что созданной компании «ВИД» (сентябрь 1990-го) он занял кресло генерального продюсера (кстати, визитную карточку телекомпании – «окаменевшего мужика», как его называют в народе, – придумала Альбина Листьева. Этой маске, изображающей одного из восточных богов, символизирующего мудрость и спокойствие, уже много веков, и хранится она в Музее искусств народов Востока, что на Никитском бульваре, где более

десяти лет работала Альбина. Когда «ВИД» только создавался и Листьев никак не мог придумать нужную заставку, именно Альбина предложила использовать эту маску).

Незадолго до создания «ВИДа» Листьев окончательно ушел из «Взгляда» и стал пробивать в жизнь новый проект – программу «Поле чудес» (аналог английской передачи «Колесо фортуны»). Премьера новой передачи состоялась 25 октября 1990 года и оказалась поистине триумфальной: зритель безоговорочно принял новое супершоу, а Листьев мгновенно превратился в звезду № 1 на отечественном телевидении.

Между тем, несмотря на огромную популярность, которая свалилась на Листьева, первые год-два он вел довольно скромный образ жизни. Поскольку жилплощадь они с Альбиной оставили своим бывшим женам и мужьям, жить им приходилось то в мастерской, то у матери Альбины, то в гостинице. Собственную жилплощадь они сумели занять только в августе 93-го, когда купили двухкомнатную квартиру на Новокузнецкой улице.

Свадьбу справили только на второй год знакомства – 31 декабря 1991 года. Они расписались в шесть вечера, а после поехали с друзьями встречать Новый год в ресторан ВТО. По восприятию всех, они были женаты давно, поэтому афишировать регистрацию не стали. О ней знали только близкие люди. Остальные в ту ночь просто встречали Новый год.

Только в начале 92-го у Листьева появился собственный автомобиль – это были «Жигули», которые ему купил «ВИД».

Пробыв ведущим «Поля чудес» до 1 ноября 1991 года, Листьев оставил его новому ведущему – Леониду Якубовичу, а сам сел в кресло ведущего еще одной новорожденной программы – «Тема» (аналог американской программы «Донахью-шоу», хотя сам Листьев был категорически с этим не согласен). Столь неожиданный шаг Листьев в одном из интервью объяснил так: «Телекомпания «ВИД» дала мне поручение сделать развлекательную передачу. Все прекрасно знали, что это поручение временное, и как только программа поднимется на ноги и станет популярной, я оставлю место ведущего. Словом, это все было оговорено заранее. Поэтому для телезрителей это, может быть, и было неожиданностью, но не для меня...»

В 1993 году Листьев как ведущий уходит и из «Темы» (оставаясь ее художественным руководителем) и открывает еще одну передачу – «Час пик».

Тем временем в российской прессе в 1992–1995 годах появилось большое количество интервью как с самим Листьевым, так и с его женой. Благодаря им людям удалось ближе узнать своего кумира. Пройти мимо них было бы непростительно и в нашем случае. Поэтому приведем отрывки лишь некоторых из них.

В. Листьев («Куранты», 15 февраля 1992 года): «Я не слишком заботливый отец. С дочерью от первого брака не вижусь совсем. Она учится в 4-м классе. С девятилетним сыном от второго брака встречаюсь крайне редко. Он замечательный мальчишка, потому что у него хорошая мать...

У меня одна серьезная слабость – работа. А от большого недостатка – пристрастия к алкоголю – я избавился. Почти год не пью. И не тянет. Видимо, свою цистерну уже выпил...

Конечно, популярность приятна. Но когда на тебя показывают пальцем, бывает – хихикают, случается – кричат что-нибудь вслед, тогда теряешь психологическое равновесие. Избегая этого, езжу только на такси. Рублей 200 в день «набивает»...

Миллиона на сберкнижке у меня нет. И потом, деньги на сберкнижке – это недальновидно. Они должны находиться в обороте и приносить прибыль...

Если меня захотят убить или покалечить, никакие телохранители не спасут. А ночных грабителей не боюсь. Чем я рискую, если у меня в кошельке всегда не больше трехсот рублей? Я их сам отдам. Сочту благотворительной миссией. И нищим подаю, хотя знаю: система нищенских кланов – одна из самых сильных и богатых мафий в Москве. Но отнюдь не претендую на их доходы. У каждого свой бизнес...

Постоянного парикмахера я завел недавно. Хожу стричься в салон «Жень-Шень» в Петровском пассаже. Портного нет, до этого я еще не дошел. А когда вел «Поле чудес», мне помогал подбирать одежду Александр Игманд из Дома моды «Кузнецкий мост»...

А. Листьева («Собеседник», 15 сентября 1993-го):

«Как правило, Влад не интересуется моим мнением о своей работе. Если что-то и говорю, то «в рабочем порядке», я ведь

присутствую на съемках большинства «Тем». Дело в том, что они снимаются вечерами, и Владу спокойней, если я рядом, в студии или у него в кабинете. Впрочем, я была убеждена и не скрывала этого, что «Поле чудес» – программа не для него. Вел он ее профессионально, но какой-то дискомфорт чувствовался. Конечно, он научился в ней общению с публикой, приобрел огромный организационный опыт...

Дни отдыха у нас выпадают крайне редко. В выходные Влад участвует в съемках других передач «ВИДа»: «L-клуба», «Звездного часа». Но если такие дни выпадают, то мы стараемся побывать либо у друзей на даче, либо едем на машине в Загорск, Звенигород, Ростов Великий...

Ссора между нами может возникнуть, только если в морозильнике нет мороженого. Это – беда Влада. Если он вечером не поел мороженого, то считает, что день прожит зря. Ругаться он не ругается, но сердится. Это у него единственная слабость – мороженое обожает до потери чувств. Правда, еще обожает водить машину, но в этом случае я, кажется, не могу ему ничем помешать...

У нас одинаковые взгляды на политику. Спорить мне с Владом об этом то же самое, что математикам убеждать друг друга, что дважды два – четыре. А что касается конкретной политики, то, когда Влада выдвигали в депутаты Моссовета, я была твердо убеждена, что уж женой депутата точно не буду – это выше моих сил. Влад один раз сходил на собрание, посмотрел и сказал: «Никогда в жизни!»

Однажды он подарил мне магазин цветов. Зашел в цветочный и купил все цветы, имевшиеся там. Я сложила их на пол мастерской и поняла, что присутствую на собственных похоронах – такое количество цветов бывает только после смерти. Ставить их было некуда, поэтому пришлось собирать по людям ведра. Потом я допустила один неосторожный поступок – отправила Влада в булочную за хлебом. Он, проходя мимо того же цветочного магазина, увидел, что из подвала подняли еще цветы. Это его жутко рассердило, он прошел к директору и устроил скандал. Тот повел Влада в подвал и отдал ему все, что было. И когда муж вместо хлеба принес еще охапку цветов, у меня был шок. Даже не от количества денег, потраченных на цветы, – от того, что они могли погибнуть, если их сейчас не поставит в воду. Когда я раздавала своим знакомым цветы ведрами, то все меня спрашивали: «Альбина, вы, наверное, вышли замуж?»

Поздравляем!» На что я отвечала: «Нет, я развелась». На следующий день мне пришлось увозить цветы двумя машинами – одного такси не хватило. Я была очень долго по этому поводу на Влада сердита...

Влад очень тяжелый человек, если дело касается походов по магазинам. Ему нужно три недели вбивать в голову, что уже давно пора сходить и купить новую пару туфель. Магазины он не переносит органически: появляется зуд, аллергия и выступают красные пятна, если в магазине он находится больше пяти минут. Поэтому подарки Владу стараюсь делать «утилитарные», то есть то, что нужно ему, на мой взгляд. Потому что если спросить у Влада, что ему нужно, то окажется, что ничего...

Мы стараемся как можно больше времени проводить вместе. Даже в моих командировках он сопровождает меня, как, например, в Петербург. Мне так легче: у меня не болит голова, поспал ли он, прочитал ли на ночь книжку, как он одевается, что ест. За годы жизни в гостинице у нас не было «своих» блюд. Мы ели или на стороне, или в ресторане. Нам негде было готовить – кухня у нас появилась только недавно. А вообще-то в еде Влад абсолютно непривередливый человек. Если в ресторане есть возможность заказать устрицы, то хорошо, если же имеются только супы в пакетиках, Влад с наименьшим аппетитом будет есть их...

Телесериалов я не смотрю и книг по ним не читаю. Не существуют для меня и детективы. Я равнодушна к фантастике. Из авторов очень люблю Набокова. У Владислава же сейчас на журнальном столике лежит открытой книга Юрия Никулина...»

Из-за напряженного ритма, который сопутствовал Листьеву в последние несколько лет его жизни, он реже, чем хотел бы, находил время для встреч с матерью, с сыном от второго брака – Александром. Вот как вспоминали об этом Зоя Васильевна и вторая жена Татьяна.

З. Листьева: «Когда Влад перешел работать на телевидение, я все его передачи смотрела. Но никогда не позволяла себе критиковать или советовать. Единственное, в чем упрекала, что много работает. Просто на износ. За все годы на телевидении Влад не взял ни одного отпуска, не отгулял ни одного выходного.

Когда стал делать «Поле чудес», у него появились деньги и он стал мне помогать больше, чем раньше. Недостатка тогда я не знала ни в чем. Но я продолжала работать, и Влад из-за этого очень переживал.

«Мамуля, – говорил, – уходи с работы, я тебе сам платить буду». А я стеснялась просить у него помощи.

Виделись в последние годы редко. Разве что на его или на мой день рождения. Да еще когда они с Альбиной завезут мне гостинцы. И продукты привозили, и одежду, и что-то для дома. Но обо всем этом больше Альбина заботилась, она все-таки женщина – больше в подарках толк знает.

У меня со здоровьем не все в порядке. Вот однажды в июле Влад и решил меня положить в платную больницу: обследовать и подлечить. Отвели отдельную палату, главврач каждый день заходил, еду приносили в постель. Так было неудобно от всей этой суеты, что я настояла – питаться вместе со всеми, в столовой.

Влад тогда приезжал ко мне каждый день, минут на пять-десять. Его ко мне пускали в любое время. Навезет всяких конфет, фруктов, расспросит о самочувствии и исчезнет. Занят был очень...»

Татьяна: «Полностью доверяя своему бывшему мужу, я даже не стала подавать на алименты. У него и без этого были постоянные денежные проблемы с первой женой, которая все тянула-тянула из него. Иногда, конечно, Влад был настолько занят, что мы не виделись по несколько месяцев, но это никак не сказывалось на моем с сыном финансовом положении. Сердилась я только тогда, когда у меня возникали проблемы с Сандриком – или сын болел, или получал плохие отметки в своей английской спецшколе. Звонила Владу сама, просила помочь в воспитании Саши: приехать или поговорить по-мужски по телефону. Мне хотелось сохранить некую семейную гармонию нашего сына. Хотя я и старалась ему внушить: то, что папа не живет с нами, не имеет особого значения. Все равно он есть и нас любит.

А Влад это доказывал постоянно. Где бы ни был на Новый год или в день рождения Саши, всегда появлялся у нас, с ног до головы увешанный подарками. Когда меня однажды обокрали, Влад сразу же примчался, дал денег и сказал: «Не расстраивайся. Нервы дороже». Отправлял нас с сыном в средиземноморский круиз, дважды давал денег на поездку Саши в Лондон для изучения языка. Для сына это был такой восторг!..»

Между тем Листьев продолжал свое стремительное восхождение на телевизионный олимп. В сентябре 1994 года он занимает пост вице-

президента Академии российского телевидения, а в январе следующего становится генеральным (исполнительным) директором АО «Общественное российское телевидение» (ОРТ). На последнем посту он затевает серьезные преобразования (подробнее об этом в главе «Деньги не пахнут»). К примеру, он заявил, что отныне реклама на ОРТ будет передана в руки ограниченного круга подконтрольных ему компаний. Это заявление Листьев сделал в январе, а месяц спустя газета «Вечерний клуб» сопроводила его следующим комментарием: «В среде телевизионщиков наблюдается явная паника. Оно и понятно: реклама – это живые деньги, доходы телекомпаний и личные доходы. Как легальные, так и нелегальные. На ТВ существует даже специальный термин – «джинса». Им обозначается передача, телесюжет, информация, сделанные по «левому» заказу, оплата которого идет непосредственно исполнителям, минуя официальную кассу. На «Останкино» теперь такой кормушки не будет (подобная ежемесячная недостача исчислялась в сумме 30 миллиардов рублей). Последствия, несомненно, объявятся».

Нельзя сказать, что Листьев не понимал, какая опасность может его подстергать на новой должности. Но он, видимо, не понимал ВСЕЙ опасности, иначе успел бы принять хоть какие-то меры, чтобы обезопасить свою жизнь. Вот что рассказывает об этом певец Александр Новиков: «За несколько дней до трагедии я встречался с ним в «Останкино». Я хотел объяснить, что новая его должность – генеральный директор ОРТ – очень опасное место. Ведь на телевидении завязаны слишком большие силы. В том числе коррумпированные структуры. И мгновенные кардинальные перемены, которые Влад планировал, могли привести к трагедии. Я-то достаточно изучил этот мир.

В кабинете Влад стал рассказывать, какие новшества решил ввести, чтоб каленым железом выжечь мздоимство и прочие болячки ТВ.

Влад просто не верил, что в него могут стрелять. Он знал, как любит его страна. И не мог представить, что найдется человек, способный нажать на курок. Наивно думал, что вначале будут предупреждать, наезжать, угрожать... И он успеет перевернуть ТВ.

«Влад, – хотел сказать я, – на этом уровне уже не угрожают и не предупреждают. Слишком большие деньги».

Но не успел. Влад сказал: «Приезжай вечером домой, там спокойно переговорим обо всем». Я приехал. Ждал до полуночи. Влад несколько раз звонил: «Дождись обязательно! С минуты на минуту выезжаю». Но Альбина ложилась спать. Неудобно было оставаться. Я уехал с тяжелым предчувствием...»

Статья в «ВК» вышла в свет 23 февраля, где-то в эти же дни с Листьевым хотел серьезно переговорить Новиков. Ровно через неделю после этого Листьева убили. Какими были последние часы жизни талантливого тележурналиста?

1 марта 1995 года (на 34-й день своего пребывания на посту гендиректора ОРТ) Листьев приехал в «Останкино» около часа дня. Весь день напряженно работал у себя в кабинете, встречался с нужными людьми, обсуждал новые программы. Закрутился так, что даже забыл о собственной программе «Час пик», которую должен был вести как ведущий в 19.10. Ему напомнили об этом буквально за несколько минут до эфира, он схватил свой портфель и умчался в студию.

После «Часа пик» (около восьми вечера) он вновь вернулся в свой кабинет и вместе с секретарем Елизаветой Кузьминой посмотрел по телевизору передачу «ВИДа» «Счастливый случай». По словам Кузьминой, был весел, с удовольствием угадывал слова. Затем он отпустил ее домой, а сам позвонил кому-то по телефону. В 20.15 он вышел из «Останкино», сел в свою машину и выехал домой. По дороге по радиотелефону позвонил жене Альбине и предупредил, что скоро будет дома.

К своему дому № 30 на Новокузнецкой улице Листьев подъехал в девять вечера. Ничего подозрительного во дворе не заметил, закрыл автомобиль и быстрым шагом вошел в подъезд. А там его уже ждали.

Судя по всему, Листьев успел заметить, что ему угрожает опасность. Он бросился бежать вверх по лестнице, однако убийца выстрелил в него, и пуля угодила в правое плечо тележурналиста. Через секунду раздался еще один выстрел, и вторая пуля попала Листьеву уже в затылок. Он умер практически мгновенно на лестничной площадке между первым и вторым этажами. На звук выстрелов в подъезд выглянули соседи, однако убийца (или убийцы) к тому времени уже исчез.

В 21.14 сигнал вызова с Новокузнецкой поступил в службу «Скорой помощи» и в 47-е отделение милиции. К 22 часам двор у дома № 30 был уже забит милицией, сотрудниками ФСК, журналистами, артистами и случайными прохожими. До полуночи тело погибшего не убирала, так как на месте преступления работала группа судмедэкспертов. А первым, кто сообщил телезрителям о гибели Листьева (в 22.25), был ведущий программы «Сегодня» Михаил Осокин. Следом за этим в программе «Времечко» был показан телесюжет с места происшествия.

В 1.30 следующего дня был сформирован оперативный штаб по расследованию этого преступления.

Вспоминает соседка матери Листьева В. Черных:

«Зоя зашла ко мне посидеть. Она только что посмотрела «Час пик» и телевизор выключила. Мы немного поговорили, она пошла укладываться спать, а часов в одиннадцать звонит мне еще одна наша соседка: «Ты слышала? Влада убили!» Мы не могли в это поверить. С одной стороны, в «Новостях» объявили, значит, правда, а с другой – может, информация неверная? Зое Васильевне решили ничего не говорить. По крайней мере, до утра. И вдруг – на лестничной площадке ее истошный крик! Я выбежала к ней, стала успокаивать, говорить, что все неправда, что он только тяжело ранен. Но ей уже позвонила первая невестка – Лена – и сообщила о трагедии. Она же первой и примчалась к Зое. За ней приехал Юра Николаев – они были дружны с Владом. Мы вызвали «Скорую», убедили Лену, что маму нужно сначала подготовить. Иначе это ее убьет. Следили, чтобы Зоя не смотрела телевизор, говорили ей, что это ошибка, что врачи борются за его жизнь... И только когда собрались все близкие, я поняла: пора. Подошла к ней, села рядышком и тихо-тихо сказала: «Владюшки нет». Снова – «Скорая», врачи, уколы...»

Тем временем в 10.00 находившийся с официальным визитом в Англии премьер-министр России Виктор Черномырдин прислал семье В. Листьева официальное соболезнование.

В 12.00 практически все телевизионные каналы прекратили свое вещание, ограничившись лишь выпусками новостей. В это же время в «Останкино» прибыл Президент России Борис Ельцин. В 13.07 он выступил в прямом эфире и лично признал себя виновным в разгуле преступности в стране. Следом за этим он пообещал принять

кардинальные меры и свое обещание сдержал. Через четыре дня после этого со своих постов были сняты прокурор Москвы Геннадий Пономарев и начальник столичного ГУВД Владимир Панкратов. Многие средства массовой информации охарактеризовали это событие как очередной удар Кремля по мэру Москвы Юрию Лужкову. Однако вернемся в день 2 марта.

В 19.00 в эфир вышла программа «Час пик», в которую пришли коллеги, ближайшие друзья и соратники Листьева. Выступающих было несколько десятков, поэтому ограничусь всего лишь несколькими отрывками из их выступлений.

Борис Ноткин: «Я в 11 утра вчера разговаривал с Альбиной, его супругой. Попросил ее поддержать мое предложение, чтобы Влад пришел ко мне в передачу 7 марта – он был таким замечательным подарком нашим женщинам 8 Марта прошлого года! И потом я сказал: «Альбина, как замечательно, что первый по профессии, самый авторитетный человек в нашем цехе становится и первым человеком на телевидении». Она говорит: «Да, но это может очень плохо кончиться...» Я говорю: «Альбина, что ты? Будет, наоборот, замечательно – такой авторитет! С этим авторитетом мы сможем изменить телевидение!» А она говорит, и в голосе было столько тревоги. Это было в 11 утра вчера...»

Артем Боровик: «Мне ситуация напоминает вот что: как будто нас всех, кто сегодня собрался, выстроили в шеренгу в маленьком дворике – сзади стена, впереди стоит рота киллеров. Рота киллеров стреляет: позавчера упал Холодов, вчера упал Влад Листьев... Я вижу однозначно впереди нас стоящую роту киллеров, за ней мафия, за ней власть, сросшая с этой мафией, которая обещает нам разобраться, прекратить этот беспредел криминальный, но она не способна этого сделать, потому что она уже срослась с этой мафией. Нам нужно что-то сделать срочно, чтобы разогнать эту шеренгу киллеров впереди или разрушить эту стену, которая стоит сзади.

Президент сегодня приехал, пообещал разобраться, как бы опять покаяться. Но, извините, я не верю ему больше после всех этих ситуаций. После того как убили троих ребят в августе 91-го, он сказал: «Простите, я не уберег вас!» Но сколько таких слов было сказано с тех пор, сколько людей было убито после того. В Чечне нам показали, что

можно убивать просто целыми селениями. Тут жизнь одного Влада Листьева, по сравнению с тем, что творила власть всего месяц назад...

Я не знаю, что делать. Я думаю, в конечном итоге ответственность за все это несет президент...»

И. Лесневская: «Я не хочу говорить сегодня о политике. Я хочу говорить о новом телевидении, из-за которого ушел Влад, потому что он именно этого хотел – нового телевидения, потому что «Останкино» погрязло в грязи, в мафиях, в непонятных каких-то валютных ларьках. Здесь омерзительный дух, здесь смердит – об этом надо говорить. Именно поэтому было создано это общественное российское новое телевидение, на которое мы, профессионалы, хотели прийти и сделать его заново...»

А. Козлов: «Президент сказал, что «Останкино» в том числе виновато в том, что погиб Влад Листьев... Господа, как мы можем вытерпеть это оскорбление? Юра, ты виноват в этом? Владимир Яковлевич, вы виноваты в этом? Я спрашиваю тебя, Володя Мукусев, ты виноват в этом? Мы виноваты в том, что не сберегли, да. Но когда я слышу о том, что я и мои коллеги здесь виноваты в этих ларьках и в этом духе – я говорю, нет: рыба гниет с головы. И когда здесь наконец появится тот председатель, которому будут доверять? – тот человек, которым был Влад Листьев. Ведь смотрите, лучшие уходят, а прорабы перестройки остаются – непотопляемые... Давайте не будем бояться, давайте наконец потребуем, чтобы во главе того нового канала стояли те люди, которые могут получить доверие и наше, и значит, доверие телезрителей, могут наконец быть профессионалами, а не прорабами перестройки, чтобы наконец действительно появилось новое, мощное, сильное телевидение...»

Это преступление, без преувеличения, всколыхнуло все общество. В комментариях, как и полагается после таких резонансных преступлений, недостатка не было. Приведу лишь две диаметрально противоположные точки зрения.

В. Жарихин (газета «Век»): «На каждом переломе общество выдвигает своего героя, настоящего или придуманного человека, который персонифицирует идеальное представление о жизненном успехе в новых условиях, короче – Героя эпохи. Им может оказаться поэт Пушкин, критик Белинский, революционер-террорист Бауман, партийный функционер Киров, космонавт Гагарин, актер Высоцкий и,

наконец, телеведущий Листьев. Все они погибали молодыми, когда заканчивалась эпоха, которую они символизировали.

Листьев, на свою беду, оказался символом нашей либерально-демократической революции.

Мы похоронили либеральную мечту об идеальном «новом русском». О свободном, талантливом хозяине жизни в белом смокинге с обаятельной улыбкой и в интеллигентных очках, который достиг всего только своим талантом и честным трудом. А хозяевами жизни, настоящими «новыми русскими», давно уже стали блеклые личности с гладко зачесанными назад волосами, в бронежилетах под кашемировыми пальто до пят и со взводом устрашающих охранников с автоматами».

А вот как комментировала гибель Листьева газета «Завтра»:

«Одаренный Листьев, в отличие от среднеспособных сорокиных, митковых, сванидзе и доренко, не обслуживал воровской ельцинский режим и дикий российский капитализм – он их творил. И по заслугам был оценен хозяевами жизни. Назначение 38-летнего Влада генеральным директором самой крупной телекомпании стало одновременно официальным признанием его в качестве творца победившей криминально-демократической революции...

Талантливый Листьев проповедовал либеральную вольницу без конца и края, жажду легкого обогащения и сделался жертвой того, что вызвал к жизни».

Прощание с В. Листьевым состоялось 3 марта при огромном стечении народа. Достаточно сказать, что очередь в «Останкино», где был выставлен гроб с телом погибшего, растянулась на два с половиной километра. Людской поток двигался мимо гроба шесть часов, но очередь не уменьшалась. Как написал в своем репортаже корреспондент «Комсомольской правды» В. Черных: «Фраза «Москва прощалась со знаменитым журналистом» здесь не проходила. На панихиду приехали из всех республик бывшего СССР. Мужчина с огромным букетом роз рассказал, что вылетел в Москву из Петропавловска-Камчатского, как только узнал о гибели Листьева. Он же показал на старушку, которая прибыла в столицу из Якутска только для того, чтобы попрощаться с любимым телеведущим. Женщина из Узбекистана привезла какие-то уникальные розы, которые почти не раскрываются и засыхают вместе с лепестками...

Гроб стоял в Концертном зале «Останкино». Именно к этим дверям стекались несколько людских потоков. Отдельно – толпа журналистов, отдельно – чиновники из Аппарата президента, многочисленные министры и заместители, работники московской мэрии во главе с Лужковым, многочисленные депутаты, через все здание тянулась змейка работников телекомпании. И конечно, «простые россияне». Плюс к тому огромное количество артистов, музыкантов...

Скорбная толпа, гора цветов, «Реквием» Моцарта. Все тихо и торжественно. В интервью «КП» один из ответственных сотрудников ФСК, естественно, просивший не упоминать его фамилии, сказал, что вся эта чинность закончится сразу после похорон. По словам контрразведчика, в ближайшее время следует ожидать резкого обострения предвыборной борьбы, открытая фаза которой началась именно с убийства Владислава Листьева.

4 марта, в 10 часов, в церкви Воскресенья Словущего на Успенском Вражке прошло отпевание. В час дня на Ваганьковском кладбище состоялась гражданская панихида. В 14 часов Владислав Листьев был похоронен.

Между тем следственную группу по расследованию убийства В. Листьева возглавил следователь по особо важным делам при Генеральном прокуроре России Борис Уваров. Относительно возможных версий этого преступления в прессе чаще всего упоминались такие: уголовно-финансовая (конфликт из-за рекламы), политическая (чтобы дестабилизировать ситуацию в стране), экономическая (Листьев был одним из видных отечественных телебизнесменов) и, наконец, личная. Начнем с последней.

В первую очередь сыщикам предстояло разобраться с прошлым погибшего. Например, им было известно, что он имел непростые отношения со своей первой женой, которая, едва он стал знаменит, заявила права на алименты. Говорят, что с годами она становилась все более активной. Однако подозрения с этой женщины были быстро сняты: едва ли кто станет желать смерти человеку, который может платить хорошие деньги.

Не был усыпан розами и последний, третий брак Листьева. Отмечалось, что на пятом году их союз дал трещину. Некую интересную даму, врача по профессии, слишком часто стали замечать в

обществе Листьева. Говорят, что эта женщина была и на похоронах Влада, но сумела проститься с ним только тогда, когда с места прощания отлучилась жена Листьева.

Об этом любовном треугольнике следствию было известно, однако никакого криминала найдено не было. Поэтому бытовая версия убийства вскоре зачахла. Политическая же с самого начала, кажется, никого особенно не увлекала. Другое дело – экономика.

Блок «экономических» гипотез разделяется на несколько направлений. Причины могли быть таковы:

- конфликт с партнерами по акционированию ОРТ;
- ущемление интересов некоторых рекламных агентств и производителей программ после переработки эфирной сетки;
- рэкет.

Буквально с первого дня появилось несколько подозреваемых. Например, тогдашний генеральный директор компании «ЛогоВАЗ» Борис Березовский и глава рекламного агентства «Premier SV» и фирмы «ЛИС'С» Сергей Лисовский. Начнем с первого.

Как известно, почти мгновенно после убийства Листьева была предпринята попытка произвести обыск в офисе Березовского на Новокузнецкой улице. Однако подозреваемый «поднажал», подключил к делу все свои влиятельные связи, и следователям пришлось уйти ни с чем. Борис Абрамович отрицал всякую причастность к этому делу, заявляя, что его хотят подставить конкуренты. Через какое-то время и следствие провозгласило: непричастен. Вроде бы и телемагнату устранив Листьева было ни к чему – тот и так был у него в руках. Иное дело, что «хозяин» мог вольно или невольно подставить исполнительного директора ОРТ...

Сергей Лисовский тоже сразу подпал под подозрение сыщиков, да и широкой общественности, поскольку о его разногласиях с погибшим было хорошо известно. Листьев пытался изменить порядок размещения рекламы на ТВ, который, по его мнению, приносил прибыль не столько телевидению, сколько рекламным агентствам. По мнению экспертов, стоимость всего объема рекламы на Первом канале в 1995 году должна была составить 170 млн долларов, Лисовский же гарантировал лишь 120 млн долларов. 28 февраля состоялась их последняя и довольно бурная встреча.

Однако и от Лисовского вскоре отстали.

Тем временем следствие продолжало обрабатывать оставшиеся версии. Вот как развивались события в деле поимки киллеров. Первыми кандидатами на эту роль были названы двое молодых людей. Их фотороботы появились в газетах и на экранах ТВ уже на следующий день после убийства. Потом выяснилось, что эти люди действительно преступники, но промышляли они не заказными убийствами, а разбойными нападениями на квартиры.

Следующие кандидаты в киллеры стали широко известны в мае 1996 года. Дело было так.

Некий житель Харькова по имени Джамал связался с местным публицистом Анатолием Клевой и попросил свести его с московскими журналистами. Пояснил, что у него есть серьезная информация по делу Листьева. Якобы земляк Джамала принимал непосредственное участие в убийстве тележурналиста, а теперь желает вывести заказчиков на чистую воду. Почему? Из чувства мести. Мол, «земляк» и его напарник, убив телевизионщика, тем же вечером 1 марта приехали на некую дачу в Подмосковье. Но едва они вышли из машины, как по ним был открыт предательский огонь. Напарник погиб, а «земляк» успел перелезть через забор и скрыться в лесу. Какое-то время он заметал следы, а затем решил отомстить – готов обнародовать некие материалы. Какие? Как и всякие профессиональные киллеры, получив заказ, напарники приняли ряд мер безопасности. Они записали на аудио и видео переговоры с нанимателями. На пленке якобы был даже запечатлен человек, который довольно часто появляется на экранах ТВ.

Выслушав рассказ Джамала, Клева связался с коллегами из еженедельника «Щит и меч». А к тем якобы уже приходил некий оперативник из следственной группы и сообщил примерно то же самое, что и Джамал. Даже и имя последнего прозвучало. Харькову дали «добро» на встречу.

Человек, назвавшийся Джамалом, был крайне осторожен и всех карт не раскрыл. Договорились увидеться еще раз. Но встреча сорвалась. Дальнейшее опять-таки покрыто туманом неизвестности. А вскоре внимание общественности переключилось на другую публикацию – в «Комсомольской правде».

По информации автора статьи, реальный убийца Листьева Игорь Дашдамиров содержался в следственном изоляторе «Лефортово». Кто

этот человек?

30-летний Дашдамиров, примыкавший к солнцевской преступной группировке, якобы находился в контакте с «BIZ-TV» и был знаком с продюсером Борисом Зосимовым. Сообщалось, что солнцевские имели свою солидную долю в телекомпании. По информации, записанной на дискете и переданной журналистам, Листьев ущемил интересы еще одной телекомпании – «GMS». Там предположительно крутились «левые» деньги. Таким образом, схема убийства по этой версии выглядела так: руководитель «ВИДа», соперничая с «GMS» и «BIZ-TV», сильно перекрыл им кислород, за что и поплатился. Выходило, что Дашдамирову убийство Листьева заказали солнцевские.

Однако и в этом случае серьезной полемики не последовало, и вопрос остался по-прежнему открыт.

Тем временем определенную порцию масла в огонь следствия подбросила внезапная смерть матери Листьева Зои Васильевны. Трагедия произошла в Москве 30 июня 1996 года. События выглядели следующим образом.

После гибели единственного сына Зоя Васильевна стала часто жаловаться на здоровье – то беспокоило сердце, то поднималось давление. Поэтому «Скорую» иногда приходилось вызывать чуть ли не каждый день. В начале 96-го ее состояние сильно ухудшилось, и невестка – Альбина – устроила свекровь в кремлевскую больницу. Там женщину подлечили и, выписывая, посоветовали вести спокойный образ жизни, поменьше волноваться и не злоупотреблять лекарствами. Однако Зоя Васильевна советов врачей придерживалась мало. Гипертония и боли в сердце толкали ее на употребление сильнодействующих лекарств, которые помимо основного действия – снижения давления – оказывали и побочное – вызывали сонливость, замедляли реакцию. В роковой день это все сыграло свою пагубную роль.

30 июня Зоя Васильевна после обеда зашла к своей соседке и сообщила, что собирается отправиться на рынок у Севастопольского проспекта за картошкой. Время было около пяти вечера. Пересекать проспект женщина стала почему-то не по пешеходному переходу, а неподалеку. Однако едва она шагнула в поток машин, как тут же была сбита выскочившими навстречу «Жигулями» восьмой модели. С черепно-мозговой травмой ее доставили в 7-ю городскую больницу,

где она скончалась через два с половиной часа. Эта смерть лишний раз подтвердила версию о том, что над родом Листьевых довлеет какой-то злой рок. Судите сами: Листьев-старший умер от какого-то непонятого отравления в 42 года, сын погиб от пули наемного убийцы в 38 лет, и, наконец, мать нашла свою смерть под колесами автомобиля.

Что касается водителя злополучной «восьмерки», то он с места преступления скрылся. Однако благодаря свидетелям происшествия буквально через сутки его удалось задержать. Им оказался 22-летний житель Москвы.

Тем временем в конце октября того же года в эпицентре слухов оказалось имя вдовы Листьева Альбины. В ряде газет и журналов прошла информация о том, что она... вышла замуж за генерального продюсера телекомпании «ВИД» Андрея Разбаша. К примеру, «Экспресс-газета» в номере от 15 октября сообщила, что 27 сентября молодые расписались. Однако вскоре выяснилось, что это неправда. В марте 97-го сама Альбина дала обширное интервью «Комсомольской правде», в котором подробно рассказала о своей жизни после смерти Листьева. В отрывках это выглядит следующим образом:

«После гибели Влада моя жизнь изменилась радикально. Я ушла из Музея народов Востока, где семь лет реставрировала станковую живопись. Правда, к тому времени я уже преподавала в Художественном училище имени 1905 года, которое сама когда-то окончила. А чуть позже стала работать арт-директором в телекомпании «ВИД». У меня там роль административная, стилеобразующая. Это как редактор в вашей профессии...

Кабинет мужа я не занимала. Он остается только кабинетом Влада. Но когда у меня намечаются какие-то встречи, я приглашаю людей туда. Впрочем, это бывает нечасто...

Сашка (сын Листьева от второго брака. – *Ф. Р.*) всегда был для меня близким человеком. А сейчас вообще как сын. Можно сказать, что после гибели Влада мы с ним только и начали общаться по-настоящему. Раньше по обстоятельствам, теперь – по состоянию души. Он и его мама – это часть моей семьи...

Я никогда не собиралась эту квартиру продавать (имеется в виду квартира в доме № 30 по Новокузнецкой улице. – *Ф. Р.*). Это ведь был мой единственный дом. Правда, сейчас я поменяла место жительства,

но та квартира стоит и, видимо, будет стоять, пока Сашка не вырастет. Наверное, я до сих пор бы в ней жила, если б не этот подъезд. Нельзя же подниматься в дом по веревочной лестнице... На Новокузнецкой теперь – голые стены. Всю мебель я перевезла в подмосковный дом, где мы с Владом собирались жить постоянно...

По поводу нашей свадьбы с Андреем Разбашем было столько глупостей напечатано! Видимо, кто-то захотел меня пристроить. Из жалости... Я могу сказать только одно: после Влада я не выходила замуж и не собираюсь выходить. Во всяком случае, в ближайшее время...»

В конце октября того же года имя Андрея Разбаша и Альбины Листьевой вновь оказалось в эпицентре скандала, на этот раз куда более громкого, чем дело о женитьбе. На этот раз «бурю в стакане воды» устроила газета «Московский комсомолец», которая 22 октября опубликовала на своих страницах пространную статью журналиста, скрывшегося под инициалами Р. Н., под названием: «В самом громком убийстве 95-го появилась «семейная версия». Станут ли косвенные улики главными?» Вот ее текст:

«Как стало известно «МК» из источников, заслуживающих доверия, следствие по делу Листьева активно разрабатывает в последнее время т. н. семейную версию. В частности, следователей интересуют взаимоотношения внутри треугольника Листьев – Альбина – Разбаш. Листьев и его жена Альбина были не расписаны (Листьев и Альбина поженились 31 декабря 1991 года. – *Ф. Р.*). По некоторым сведениям, Листьев собирался уходить от Альбины – встретил другую. Теплые взаимоотношения Альбины и Разбаша стали для всех очевидны уже вскоре после смерти Влада, поскольку они и не думали их скрывать. Все вышеперечисленное уже можно квалифицировать как косвенную улику, на основании которой можно строить обвинение. Заняться «семейной версией» следствие побудила также внезапная смерть матери Листьева – одной из наследников состояния Влада в телекомпании «ВИД». Как известно, она странным образом погибла под колесами автомобиля по дороге в магазин. Однако «семейную версию» можно рассматривать и шире, в рамках телекомпании «ВИД».

Известно, что Листьев в должности гендиректора ОРТ публично высказывался, что не будет на этом посту «человеком «ВИДа». Он

собирался оставить при себе на канале из передач «ВИДа» только «Поле чудес» и «Угадай мелодию» (которая тогда готовилась им к эфиру). Брожение вокруг «ВИДа» и его передел не закончены и сегодня. На повестке дня – отстранение от дел ставших ненужными учредителей. Возможно, одним из «ненужных» людей станет Иван Демидов. Кому в свое время стал ненужным Листьев, следствие продолжает искать теперь и в «семейном» направлении».

Эта публикация вызвала взрыв возмущения со стороны упомянутых лиц. Буквально на следующий день в «Останкино» собрали пресс-конференцию, на которой было заявлено, что статья явно заказная и что организаторам конференции прекрасно известно имя заказчика. Однако более подробных объяснений, которые помогли бы разобраться в сути происходящего, так и не последовало. Ясно было одно: нити этой истории тянулись в «Останкино», к противникам «ВИДа» по телебизнесу.

На протяжении 1998 года слухи вокруг имен Листьева и близких ему людей благодаря стараниям прессы продолжали будоражить общество. В частности, весной люди повсюду судачили о том, что в Пресненском суде Москвы бывшие жены покойного тележурналиста активно делили его имущество. Как выяснилось, эти слухи имели под собой основание. В апреле корреспонденты журнала «Профиль» М. Озерова и А. Цаплин посвятили этому делу обширную публикацию, которую я приведу в сокращении:

«Бабушке 17-летней Валерии Листьевой, бывшей теще Влада Листьева Лидии Есиной, приходится самостоятельно наводить справки о наследстве Владислава. Спустя три года после смерти бывшего зятя она занята тем, что разыскивает машины, дачные участки и акции. Г-жа Есина не намерена успокаиваться, пока ее внучка не получит все причитающееся ей по закону.

Масла в огонь подлил друг Владислава Листьева, Владимир Мукусев, который заявил, что общее состояние Влада оценивается ни много ни мало в 16 миллионов долларов (отметим, что официальная зарплата покойного составляла всего лишь несколько тысяч долларов). Правда, последняя жена Владислава, Альбина Назимова, заявила, что эта цифра не имеет ничего общего с действительностью.

Пока же нотариус выдал на имя старшей дочери Влада, Валерии Листьевой, свидетельства о праве на наследование 3/8 доли от трех

машин («Вольво», «Мазда» и «ВАЗ-21093»), земельного участка, 121-метровой квартиры в переулке Сивцев Вражек и 69-метровой квартиры на улице Новокузнецкой.

Квартиры, кстати, оценили по инвентаризационной стоимости. В итоге Валерии «светит» 21 миллион «старых» рублей. Эти деньги последняя жена погибшего, Альбина Назимова, выплатить согласна, но другую сторону такая сумма не устраивает.

– На эти деньги я даже комнату внучке не смогу купить, – сказала Лидия Есина корреспонденту «Профиля». Она настаивает на том, чтобы получить 69-метровую квартиру или ее денежный эквивалент по рыночной стоимости.

Мирные переговоры зашли в тупик, после чего рассмотрение вопроса переместилось в Пресненский суд города Москвы...

Судится Лидия Есина и с «L-клубом» Леонида Ярмольника: Владимир имел там долю – 20 акций. Были у Листьева и акции АОЗТ «Телекомпания «ВИД». Только когда дело дошло до наследства, оказалось, что эти организации бедствуют – ни «ВИД», ни «L-клуб» дивиденды акционерам, конечно же, не выплачивают.

Как бы то ни было, но в «L-клубе» теще Листьева, по ее собственным словам, предложили 3 тысячи долларов то ли за акции, то ли за то, чтобы не подавала в суд. Но она отказалась...

Кроме Валерии, дочери от первого брака, у Владислава был еще сын от второго брака. Третья и последняя жена Листьева, Альбина Назимова, поддерживает с ним хорошие отношения, так что наследственных споров в данном случае удалось избежать. А вот о первой семье Владислава, по словам самой Альбины, у них было не принято говорить.

Кстати, Лидия Есина, по ее словам, очень сомневается, была ли Альбина Назимова законной женой Владислава Листьева (ходят слухи, что брак якобы не был зарегистрирован). Если так, то расклад между наследниками в корне меняется...»

В конце года вокруг имени Листьева грянула еще одна сенсация, хотя новой ее назвать никак нельзя. В прессе вновь стали циркулировать слухи о том, что Альбина Назимова и Андрей Разбаш поженились. Но, как выяснилось, в отличие от прошлых случаев на этот раз слух оказался подлинным. 25 декабря в газете «Версия» была

опубликована заметка «Андрей Разбаш женился на Альбине Листьевой». Приведу ее полностью:

«Несмотря на то что пресс-служба «ВИДа» хранит гордое молчание по этому поводу, корреспондентам «Версии» удалось разузнать некоторые подробности. «Генеральный продюсер Андрей Разбаш в командировке и будет только на следующей неделе», – сообщили нам в пресс-службе. Однако информированный источник уточнил, что командировка из разряда приятных. Г-н Разбаш отправился в свадебное путешествие в Италию с новоиспеченной супругой Альбиной Листьевой, Александром Любимовым и группой ближайших друзей.

Как удалось выяснить корреспондентам «Версии», брачующиеся не стали ходить в загс по месту жительства, а заказали себе женщину-регистратора на дом. Там они и бракосочетались вдали от назойливых репортеров.

В связи с этим союзом, слухи о котором давно циркулировали в прессе, могут возникнуть осложнения у остальных акционеров телекомпании «ВИД». Дело в том, что и Альбина Листьева (как вдова Владислава Листьева) и Андрей Разбаш владеют большими кусками пирога акций этой телекомпании. После их объединения путем матримониального союза новый дуэт сможет более успешно контролировать деятельность «ВИДа»...».

Между тем с момента убийства Листьева минуло уже больше полутора десятка лет, на дворе 2012 год, а ни заказчик преступления, ни сами киллеры до сих пор так и не обнаружены. Следствие продолжается?..

Убитые неизвестными

Валерий Марков, Кира Иванова, Виктор Якушев, Юрий Тишков

За пятилетие (1999–2004) сразу несколько некогда известных спортсменов ушли из жизни не по собственной воле. Первым в этом списке стоит хоккеист Валерий Марков. Он играл в столичных командах «Динамо» (1965–1970) и «Спартак» (1971–1977), затем работал тренером в сборной «Звезды России» и ДЮСШ «Спартак».

В роковой день 13 апреля 1999 года 53-летний Марков приехал к своим друзьям, живущим в доме № 9 на Звенигородском шоссе. В 14.40 он вышел из дома и направился к своей «Волге», стоявшей на стоянке. Провожая его, друзья вышли на балкон и что-то весело кричали Маркову вслед. А спустя минуту перед их глазами разыгралась трагедия.

Рассказывает С. Тополь: «Свидетелями трагедии, которая разыгралась буквально через несколько минут, стали не только они и многочисленные прохожие, но и сотрудники газеты «Вечерняя Москва»: окна редакции выходят на стоянку.

Когда Марков выезжал со стоянки, его «Волгу» задели красные «Жигули». Оба водителя выскочили из машин и начали выяснять отношения. Ссора закончилась дракой. Пока друзья Маркова бежали к нему на помощь (никто из прохожих не вмешался), водитель «Жигулей» успел несколько раз ударить его монтировкой по голове и скрылся.

Истекающего кровью Маркова друзья посадили в салон «Волги» и вызвали «Скорую». Когда минут через десять-пятнадцать на место происшествия приехали врачи, тренер уже был мертв. Поиски автомобиля, на котором уехал убийца, результатов не дали. Никто не запомнил его номерной знак...

«Валера был очень мягким и добрым человеком, – сказал его партнер по «Спартаку» Юрий Ляпкин. – Он отдавался игре без остатка, себя не щадил. И еще он очень любил детей».

Еще одной жертвой убийства стала бронзовая призерка Олимпиады-84 по фигурному катанию 39-летняя Кира Иванова, которая погибла 19 декабря 2001 года при странных обстоятельствах.

Иванова ушла из большого спорта в середине 90-х. Устроилась работать тренером в спортобществе «Динамо». Однако с конца 90-х стала сильно выпивать (говорят, это у нее наследственное). Только в 2001 году она несколько раз лечилась от пагубного пристрастия – то в НИИ имени Склифосовского, то в наркодиспансере 17-й больницы. В сентябре того же года ее уволили с тренерской работы.

В доме на улице Декабристов в Москве Иванова жила одна: старшая сестра, спортсменка, погибла лет семь назад, еще раньше умер отец, муж ушел к другой. Первыми тревогу забили соседи, которые почувствовали специфический запах на площадке. Вызвали из Митина отчима Киры. Тот приехал и обнаружил, что входная дверь падчерицы не заперта. Он вошел внутрь и... Вот как описывал увиденное «Московский комсомолец»: «Как рассказали «МК» сотрудники милиции, побывавшие на месте преступления, беспорядок в квартире Ивановой был вполне естественным явлением. Хозяйка была, мягко говоря, равнодушна к комфорту. На всех вещах – слой пыли, на кухне – немытая тарелка с засохшей рисовой кашей, многочисленные пустые бутылки... Ценных вещей почти нет, даже кубки и призы куда-то подевались. Исчезла и бронзовая медаль за Олимпиаду-84, сохранился лишь значок за участие в Олимпийских играх в Лейк-Плэсиде. Куда пропало остальное? Украли? Но друзья говорят, что давно не видели спортивных трофеев хозяйки.

Кира лежала на своей кровати обнаженная. Кругом – кровь, на шее и груди зияют страшные раны... Сыщики пытаются смоделировать примерную схему того, что происходило. Сначала – попойка, потом – любовные утехы (на это указывает предварительное расследование), затем – страшный финал: садист издевался над жертвой, отрезал ножницами локоны, потом начал наносить удары...

Детективы уверены, что жертва сама впустила палача. Вероятно, это случилось в ночь на среду: вечером 18-го Кира беседовала по телефону с отчимом и говорила, что у нее все в порядке. Кто потом наведалься в квартиру отставной спортсменки? Сексуальный маньяк? Грабитель? Очередной случайный знакомый? Сыщики отдают предпочтение последней версии. Убийство явно не похоже на дело рук

секс-маньяка, а брат из квартиры было просто нечего. А вот незваных гостей в доме на Декабристов в последнее время перебивало множество...

Друзья Ивановой теперь винят спортивное руководство. Не помогли, не уберегли, не наставили на путь истинный... Похоже, таков удел многих наших великих спортсменов. Пока они на коне, перед ними преклоняются, их боготворят, превозносят до небес, а потом предпочитают не замечать. Так было в XX веке, так продолжается в XXI...»

Летом 2001 года неизвестные подонки убили прославленного советского хоккеиста, игрока московского «Локомотива» (1955–1977), сборной СССР (1959–1967), чемпиона мира (1963–1967), чемпиона Европы (1959–1960, 1963–1967), чемпиона Олимпийских игр (1964) Виктора Якушева.

27 июня 2001 года 64-летний Якушев присутствовал на торжественном чествовании своего друга – олимпийского чемпиона по футболу Анатолия Ильина. Домой в Новокосино возвращался за полночь. О том, что произошло дальше, существует несколько версий. По одной из них, на Якушева напали какие-то отморозки. Когда до родного подъезда оставалось пройти каких-нибудь несколько десятков метров, они напали на спортсмена и стали его избивать. Продолжалось это в течение нескольких минут. Когда подонки убежали, Якушев из последних сил дошел до подъезда и упал, так и не сумев открыть дверь. Его тело нашли в 5 часов утра на следующий день сотрудники патрульной милиции. Якушев был без сознания. Милиционеры по домофону сообщили жене Якушева о случившемся... и уехали, даже не вызвав «Скорую помощь».

По другой версии, нападавшими были... сами милиционеры. Как писал в «Московском комсомольце» Борис Левин: «Версия о бандитском нападении отпала. Якушева привезли во двор в пять утра сотрудники патрульной службы милиции, вызвали по домофону жену и, не дождавшись, скрылись. Виктор был без сознания. На руках – следы зеленки, йода и наручников. Застиранная рубашка, а все тело – в ссадинах, кровоподтеках, синяках. При нем был только один документ – пенсионное удостоверение.

На поминках присутствовал подполковник ФСБ. Он рассудил так: «Молодчики из патрульной службы «обработали» Виктора, но, узнав

по документу, кто он, зеленкой и застиранной рубашкой пытались скрыть преступление. А иначе почему не отвезли, как положено, в больницу, где по правилам документально оформили бы поступление больного? Почему не дождались жены?..»

Почти три дня жена спортсмена не могла госпитализировать мужа. Она обращалась за помощью в клуб «Локомотив», которому Якушев отдал более 30 лет. Но, как на грех, главного тренера футбольного клуба Юрия Семина, который, безусловно, решил бы проблему госпитализации в ведомственную больницу МПС, на месте не оказалось... Помог один из друзей, поместивший Якушева в 15-ю горбольницу. У великого спортсмена были переломаны ребра, кроме того, из легкого пришлось откачать полтора литра крови. Эти травмы и привели к смерти спортсмена.

В январе 2003 года был убит бывший футболист столичных команд «Торпедо» (1987–1992) и «Динамо» (1993–1997), а впоследствии футбольный агент 33-летний Юрий Тишков. Его убили возле его дома, расположенного на Дмитровском шоссе в Москве. В тот вечер Юрий был в ресторане, где отмечал с друзьями какое-то событие. Домой возвращался на своей «Дэу-Нексии». В 23.30 он поставил ее на платную автостоянку, после чего направился к подъезду. Здесь на него и напали. Неизвестный (или неизвестные) нанес Тишкову несколько ударов заточкой в грудь, от которых бывший футболист скончался на месте.

У следствия были две доминирующие версии: бытовая и профессиональная. Согласно первой, Тишкова убили обычные отморозки. Но у этой версии есть серьезный изъян – ничто из личных вещей Тишкова с места преступления не пропало. Вторая версия выглядит куда более правдоподобной. Став за полгода до гибели профессиональным футбольным агентом, Тишков мог стать угрозой для нечистоплотных деятелей. Как заявил заместитель руководителя студии спортивных программ телеканала «Россия» (там Тишков работал комментатором) Д. Анисимов: «Я уверен, что Юра погиб из-за своей коммерческой футбольной деятельности. На продаже игроков крутятся огромные деньги. Например, Юра был агентом игрока сборной России Кержакова, которого оценили в 5 миллионов долларов. Он хотел построить этот бизнес цивилизованно. Но там столько бандитов!..»

Совсем иной точки зрения придерживается друг Тишкова футболист Игорь Чугайнов. Вот его слова: «Скорее всего, Юру встретили у подъезда какие-то отморозки. Соседи говорят, что там сидела пьяная компания. Ему нанесли заточкой множество ножевых ранений. Наемные киллеры так себя не ведут. И не надо делать из Юры футбольного бизнесмена. Больших денег он не нажил...»

Трагедия сценариста

Артур Макаров

Этот человек в советские годы написал более двух десятков сценариев, был известен также как актер и талантливый автор деревенской прозы. Однако в конце 80-х, когда великая страна и ее кинематограф трещали по швам, он решил уйти в бизнес, открыв собственное дело. И поначалу дела на новом поприще у него шли не менее успешно, чем на литературном. Однако итог оказался трагическим: новоявленного бизнесмена убили.

Артур Макаров родился 22 июня 1931 года в интернациональной семье. Его отец был немец, который жил и работал в России, а мать – русская, родная сестра Тамары Макаровой – известной актрисы и супруги кинорежиссера Сергея Герасимова. С началом Великой Отечественной войны отец Макарова, предвидя гонения на немцев, предложил своим близким уехать в Германию. Но те отказались. В итоге отец уехал, а его жена была подвергнута репрессиям. Артуру грозила отправка в детский дом, но тут в дело вмешалась его родная тетя – Тамара Макарова взяла мальчика в свою семью (позднее Макаров меняет свое отчество на Сергеевич).

Поскольку приемные родители Артура были людьми весьма занятыми – они преподавали во ВГИКе, а все свободное время посвящали съемкам кинофильмов, – то уделять много времени мальчику они не могли. Поэтому Макарова воспитывала улица, которая определила его характер на все последующие годы. Чтобы никому не давать себя в обиду, Макаров записался в секцию бокса и быстро стал там одним из лучших учеников. В 13 лет он также мастерски научился играть в карты (его наставником в этом деле был сын известного кинорежиссера Михаила Калатозова Георгий). Однако параллельно с этим Макаров всерьез увлекся сочинительством и уже в старших классах средней школы показывал задатки неплохого литератора. А поскольку его приемные родители имели отношение к кино, он тоже решил идти по их стопам. И когда в 1948 году закончил школу, отправился поступать на сценарный факультет ВГИКа, принеся туда один из своих рассказов. Однако во ВГИК его не приняли,

посоветовав идти в литературный. Но Макаров и слышать ничего об этом не хотел, мечтая только о ВГИКе. Тогда его родная мама Людмила Федоровна, не говоря ни слова сыну, взяла его рассказ и сама отнесла его в приемную комиссию Ленинградского литературного института. И Макарова приняли. Но он в Ленинград не поехал, а перевелся в Москву, где и учился, правда, весьма недолго.

Учеба Макарова длилась всего лишь год. После чего его отчислили из института. И в справке об отчислении было написано: «за антисоветскую деятельность». Кстати, по этому же делу проходил и другой студент Литинститута – четверокурсник Роберт Рождественский, но его пожалели и дали доучиться. А Макарову пришлось временно забыть про литературу и вновь вернуться в компанию к своим закадычным товарищам. Это была особенная компания, в которую входили разные люди: и так называемая золотая молодежь, и дети рядовых граждан. Компания базировалась в Большом Каретном переулке, но в целом слонялась по всей Москве. Например, одним из любимых мест ее посещения был ресторан «Спорт» рядом с Белорусским вокзалом. Это знаменитое увеселительное место в 50-е: там был не только ресторан, но и пивной бар, а также бильярдный и танцевальные залы, где джаз-оркестр «лабал стиль» (то есть играл запрещенный джаз). Публика там собиралась разномастная, начиная от стилияг и заканчивая «деловыми людьми» (так тогда звали представителей криминального мира). Многих из этих людей Макаров знал лично. Например, вора Яшу Ястреба или евреев-урок с Даниловской слободы (профессиональных «щипачей»).

Однако если в Москве дружба с этими людьми приносила Макарову определенные преимущества, то в других местах это уже не проходило. Однажды он даже чуть не погиб. Дело было в городе Каменске, куда служебная необходимость забросила Макарова в 1953 году. В одном из тамошних ресторанов он повздорил с местной шпаной, и те подкараулили его в темной подворотне и стали избивать. Силы были явно неравными: Макарову противостояли сразу восемь парней. Поэтому победа осталась на их стороне: Макарову проббили череп в двух местах и несколько раз ударили ножом. Только благодаря отменному здоровью и занятиям спортом ему удалось выжить после этого побоища. Чуть позже Макаров рассказал эту историю своему

другу Владимиру Высоцкому, и тот написал песню «В тот вечер я не пил, не пел...».

Высоцкий попал в компанию Артура Макарова в самом конце 40-х, когда вернулся с отцом и мачехой из Германии и стал жить в Большом Каретном. Он был самым младшим в этой компании, поэтому и кличку получил соответствующую – «шванц», или «хвостик», поскольку везде волочился за старшими ребятами. Именно там Высоцкий стал исполнять свои первые песни под гитару, и несколько песен были посвящены членам компании. Так, Артур Макаров удостоился песни «Лежит камень в степи».

С одной стороны, компания с Большого Каретного была типичным молодежным образованием, кои в советское время существовали чуть ли не в каждом дворе. Подобные компании возникали стихийно, как ответ молодежи на чрезмерно заидеологизированную жизнь в советском обществе, где приветствовалось участие молодежи только в официально зарегистрированных организациях типа КПСС, комсомола или пионерии. Но если молодым людям не нравились эти организации, куда было им податься? Вот и появлялись разного рода дворовые компании, где был максимум свободы и минимум идеологии.

В компанию с Большого Каретного в разное время были вхожи разные люди, многие из которых впоследствии стали очень знаменитыми. О Владимире Высоцком уже говорилось, а среди других имен назовем следующие: Андрей Тарковский, Василий Шукшин, Олег Стриженов. Однако костяк компании оставался неизменным на протяжении многих лет. У компании, которая именовалась не иначе как «Королевство», был даже свой официальный свод законов, и каждый из ее участников имел свой титул. Королем был провозглашен Артур Макаров (в компании его звали Арчик, а уменьшительно – Арч-первый), а остальные имели титулы сановников: Олег Халимонов был начальником королевской гвардии, Владимир Высоцкий – главным трубадуром, Андрей Тарковский – магистром искусств, Георгий Калатозошвили – королевским прокурором и т. д.

Во второй половине 50-х, когда началась хрущевская «оттепель», нравы в стране несколько смягчились, и Макаров сумел вернуться к любимой профессии. Он восстановился в Литературном институте (на заочном отделении) и вновь взялся за перо. Правда, до публикации

собственных произведений дело еще не дошло, но поскольку Макарову надо было кормить семью – молодую жену Людмилу и дочку, – он занялся переводами. В результате за короткое время свет увидели три переведенных им романа, несколько повестей, пьес и стихотворений. В 1962 году он наконец получил диплом об окончании института, однако публиковать собственные произведения все равно не мог, поскольку не состоял ни в каких организациях. Его даже собирались выселить из Москвы как тунеядца. Однако на помощь Макарову пришел главный редактор «Нового мира» Александр Твардовский, который уговорил молодого писателя вступить в Союз писателей. И Твардовский же чуть позже стал «крестным отцом» Макарова в литературе, опубликовав в начале 1966 года в своем журнале его первое произведение – рассказ «Дома». А в октябре того же года там же появился другой рассказ молодого прозаика – «Накануне прощания».

Оба рассказа были посвящены советской деревне, что вовсе не случайно. Деревенская тема тогда была очень популярна, и многие писатели бросились «окучивать» ее. Однако в своем подавляющем большинстве подобные произведения не выходили за рамки так называемого «социалистического реализма». Исключений было немного: Василий Шукшин, Александр Солженицын, Борис Можаев, Василий Белов и еще ряд других прозаиков, которые старались показывать деревенскую жизнь без идеологических прикрас. К этому же крылу примкнул и Артур Макаров, который хотя и родился и вырос в городе, но, имея несомненный литературный талант, сумел легко освоиться в жанре деревенской прозы. У него было вполне хорошее литературное будущее, если бы в стране не задули новые ветры. Эти ветры ничего хорошего литераторам типа Макарова не принесли. За свои слишком смелые опыты с деревенской прозой все они были подвергнуты самому решительному остракизму.

В марте 1967 года состоялось специальное заседание секретариата Союза писателей СССР, на котором обсуждались «идейно-художественные просчеты и недостатки» журнала «Новый мир». Среди авторов, «односторонне освещавших советскую действительность, обеднявших образ советского человека», упоминались Александр Солженицын (за рассказ «Матренин двор»),

Борис Можаяев (за повесть «Из жизни Федора Кузькина») и Артур Макаров (за два деревенских рассказа).

Получив «волчий билет», Макаров понял, что путь в большую литературу отныне для него закрыт, и решил переквалифицироваться в сценаристы. Благо это занятие, при удачном стечении обстоятельств, сулило куда большие материальные выгоды, чем литература. Например, начинающий сценарист, сумевший протолкнуть свою заявку на сценарий на любую из республиканских киностудий, разом получал аванс, равный 2–3 тысячам рублей. А если сценарий еще и принимался к постановке, то к этой сумме сразу добавлялось еще столько же. По тем временам это были не просто большие, а огромные деньги, на которые можно было в течение долгого времени безбедно жить самому, содержать семью, да еще и на друзей хватило бы.

Свое путешествие в мир кино Макаров начал с дальних окраин – с Узбекистана. На тамошней киностудии в соавторстве со своим коллегой Камилем Икрамовым он написал сценарий фильма «Красные пески». Это был типичный вестерн по-советски с уклоном в среднеазиатскую тематику – такая предтеча «Белого солнца пустыни». И хотя стать вровень с последним этой картине так и не удалось, свое дело она сделала – принесла киностудии неплохую кассу.

Окрыленный этим успехом и гонораром, свалившимся в его руки, Макаров, что называется, закусил удила и родил на свет еще один сценарий вестерна по-советски. Только на этот раз уже не на окраинах родины, а в самом что ни на есть центре – на главной студии страны «Мосфильме». Сегодня этот фильм знают практически все – «Новые приключения неуловимых».

Режиссер фильма Эдмонд Кеосаян первую часть трилогии про «неуловимых мстителей» снимал по сценарию Сергея Ермолинского. Однако в процессе работы режиссер и сценарист переругались, и в продолжение фильма Кеосаян своего бывшего соавтора уже не взял. А пригласил Артура Макарова, которого хорошо знал по совместной компании с Большого Каретного (Кеосаян входил в нее вместе со своим другом Леоном Кочаряном). Предположи он, чем это обернется, может быть, пригласил бы кого-нибудь другого. А так, взявшись за одно дело, друзья вскоре превратились во врагов. Суть разногласий крылась в подходе к материалу. Макаров мечтал сделать из второй части «Неуловимых» серьезное кино про ужасы

Гражданской войны, с чем Кеосаян был решительно не согласен – он хотел снимать героическую сказку для молодежи. Собственно, режиссер был прав, поскольку первая часть фильма именно такой сказкой и была. Когда Макаров окончательно это понял, он ушел из проекта, хлопнув дверью. Говорят, Кеосаян потом хотел даже снять фамилию друга из титров, но из этого ничего не получилось – за соблюдением авторских прав тогда следили строго.

Как это ни парадоксально, но работа, которую сам Макаров считал провальной – речь все про тех же «Неуловимых», – выйдя на широкий экран, стала настоящим кинохитом, собрав на своих сеансах свыше 66 миллионов зрителей (2-е место в прокате). А вот сценарий, который Макаров писал в охотку специально для другого своего друга – режиссера Левона Кочаряна, – с треском провалился. Фильм назывался «Один шанс из тысячи» и снимался одновременно с «Неуловимыми», только в разных частях Крыма. Побудительным мотивом к появлению этого фильма стало... мужское братство. Врачи обнаружили у Кочаряна рак и отмерили ему всего два-три года жизни. Вот друзья Кочаряна по Большому Каретному и решили сделать другу последний подарок – снять вместе с ним его первый и последний фильм (до этого Кочарян снимал фильмы только в качестве второго режиссера).

Фильм задумывался исключительно мужской и собрал под своими знаменами чуть ли не всех друзей с Большого Каретного: Макарова, Кочаряна, Тарковского (он был художественным руководителем проекта и одним из авторов сценария), Халимонова и других. Не было разве что только Владимира Высоцкого, но тот отсутствовал по уважительной причине – снимался в сибирской тайге в фильме «Хозяин тайги». Единственной женщиной в этом сугубо мужском коллективе была популярная актриса Жанна Прохоренко, но и та попала в эту картину не случайно – она была гражданской женой Артура Макарова. Чуть позже они поженились, и Макаров даже удочерил ее дочку Катю.

Макаров был личностью с сильным характером, чем, собственно, и привлекал к себе людей. Если другие могли наобещать с три короба, а на следующий день про это обещание забыть, то Макаров всегда слово свое держал. И умел совершать настоящие мужские поступки. Например, в конце 60-х, разочаровавшись во многих ценностях,

которые раньше составляли суть его городского бытия, он решил начать жизнь с чистого листа – взял и уехал из Москвы в деревню. И был вполне удовлетворен тамошним житьем-бытьем: косил траву, ходил на охоту (причем на медведя), ловил рыбу. В свободное время писал, однако особых надежд по этому поводу не питал – это были произведения из разряда тех, что пишутся «в стол». Что касается кино, то в начале 70-х им был написан всего один сценарий – «Горячие тропы», по которому в 1972 году был поставлен фильм. Скажем прямо, вполне заурядный. Кроме этого, Макаров и сам засветился на экране: сыграл по дружбе в фильме Василия Шукшина «Калина красная» одного из бандитов.

Настоящий успех пришел к Макарову-сценаристу во второй половине 70-х, когда из-под его пера появилось сразу несколько сценариев, принятых к производству на разных киностудиях страны. Практически все сценарии были на тему деревенской жизни, которую Макаров теперь уже знал изнутри. Один из этих сценариев – «Приезжая» – был даже удостоен первой премии на конкурсе киносценариев, проводимом Госкино и Союзом кинематографистов СССР. Фильм «Приезжая» собрал в прокате 1978 года почти 30 миллионов зрителей, а главную роль в нем сыграла тогдашняя любовь Макарова Жанна Прохоренко.

Не меньшим успехом пользовался и другой фильм по сценарию Макарова – телевизионный детектив «Золотая мина». Мало кто знает, но первую версию этого сценария написал Павел Граков. Но его материал на студии никому не понравился, и сценарий был положен под сукно. Лежал он там лет десять. А потом попался на глаза режиссеру Евгению Татарскому, и тот решил отдать его на переделку своему другу Артуру Макарову. А спустя всего полторы недели перед Татарским лежал уже новый сценарий. Он и стал основой для фильма, который по праву вошел в сокровищницу советского кинодетектива.

В 80-е годы Макаров продолжал писать сценарии, хотя, по заверениям близких ему людей, тяготился этим делом. Он считал своим призванием деревенскую прозу, а сценарии писал исключительно ради заработка. Однако, когда в середине 80-х в стране началась перестройка и появилась масса других возможностей зарабатывать большие деньги, Макаров забросил литературу и решил

податься в бизнес. Но эта попытка начать жизнь с чистого листа закончилась для Макарова трагически.

Макаров открыл фирму «Арт-Гема», которая занималась продажей гвоздей с серебряными шляпками (эти редкие, можно сказать, коллекционные гвозди используются для создания или реставрации уникальных образцов мебели), а также огранкой алмазов. Кроме этого, бывший сценарист баловался и выпуском «левой» водки, которая в те годы была не менее прибыльным делом, чем огранка алмазов. Довольно скоро Макаров стал весьма состоятельным человеком, заработав за год-два своей предпринимательской деятельности такие деньги, какие ему не приносили все его сценарии, вместе взятые. Однако счастья эти деньги их обладателю так и не принесли: осенью 1995 года Макарова убили. То ли конкуренты по бизнесу, то ли должники.

Трагедия произошла 3 октября 1995 года в Москве. События рокового дня выглядели следующим образом.

Утром водитель Макарова, как обычно, заехал за своим шефом. Тот слыл человеком крайне осторожным и всегда просил, прежде чем выезжать к нему, позвонить по телефону. Водитель так и сделал. Однако в доме Макарова к телефону никто не подошел. Никто не отозвался и на дверной звонок. Тогда водитель позвонил по телефону друзьям шефа, надеясь обнаружить его там. Но у друзей Макарова тоже не было. И тогда, чувствуя неладное, водитель связался с приемной дочерью шефа – Катериной.

Дочь, жившая по соседству, пришла через несколько минут и открыла дверь своим ключом. Когда они вошли в квартиру, их глазам предстала ужасная картина. Макаров лежал на полу со связанными за спиной руками и кинжалом в груди. Везде царил беспорядок, как будто преступники что-то искали. Вскоре удалось выяснить, что именно: из квартиры исчезли коллекция уникального холодного оружия, несколько картин (их вырезали прямо из рам) и деньги из потайного сейфа.

Как установило следствие, Макаров был убит накануне в два часа ночи. Судя по всему, он сам впустил в дом своих гостей или же вошел туда вместе с ними, поскольку какие-либо следы взлома двери отсутствовали. Из этого следовало, что убийцы или близкие знакомые,

или же друзья сценариста. Но кто именно, установить так и не удалось.

Случайность или заказ?

Михаил Круг

Летом 2002 года страну потряс вопиющий случай – в Твери был убит популярный певец, 40-летний Михаил Круг (Воробьев), автор нашумевшего поп-шлягера в стиле «зэка» «Владимирский централ». После появления этой песни слава Круга в криминальных кругах была настолько большой, что мало кто мог представить, что у кого-то из преступного мира поднимется рука на певца. Однако поднялась.

Трагедия произошла в воскресенье, 30 июня, когда в Твери отмечался День города. На часах была полночь, когда в дом Круга, находившийся в районе Мамулино, проникли воры. Видимо, они рассчитывали, что в доме находятся только женщины, а самого хозяина нет. Но Михаил был дома. Когда он услышал снизу крик своей тещи (она смотрела на первом этаже телевизор и первой заметила бандитов), певец бросился к ней на выручку. Увидев его, преступники сначала опешили, а потом бросились наутек. Однако один из них успел разрядить в Круга свой пистолет. Одна пуля угодила певцу в левую половину груди, другая попала в подмышку. Жена Михаила немедленно вызвала «Скорую». Медики приехали уже через 10 минут, но за это время родственники связались с друзьями артиста, и те отвезли его на своей машине в ближайшую 6-ю горбольницу. Вспоминает врач Ю. Лебедин:

«В 00.40 ночи Круга на каталке доставили в приемный покой. Он сам слез с каталки! Мы осторожно сняли с раненого окровавленную одежду, выбрили и обмыли грудь. У него было два огнестрельных ранения. Одна пуля застряла в левой части груди, вторая прошла тело насквозь в районе подмышки, повредив ребро и легкое. Я измерил ему давление – верхнее было 120 миллиметров. Для певца с его избыточным весом и обычным давлением 140–150 это означало большую потерю крови. Поставил ему капельницу. Круг был в полном сознании, отвечал на вопросы, но по всему чувствовалось, что человек еще не отошел от болевого шока. Он рассказал, что неизвестные в масках дважды в него стреляли... Узнав, что в больницу доставили Круга, приехал наш главврач.

Операция длилась два с половиной часа. Пациенту сделали переливание крови и плазмы, но, увы, спасти его не смогли. В половине пятого утра Михаил умер...»

У следствия было несколько версий трагедии. Во-первых, преступники могли быть обычными грабителями, которые забрались в богатый особняк, чтобы пожить, во-вторых – Круга могли «заказать» некие недоброжелатели из мира искусства. Обе версии тщательно проверялись. Параллельно, по слухам, свое расследование вели и представители криминального мира, которые очень уважали Михаила Круга. Потом в СМИ пройдет информация, что «блатные» якобы сумели первыми найти убийц Круга и устроили им «смерть жуткую, лютую».

3 июля 2003 года состоялись похороны Михаила Круга. На них пришел чуть ли не весь город. Панихида проходила в областном Театре драмы, сами похороны – на Дмитрово-Черкасском кладбище Твери. В церемонии прощания приняло участие все тверское руководство, из Москвы приехали Вика и Владимир Цыгановы, Владимир Жириновский, Александр Семчев, Ксения Стриж, Анатолий Днепров и др. Поминки по певцу прошли в загородном отеле.

С тех пор минуло почти десять лет, а преступников так и не нашли. Говорят, это были какие-то залетные грабители, которые сразу после преступления скрылись из Твери.

Убитый случайно

Майкл Джексон

Король поп-музыки на протяжении долгих десятилетий играл в опасную рулетку – экспериментировал со своей внешностью, делая одну пластическую операцию за другой (их у него на одном лице было больше десятка). Все это не могло благотворно сказаться на его здоровье, о чем, кстати, многие врачи его предупреждали. Однако эти предупреждения певец постоянно игнорировал. Но, как показало будущее, умер Майкл Джексон отнюдь не из-за своих хирургических экспериментов, а был... убит своим же лечащим врачом. Но расскажем обо всем по порядку.

Все началось 25 июня 2009 года. Примерно около часа ночи Майкл почувствовал себя плохо и вызвал к себе своего личного врача Конрада Мюррея. Тот приехал незамедлительно в лос-анджелесский особняк на Холмби-Хиллс (Белл Эйр, 1221), который певец снимал. Майкл пожаловался врачу на обезвоживание и изнуряющую бессонницу. Мюррей дал ему три успокоительных средства, после которых больной проспал несколько часов (Мюррей последние шесть недель лечил звезду от бессонницы и каждый вечер ставил капельницу с 50 мг седативного средства пропофола, растворенного с анестетиком лидокаином).

Около 12 часов дня врач внезапно обнаружил, что Майкл не дышит, и пытался самостоятельно реанимировать певца. Но делал это как-то странно: например, телохранитель Майкла Фахим Мухаммад позднее рассказывал, что Мюррей спрашивал, знает ли кто-нибудь из присутствующих, как провести прямой массаж сердца. И только после того, как стало ясно, что врач не справляется со своими обязанностями, было решено позвонить в службу 911.

Медики прибыли в особняк в 12.26. На тот момент Майкл по-прежнему находился без сознания. Врачи вкололи ему дозу адреналина и атропина, чтобы поддержать сердечную деятельность, потом интубировали (ввели в гортань трубку для искусственного дыхания). Однако все эти усилия оказались тщетными. Тогда Джексона погрузили в реаномобиль и повезли в медицинский центр

Калифорнийского университета. Но по дороге туда певец скончался, причем не помог даже внутриаортальный баллон (пластиковый баллон, который вводят в бедренную артерию, чтобы механически поддержать кровообращение). Предварительный диагноз смерти: инфаркт.

Уже в первые часы после смерти поп-короля в СМИ появились предположения, что смерть могла последовать из-за передозировки лекарств, которыми обильно пичкали певца. Как выяснилось, Майкл постоянно принимал сильнодействующие препараты, чтобы быть в форме перед серией концертов. Когда медики производили вскрытие тела певца, они обратили внимание на то, что бедра и плечи покойного покрыты следами инъекций – их делали минимум три раза в день год за годом. В желудке певца не было ничего, кроме таблеток, – Майкл морил себя голодом и ел только один раз в день. У него практически не осталось волос, и ему приходилось носить парик. Правая сторона носа провалилась, переносица вообще исчезла (грим это тщательно скрывал).

Спустя некоторое время гример Майкла Карен Фэй рассказала следующее:

«Перед смертью от Майкла остались только кожа да кости. Он весил 108 футов (48 килограммов) при росте 1 метр 78 сантиметров! Он полностью зависел от наркотиков, ничего не ел и нуждался в серьезном лечении. Несколько лет назад я поругалась с его врачом – просила прекратить давать Майклу наркотики. Врача это взбесило, и он начал меня душить. Я потеряла сознание. Майкл был под воздействием препаратов в этот момент и был не в состоянии помочь мне.

Близкие ему люди понимали, что он слишком истощен, чтобы приступить к репетициям. Но организаторами этого шоу двигала, как мне кажется, лишь жажда наживы – они вырезали мое интервью из фильма «This is it», потому что у меня есть доказательства того, что они знали, что Майкл недостаточно здоров, чтобы делать это шоу... Я посылала им электронные письма. И получила ответ, что они «держат все под контролем». На следующий день Майкл умер...»

Помимо гримера, обвинившей личных врачей певца в смерти поп-короля, то же самое сделали и другие люди: например, бывший менеджер Майкла Тарек Бен Амар. Что касается самого Мюррея, то он

категорически отрицал свою вину. Он поначалу скрыл тот факт, что давал певцу сильнодействующий обезболивающий препарат пропофол. Затем пытался убедить суд в том, что Джексон сам ввел опасную дозу лекарства за несколько минут, пока врач отсутствовал в комнате. Но расследование, которое вело ФБР, расставило все точки над «і».

10 февраля 2010 года был опубликован отчет ФБР, где факт введения в организм певца пропофола был подтвержден документально. Главным обвиняемым стал личный доктор певца Конрад Мюррей. В отчете сообщалось:

«Вину доктора Мюррея доказывают четыре фактора:

1. Введение пропофола и бензодиазепинов (лекарств, тормозящих центральную нервную систему) было прописано третьим лицом, Мюррей был не вправе делать эти инъекции.

2. Пропофол использовался не на территории медучреждения, без медпоказаний. А в домашних условиях его применение может вызвать летальный исход.

3. Нормы медицинского обслуживания, необходимые при применении пропофола, соблюдены не были. В доме Джексона не было необходимого оборудования для реанимации и контроля за состоянием пациента.

4. Обстоятельства не подтверждают возможности самостоятельного введения препарата. Джексон не мог сам сделать себе укол пропофола.

5. Вывод: Конрад Мюррей обвиняется в непреднамеренном убийстве. Он действовал хоть и без злого умысла, но без должного внимания и осторожности».

В самом начале ноября 2011 года в суде Лос-Анджелеса начались слушания по делу К. Мюррея. Как заявил прокурор Дэвид Уолгрэн, «Майкл Джексон заплатил собственной жизнью за преступную халатность своего врача». Однако адвокат обвиняемого Эд Чернофф попытался переложить вину за смерть Джексона на самого певца. По его словам: «Майкл любым способом хотел отдохнуть перед своим концертным туром, и врач тут ничего бы не мог поделать. Майкл мог сам принять дополнительную дозу пропофола – уже после того, как доктор ушел...

Доктор Мюррей давал пропофол два месяца. Свидетельские материалы не покажут вам, что Майкл Джексон скончался, потому что доктор Мюррей дал ему пропофол. Они покажут, что Майкл Джексон скончался, когда доктор Мюррей прекратил давать».

8 ноября свое решение вынесли присяжные (среди них было 6 белых, 5 латиноамериканцев и один афроамериканец): Конрад Мюррей виновен в непредумышленном убийстве Майкла Джексона! Он ввел певцу опасную дозу сильного обезболивающего, которое в сочетании с другими препаратами и привело к летальному исходу (сам медик свою вину отрицал до последнего). После того как присяжные огласили свое решение, Мюррей был арестован прямо в зале суда. А судья Майкл Пастор отказал ему в возможности освобождения под залог.

30 ноября свой окончательный вердикт вынес суд: Мюррей виновен в непредумышленном убийстве и приговаривается к 4 годам тюремного заключения. Свой срок он будет отбывать в окружной тюрьме. По прошествии части срока он сможет просить об условно-досрочном освобождении.